

Геополитический журнал

Номер свидетельства
ПИ № ФС 77 - 56382

Наименование СМИ
Геополитический журнал

Форма распространения
печатное СМИ журнал

Территория распространения
Российская Федерация,
зарубежные страны

Адрес редакции
105062, г. Москва,
Подсосенский пер., д. 26, стр. 3

Языки
русский, английский

Редакционный совет журнала:

А. Д. Шутов – председатель,
заслуженный деятель науки РФ,
доктор исторических наук,
профессор

Е. П. Бажанов – заслуженный деятель
науки РФ, доктор исторических
наук, профессор

В. Н. Гарбузов – доктор исторических
наук, профессор

О. Г. Карпович – доктор политических
наук, доктор юридических наук,
профессор

А. В. Манойло – доктор политических
наук

Г. Ю. Филимонов – доктор
политических наук

А. А. Громыко – доктор политических
наук

Е. Э. Орлов – ответственный
секретарь

*Полная или частичная перепечатка
материалов без письменного разре-
шения авторов статей или редакции
преследуется по закону*

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

- Ивашов Л. Г.**
Сирия в контексте геополитической ситуации в
мире и на Ближнем Востоке 2
- Соловьев Э. Г.**
Новая фаза борьбы за смыслы в мировой политике . . 11
- Филимонов Г. Ю.**
Актуальные вопросы формирования стратегии
«мягкой силы» во внешней политике Российской
Федерации 24
- Задохин А. Г.**
«Исход» из Европы: причины и последствия 37

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

- Гаджиев К. С.**
Размышления о дестабилизации нравов 43
- Палчаев А. Н.**
Идейно-политическая составная системного
кризиса на Северном Кавказе 54

СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИКА

- Неймарк М. А.**
Русофобия в геополитике: фантомы и реальность . . . 62
- Пономарева Е. Г.**
Римский Папа как фактор трансформации
мировой системы 74

ПРОБЛЕМЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

- Галустьян Н. Я.**
Абсолютное единовластие Сталина и его
последствия в Великой Отечественной войне 86

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

СИРИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В МИРЕ И НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Л.Г. Ивашов

*Президент академии геополитических проблем,
генерал — полковник,
доктор исторических наук*

В статье рассмотрены истоки агрессивной геополитики Соединенных Штатов с момента их возникновения как государства и по настоящее время. В статье исследованы внешнеполитические концепции США, направленные против России, а также попытки Вашингтона распространить свое владычество на все важнейшие в геополитическом отношении страны, включая Ближний Восток. Проведен анализ факторов, позволяющих Сирии выстоять перед американской экспансией, отмечены также новые угрозы, исходящие от США и возможные пути противостояния им.

Ключевые слова: США, Сирия, политика, власть, народ.

1. СИРИЯ И АМЕРИКА: В ЧЕМ ПРОБЛЕМА

Сирийская Арабская Республика — сравнительно небольшое по мировым масштабам государство на Ближнем Востоке. Государство до 2011 года спокойное, не угрожающее своим соседям, достаточно светское, благодаря чему здесь мирно уживаются люди различного вероисповедания, христианские храмы стоят рядом с мечетями, верующие различных конфессий свободно и дружелюбно общаются друг с другом. Власти одинаково почтительно относятся к христианским и исламским святыням, охраняют и сохраняют их. И эта традиция тянется еще с давних времен. Возможно потому, что Сирия была первым христианским государством, и Римская империя, приняв религию Христа, училась у антиохийской церкви строительству отношений государства с христианской общиной. Именно антиохийский митрополит крестил нашего князя Владимира, перед тем, как последний крестил Русь.

На территории Сирийской Арабской Республики сохранились и оберегаются

удивительные памятники мировой культуры. И, естественно, возникает вопрос: почему же эта красивая и спокойная страна в одночасье превратилась в арену кровавых сражений? И еще один вопрос висит в воздухе: — почему Соединенные Штаты Америки, точнее, политическая и бизнес — элита США, так взволнованы кризисом в Сирии и готовы раздолбать «тамогавками» красивейшие города, порушить исторические артефакты древней культуры, уничтожить тысячи ни в чем не повинных людей? Неужели опять ради мифических прав каких — то там меньшинств. Тогда почему бы озабоченным американцам не положить конец братоубийственной бойне в Ираке, который именно США уничтожили как централизованное государство?

Вообще как — то не вяжется все происходящее с мнимой заботой американской политики о защите мирных граждан чужих стран. Слишком уж одиозным выглядит ряд «защищаемых» американцами меньшинств. В СРЮ это албанские наркото-

бандитские группировки, которые спецслужбы и госдеп США вплоть до середины 90-х годов прошлого столетия числили в списке террористических организаций, но которые вдруг срочно перевоспитались и стали невинными жертвами «режима Милошевича». В 2003 г. Вашингтон вдруг разрыдался по поводу нарушения прав шиитского меньшинства в Ираке, которое «злой Саддам» хотел травить ядовитыми газами. И плачущий от сострадания Дж. Буш-мл. начал войну по уничтожению Иракской Республики ради обеспечения прав шиитов и курдов, а заодно, не поверив выводам группы международных инспекторов по химическому оружию (группа Бликса), не сумевших найти такое в президентских дворцах С. Хуссейна. И сегодня счет жертв «гуманной» войны в Ираке приближается к миллиону человек. А шииты, ради спасения которых американцы уничтожили государство, сегодня главные враги Америки.

Мы не найдем ответа на поставленные вопросы, пока не поймем сущность империи под названием США. Если заглянуть в историю Соединенных Штатов, то можно обнаружить устойчивую политическую традицию — уничтожать, грабить, эксплуатировать, прикрывая все это ими же выдуманными теориями, стратегиями, стандартами.

Насильственно возникшему на американском континенте государству требовалось: во-первых, защитить свою независимость от Европы; во-вторых, мотивировать уничтожение коренных народов американского континента и захват их земель; в третьих, постоянно наращивать собственные богатства, в том числе путем захвата новых территорий и установления контроля над ними, расширения рабства. Претензии на монополярность, прикрываемые лозунгами о защите прав человека, борьбы за демократию и свободу других народов, появились позже, в XX веке, когда благодаря СССР коренным образом изменился мир и американской элите нужно было

придумать дымовую завесу для продолжения прежней политики.

Для понимания сути политики Вашингтона приведу несколько исторических примеров. 1640 год, заседает Ассамблея Новой Англии, будущий Конгресс США. Обсуждается вопрос — как «законным» образом обосновать отъем земель у местных индейцев. Принимается постановление: поскольку вся земля принадлежит господу Богу, а индейцы безбожники, то их территории по праву принадлежат европейцам, пришедшим на американский континент. Естественно, сопротивляющиеся подлежат уничтожению на «законных» основаниях. И индейские цивилизации вырубаются под корень. 1823 год, Конгресс США утверждает «доктрину Монро», которой объявляет весь американский континент вотчиной США.

Далее: XIX век, принимается в качестве законодательного акта, так называемая «Теория границ» Ф. Тернера, узаконившая рабство и расизм. В ней утверждается, что дикие, варварские и не полностью варварские народы не имеют никаких прав, поскольку не являются политическими нациями. А вмешательство в дела этих «неполноценных» народов есть долг и обязанность Соединенных Штатов... Экспансия является тем средством, которое дает возможность подавить сопротивление, сохранять демократию... Так как дары земли не предложат себя сами, то первый идеал — завоевание».

Теория «Предопределенной судьбы». Дж.Стронга,(1885г.):«Звезда христианства остановилась над американским Западом и здесь останется навсегда. Сюда к колыбели молодой империи Запада принесут дань все нации мира, как некогда они приносили свои дары к колыбели Иисуса. Мы держим ключи от будущего... Эта раса (англосаксы) предназначена, чтобы одни расы вытеснить, другие ассимилировать, и так до тех пор, пока все человечество не будет англосаксонизировано».

Дж. Барджес, теоретик от геополитики, государственный деятель, (1904г.):

«Интервенция — право и долг политических наций по отношению к неполи- тическим, поскольку на стадии варвар- ства не существует человеческих прав». Но главным геополитическим стратегом США, все же, считается адмирал Аль- фред Мэхэн (1840 — 1914). Думаю, сто- ит привести некоторые его мысли, тем более что он высказывал «нежности» и в наш адрес. Итак, цитирую адмирала: « Морская сила — особый тип цивили- зации, предназначенной к мировому го- сподству. У Америки морская судьба и эта «проявленная» судьба заключается на первом этапе в стратегической инте- грации всего американского континен- та, а потом в установлении мирового господства»...**«Борьба с Россией, с этой непрерывной континентальной мас- сой Русской империи, протянувшейся от западной Малой Азии до японского меридиана на Востоке является для морской силы главной долговременной стратегической задачей».**

К «заслугам» адмирала следует отне- сти и его «научные» выводы о вечном противостоянии латинской и славян- ской рас. Развивая доктрину Монро (в части территориальной интеграции), Мэхэн требовал не допускать интегра- ционных процессов у противника... (Видимо, следуя заветам Мэхена г-жа госсекретарь Х.Клинтон, услышав пред- ложение В.Путина о Евразийском союзе, нервно заверещала, что США этого не допустят — Л.И.). Евразийские держа- вы (Россия, Германия, Китай), по Мэхе- ну, следует душить в кольцах «анакон- ды» — сдавливая их за счет выведенных из-под контроля береговых зон и пере- крывая по возможности выходы в мор- ские пространства. Его цитата об уча- сти русского народа заслуживает того, чтобы быть приведенной подробнее: **«Приступить к овладению всею поло- сой южной Азии между 30 и 40 граду- сами северной широты и с этой базы постепенно оттеснить русский народ к северу. Так как, по обязательным для**

всего живущего законам природы, с пре- кращением роста начинается упадок и медленное умирание, то и наглухо за- пертый в своих северных широтах рус- ский народ не избегнет своей участи». (А.Мэхэн. «Влияние морской силы на историю 1660-1783» .1890).

Итак, в американской геополитике четко прослеживаются самомнение о своей богоизбранности, нацеленность на мировое господство, завоевание и ограбление других народов, явно вы- раженный расизм. «Гуманистические» проявления политики США в XX — на- чале XXI в.в прочувствовали на себе и жители Дрездена, Хиросимы и Нагаса- ки в 1945 г., Вьетнама — в 70 -е, Ирака в 1991 и 2003, сербы в 1999-м и т.д. За- мечу только еще одну американскую страсть — уничтожать в первую очередь объекты мировой культуры: упомяну- тый Дрезден, святыни Косово, Вавилона, Ливии, теперь Сирии. Такое вот хобби.

Что изменилось в политике Вашинг- тона после Второй мировой войны и в начале XXI века? Ничего существенно- го. Мировое господство, как геопולי- тическая идея и целеполагание элиты США, остались неизменны. Но страте- гия, средства и методы претерпевают изменения. Здесь стратеги и методисты работают неустанно. Чего стоит один только З.Бжезинский, с его теориями «управляемого хаоса», «мировой кризис- ной дуги», «контролируемой нестабиль- ности», «гуманитарной интервенции» и т.д. В ходу с конца XX века методич- ка Дж. Шарпа (институт им. Энштейна, США) «От диктатуры к демократии», где четко прописаны сценарии «цветных» революций, организации массовых бес- порядков, свержения режимов. 198 ре- комендаций, изложенных в определен- ной последовательности.

Последнее «достижение» американ- ских стратегов — «презенивная война», провозглашенная Дж. Бушем-мл. и закреп- ленная в «Стратегии национальной без- опасности США» 2006 г. Суть этой войны,

состоит, во-первых, в том, что ее содержанием выступают геополитические операции; а во-вторых, цели, задачи и этапы этих операций совершенно иные, чем в классических войнах. Первый этап свержение «диктаторских» режимов и приведение к власти «демократий». Второй (очень интересен) — **строительство новой нации**. И только затем, после завершения строительства (перезаселения

страны), предусматривается восстановление экономики. При этом «строительство новой нации» — это не только заполнение страны — объекта мигрантами из других стран, но прежде изменение типа сознания граждан завоеванной страны, чтобы результаты этого завоевания сохранялись надолго, лучше — навсегда. Словом, обобщен опыт российской реальности последних десятилетий.

2. ЧТО ЕСТЬ АРАБСКИЙ ВОСТОК?

Наверное, было бы не совсем корректным утверждать, что в сирийском обществе и государстве все благополучно, между властью и народом

царит полная гармония. Арабский Восток, являясь ядром исламской цивилизации, имеет свои особенности, во многом связанные с исторической традицией, свою модель ценностей, сформировавшийся архетип человека.

К особенностям арабской традиции можно отнести:

- неспешность в развитии, консервативное отношение к переменам;
- приверженность (порой фанатичная) религии (ортодоксальность поведения);
- неприятие чуждых (западных, прежде всего) ценностей; — потребность в авторитарном лидере.

ООН относит арабский регион к самой недемократической части планеты, но как раз Сирия считается наиболее демократической среди арабских стран.

Геополитическое положение арабского (исламского) мира в системе цивилизаций XXI века:

- исламский мир (более 1,5 миллиарда человек) пока не нашел своего места в геополитической структуре мира XXI века в качестве мировой цивилизации;
- арабский Восток, как и весь исламский мир, не имеет собственного геодивизионального проекта;

- арабы не сумели найти приемлемую формулу соединения исторической традиции, религии и современного направления развития (как это сделали японцы, китайцы, индусы, как это делают иранцы, турки);
- арабский Восток закрепляется в положении мировой «деревни», снабжающей сырьем и дешевой рабочей силой страны Запада, а теперь и Востока (ВВП 21 страны арабского мира равен ВВП Испании, население которой в 7 раз меньше, чем в арабских странах насчитывающих 280 миллионов человек);
- для арабского мира характерна догоняющая модель развития: после падения СССР рухнула модель арабского социализма, новой модели не придумано;
- арабский мир стал неконкурентноспособным как на Западе, так и на Востоке (в 2005 году внутренние инвестиции в арабском мире составили 8-10 миллиардов долларов. В то же время арабские страны инвестировали вовне более 1 триллиона долларов).

Социально-экономическая ситуация в регионе:

- безработицей в среднем охвачено более 15% населения;
- арабская молодежь и женщины серьезно отстают в интеллектуальном развитии (число не посеща-

- ющих школы в возрасте 12-17 лет достигает 40%, такой же процент женщин, не знакомых с азбукой);
- в арабском мире в 3 раза меньше ученых в расчете на 1 миллион человек, чем в остальном мире;
 - «утечка мозгов» из арабского региона за последние 20 лет выросла почти в 20 раз, потери от нее составили примерно 250 миллиардов долларов США. Арабский мир, являясь историческим ядром исламской цивилизации, далеко не однороден, не консолидирован, не имеет собственного геополитического проекта развития в текущем XXI веке. А значит, он служит объектом для других глобальных сил и включен в их проекты. Три ведущих геополитических центра современного мира — Северная Америка, Европа и Китай развернули острую конкурентную борьбу за обладание ближневосточными углеводородными ресурсами, стратегическими коммуникациями и ключевыми территориями региона. Сырьевой тип экономики, даже при благополучном материальном положении

населения, замораживает развитие образования, культуры, науки, производства, а значит, и развитие общества и личности. Западные специалисты (С.Хантингтон и др.) отмечают, что причина стратегического отставания арабского мира кроется в высокой религиозности населения, в неспособности правящих элит соединить духовную сторону жизни, религию, с модернизацией экономики и демократизацией общества. Но так ли это, или все дело во внешнем вмешательстве в дела региона, реализации геополитических концепций и стратегий Запада? Ведь еще в 20-х г.г. прошлого столетия резидент британской разведки Лоуренс Аравийский писал в Лондон: «Цели политики Великобритании на Ближнем Востоке состоят в том, чтобы заставить арабов воевать против арабов за британские интересы».

И опять же в Сирии и Ливии, все эти негативные проявления были выражены в меньшей степени, чем в остальном арабском мире.

3. СИТУАЦИЯ В СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.

В Сирийской Арабской Республике развитие государства и общества строится на светской основе, с учетом нравственных основ исторической, национальной и религиозной традиции. В Сирии высокий процент христиан (около 15 проц.), среди арабского населения нет межконфессиональной розни. Государство строго следит за поддержанием гражданского и межконфессионального мира, пресекает проявления исламского и другого экстремизма. Серьезное внимание руководство страны уделяет образованию, развитию научных знаний, созданию современных производств. И еще подчеркну один момент: среди арабских государств лишь Ливия, Сирия, ранее

Ирак, и в меньшей степени Йемен и Ливан, пытались проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. Мировой финансовой олигархии, США, претендующим на мировое господство, подобная независимость не нравится. С такими странами расправляются с помощью военной силы. За стремление проводить самостоятельную политику, за право самим выбирать свою судьбу, свой путь развития, друзей и союзников подверглись вооруженной агрессии народы Югославии, Ирака, Ливии. Сирийский народ также постоянно находится под военным давлением со стороны США, Израиля, НАТО. Ведь после предательства египетского президента

А. Садата и разгрома Ирака, Сирия последовательно продолжала борьбу против оккупации Израилем арабских территорий, оказывала помощь палестинскому сопротивлению, поддерживала ливанское сопротивление израильской агрессии, принимала иракских беженцев. Вместе с тем настойчиво проводила антиамериканскую политику, сочетая ее с политикой мирного разрешения всех конфликтных ситуаций. Политическая стратегия Президента САР Башара Асада, руководства республики в целом, их серьезное внимание к вопросам обороны и безопасности страны, социально — политического единства сирийского общества, ориентация на Россию — обеспечивают проведение независимого курса развития. Однако и в Сирии накопилось много негативных моментов в социально — экономической сфере, которые создали почву для политического противостояния, стимулированного тут же из-за рубежа.

Высокий уровень безработицы среди молодежи и низкий уровень доходов у половины населения страны, плюс долготелый режим чрезвычайного положения и деятельность в его условиях службы безопасности создали потенциал недовольства среди населения страны. Молодой руководитель страны Б.Асад, избранный президентом САР после смерти своего отца, выдающегося государственного и международного деятеля Х.Асада в 2001 г., чувствовал необходимость реформ сирийского государства и общества. Однако консервативность сирийской элиты, внешнее враждебное (Израиль) и настороженное (монархические и проамериканские режимы соседей) окружение не позволяли их осуществить. Автору довелось иметь обстоятельные беседы с президентами САР Х. Асадом и с Б. Асадом. Впечатление от этих встреч: руководители Сирии глубоко понимали процессы, происходящие в арабском мире, жили проблемами собственной страны, стремились дать но-

вые импульсы ее развитию. Серьезным собеседником казался мне и президент Египта Х. Мубарак.

Революционные события на севере Африки, особенно в соседнем Египте, позволили президенту Сирии предложить обществу конструктивную программу преобразований, в результате которых раскроется творческий потенциал сирийского народа, страна сделает рывок в своем развитии, общество обретет новые демократические черты. В 2011 г. Б. Асад предложил обществу для обсуждения проекты новой конституции, законов о политических партиях, о СМИ, о выборах, программы модернизации экономики, образования, отменил режим чрезвычайного положения.

Сирийская общественность активно включилась в обсуждение президентских предложений. Но давайте задумаемся: насколько это выгодно США, Израилю, «золотому миллиарду». Их цель — держать арабский мир разрозненным, враждующим, нищим, неразвитым. И главное — не допустить арабского единства, возрождения исламской цивилизации. Именно поэтому конструктивные предложения Президента Б. Асада по модернизации государства и общества вызвали тревогу у противников Сирии. Ливию, за ее независимый курс, подвергли бомбардировкам, предварительно спровоцировав вооруженный мятеж. В Сирии западные и израильские спецслужбы также запустили геополитическую операцию «цветная революция», испытанную в ряде стран Европы и Азии. Цель этой операции достаточно очевидна: не допустить стабильного развития. Спокойствие в Сирии и, тем более, модернизация страны могут стать примером для других стран региона. А мировому олигархату и США желательно видеть арабский мир сплошным Афганистаном: вечно воюющим, нищим, необразованным, потребляющим лишь самую примитивную пищу и минимум нефтепродуктов.

4. ОПЕРАЦИЯ НАЧАЛАСЬ

В начале февраля 2011 г. в здании секретной миссии ЦРУ близ Стамбула состоялось закрытое совещание, которое возглавил зам. госсекретаря США. На совещание были вызваны бежавшие из Дамаска вице — президент САР, министры, другие коррумпированные бывшие чиновники. Активно участвовали руководители спецслужб Турции, ряда арабских государств. В середине февраля того же года запускаются микроблоги на арабском и фарси, где Сирия и Иран выставляются угрозой не только региону, но и всему «цивилизованному миру». Тогда же Х. Клинтон, госсекретарь США, выступила с речью о свободе Интернета, заявив, что США «...намерены продолжать диалог с людьми всего мира, ... общаться в реальном времени с людьми в любом месте, в котором правительство не блокирует связь».

Опять же трогательная забота об индейцах, простите, об арабах. Отмечу, что в октябре 2010 г. было официально объявлено о введении в боевой состав Стратегических сил США специального киберкомандования, численностью 4 тыс. человек. Специалисты Академии геополитических проблем в апреле 2011 г. отметили, что в Сирии активно распространяются в микроблогах рекомендации Джина Шарпа «От диктатуры к демократии».

Начиная с марта 2011 г., на территории Турции формируются штабы будущей «Свободной сирийской армии», организуется вербовка боевиков из различных стран, готовятся лагеря для будущих беженцев. Далее все практически известно: боевики — наемники с территории Турции совершают нападение на сирийские пограничные посты, атакуют приграничные населенные пункты и угоняют их население в Турцию, где их ожидают лагеря для беженцев. «Аль — Джазира», «Аль — Арабия» и пр. завизжали на весь мир о восстании сирийского народа

против «кровавого режима Асада». В г. Хомсе собираются митинги «протеста», ночами совершаются нападения на полицейские участки, убивают активистов партии БААС, чиновников и просто мирных жителей, отказывающихся идти на «митинги протеста». Б. Асад, в связи с отменой режима чрезвычайного положения, ограничивает права и функции Службы безопасности. Армия остается в казармах, полицейским запрещается применять оружие. В стране широко обсуждается программа модернизации страны. Митинги оппозиции начинают таять, бывший вице — президент САР, проживающий в Париже отказывается возглавить будущий режим, другие «кандидаты» в демократические диктаторы мелки, да и всячески избегают участия в революции.

11 июня 2011 г., чувствуя начало провала операции, послы США и Франции совершают беспрецедентный в истории дипломатии шаг — в сопровождении своих военных атташе, не уведомив сирийский Мид, выезжают в г. Хомс, вылезают на митинговую трибуну, призывают не верить Б.Асаду и продолжать борьбу под лозунгами «долгой кровавый режим». Автор в это время как раз беседовал с министром иностранных дел САР, мудрецом и высококвалифицированным дипломатом. На вопрос министра, как бы поступила Россия в подобном случае, я ответил, что это открытое вмешательство в дела суверенного государства, явное нарушение международных норм о диппредставительствах, и такие «дипломаты» должны в течение 24 часов покинуть страну пребывания. Сирийцы, чтобы не усугублять конфликт, ограничились нотой протеста.

Что преследуют США, их европейские сателлиты, понятно. Но чего хотят поиметь американские сателлиты в регионе конфликта, в частности, Турция, Саудовская Аравия, Катар и др.? Начнем с Турции. В начале 2000-х г.г. обозначил-

ся поворот в политике Анкары в пользу сближения с Сирией и Ираном. Турция заняла антиамериканскую и антиизраильскую позицию, регулярными стали переговоры и консультации с Дамаском и Тегераном по курдской проблеме, что не могло не насторожить Вашингтон и Тель-Авив. Дело дошло до угрозы военного конфликта с Израилем, в связи с задержанием и досмотром израильскими «коммандос» турецкого судна, пытавшегося доставить гуманитарную помощь палестинцам. Перед премьером Эрдоганом и президентом Гюлем замаячила перспектива стать лидерами исламского сопротивления Западу и Израилю.

Естественно, американцы предприняли соответствующие меры и «случайно» подбросили Анкаре план переустройства Большого Ближнего Востока (план генерала Петреуса), где от Турции оттяпывается значительная часть территории, а также план «цветной революции», в результате которой на нынешней турецкой территории образуются несколько независимых государств. К тому же в комиссиях Конгресса США стали активно обсуждаться вопросы геноцида армян в 1915 г., признания правительства Западной Армении в изгнании. Активизировались американские и израильские спецслужбы, НПО, зашевелилось оппозиционное движение генерала Гюля, проживающего в Штатах, на турецком языке стали распространяться советы Дж. Шарпа. В западных СМИ появились компроматы на премьер-министра Турции.

Эрдоган намек понял и согласился вновь верно служить прежним хозяевам. Именно Турции принадлежит самая провокационная роль в сирийской драме. О прорыве сирийско — турецкой границы мы уже говорили. О «случайном» залете в сирийское воздушное пространство боевого самолета турецких ВВС сообщали мировые СМИ, как и последовавшее за этим размещение натовских систем ПВО. (Оказывается Сирия представляет серьезную угрозу всей НАТО,

о чем пугал мир натовский генсек Расмуссен). На территории Турции развернуты пункты вербовки и подготовки боевиков, организована их переправка в Сирию. Из Турции было доставлено химическое оружие боевикам, воюющим против Сирии. В планах военной операции США против Сирии турецкой армии отводится роль наземной силы вторжения, от чего отказываются все другие союзники США. Плюс из Анкары запускается самая большая ложь о ситуации в САР. За все это Эрдогану обещаны северные территории Сирии, его личное благополучие и воздержание от «цветной революции».

Саудовское королевство. События происходящие на севере Африки не на шутку напугали короля Абдаллу и саудовскую верхушку. В Эр — Риаде, похоже, понимают, что организовать переворот и отстранение от власти монархическую элиту с последующим ее распятием гораздо проще и дешевле, чем в той же Ливии или Сирии. Плюс, капиталы саудовской семьи и олигархии хранятся в американских банках, и их владельцев весьма впечатляет судьба М.Каддафи и золотовалютных резервов Ливийской Джамахирии, когда американцы объявили таковые деньгами диктатора и просто присвоили, забыв поделиться с французами и англичанами. А это почти триллион долларов. Плюс, вражда с Ираном, набирающим политическую и экономическую мощь в регионе, несмотря на западную блокаду. И, конечно, Иран отомстит за агрессию против своего союзника Сирию.

Напугали королевскую элиту и события в Египте, где к власти пришли, не без помощи США, братья — мусульмане, отнюдь не питающие симпатий к ваххабитам и разжиревшим от нефтедолларов членам королевской семьи саудитов. Поэтому Саудовская Аравия стала главным спонсором военного переворота в Египте и согласилась компенсировать военным властям все потери от непослушания Вашингтону египетских генералов. Но, похоже, это агония саудовской монархии.

То же самое можно сказать и Катар, Бахрейне и прочих участниках антисирийского заговора. О той же Иордании, непонятно кем и как вовлеченной в этот заговор и ежедневно

подпитывающей «сирийскую оппозицию» несколькими сотнями наемников из двух расположенных на ее территории лагерей по подготовке террористов.

5. ЧТО В ИТОГЕ?

Понимаю, что окончательные итоги подводить рано, но даже промежуточные результаты сирийской драмы впечатляющи. Сирийский народ выстоял перед тщательно спланированной Соединенными Штатами и щедро обеспеченной вооруженной агрессией. Подчеркну, именно сирийский народ поддержал своего президента и сражается за свою страну, за свое будущее. Попытки либералов, неофашистов и гомосексуалов Запада, их агентуры в России представить, что на стороне Б.Асада воюют лишь алавиты и члены семьи Асадов не состоятельны. Сирийский народ уже одержал победу, выстояв перед объединенными силами Запада и региональными марионетками американской олигархии. Эта победа имеет глобальное измерение: впервые после развала СССР американцы проигрывают геополитическую игру. ***На стороне небольшой Сирии выступила большая часть мирового сообщества во главе с Россией.*** И это весьма знаменательно. Российские инициативы были поддержаны группой стран БРИКС (более 3 млрд. человек), ШОС (с наблюдателями тоже около 3 млрд.), частью стран Европы (отказавшиеся поддержать или участвовать в агрессии), всей Латинской Америкой, большинством населения США и даже Объединенным Комитетом начальников штабов США. Во всей антисирийской кампании Россия и Китай действовали совместно, хотя и не всегда решительно, особенно на первом этапе агрессии.

И еще ряд заметок. Именно Россия в лице В. Путина и российской дипломатии совершила благородный поступок в отношении Нобелевского лауреата Б.

Обамы, указав путь для выхода из тупика, в который он сам себя загнал. Угроза голосования в Конгрессе США против военной операции в Сирии была реальной, после чего американский президент становился бы «хромой уткой», и Америка, погрязшая в глобальных долгах (под сотню триллионов долларов), застывшая в экономическом развитии (450 городов в состоянии стагнации или банкротства) и теряющая политический вес в международных делах, могла бы пойти в разнос.

Другая заметка. В сирийском кризисе четко обозначились начала нового мира — мира, отнюдь, не по — американски. Это прежде всего Россия, перестающая безропотно следовать приказам из Вашингтона, это медленно формирующийся Евразийский союз, далее ШОС, БРИКС и, полагаю, далее как снежный ком весь меняющийся мир. США в своих попытках уничтожить послевоенную систему международной безопасности и возродить фашизм, замешанный на извращенном либерализме и гомосексуализме, остались в одиночестве. Но, торжествовать рано. Израненный американский зверь пока силен, и круги, проигравшие в развязывании большой войны ради прибылей и мирового господства, способны на все. Самые сильные умы заказчиков войны сейчас работают над операцией «большая провокация», которая сделает войну неизбежной. Нужно быть бдительными и наступательно развивать обозначившийся успех в стратегическую победу добра и справедливости.

Русский поклон сирийскому народу и его лидеру Башару Асаду.

НОВАЯ ФАЗА БОРЬБЫ ЗА СМЫСЛЫ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ¹

Э.Г. Соловьев

заведующий сектором ИМЭМО РАН,
кандидат политических наук

Суверенитет, при всех его возможных трансформациях, остается в числе наиболее значимых понятий мировой политики (на котором основываются и из которого вытекают принципы нерушимости границ, невмешательства во внутренние дела, неприменения силы и т.д.). Будучи одним из первичных институтов современной системы международных отношений и одним из фундаментальных принципов международного права, он находится в фокусе дебатов о будущем миропорядке. Очевидное противоречие сегодняшней переходной ситуации в мировой политике состоит в том, что «однополярный момент» уходит в прошлое, а нормы, сгенерированные в его недрах и способные в его рамках обеспечить относительную стабильность и управляемость (типа принципов «ограниченного суверенитета», «избирательной легитимности», гуманитарного интервенционизма и т.д.), оказывают дестабилизирующее влияние на ситуацию в формирующемся полицентричном мире.

Ключевые слова: суверенитет, униполярность, полицентризм, права человека, ответственность по защите

Solovyev E.G.

NEW PHASE OF FIGHT FOR SENSE OF WORDS IN THE WORLD POLITICS

Sovereignty is one of the primary institutions of the modern international system. And in the same time sovereignty is one of the main principles of international law. This concept continues to be in the focus of the debates on the future of world politics. But in polycentric world, borned again to the end of first decade of the 21st century, new interpretations of the concept appeared during "unipolarity era" at the end of XX century (limited sovereignty, humanitarian interventionism, selected legitimacy etc.) may exert destabilizing effect on the system of international relations.

Key words: sovereignty, unipolarity, polycentrism, human rights, responsibility to protect

В октябре 2013 г. разразился довольно громкий дипломатический скандал, грозивший, как казалось, пробить брешь в и без того небезоблачных к тому моменту российско-нидерландских отношениях (арест российской стороной ходившего под голландским флагом ледокола международной экологической организации Гринпис «Арктик санрайз» и предъявление его экипажу обвинений в пиратстве в связи с попыткой высадки «экологического десанта» на российской буровой платформе Приразломная, а также угроза Нидерландов обратиться в суд по этому поводу). Выполняя свои функции (то ли по спасению детей от жестокого обращения, то ли по снятию показаний относительно возможного ДТП с участием супруги российского дипломата)

голландские полицейские без разрешения нашего советника-посланника проникли в его квартиру, арестовали его и при этом вроде бы даже нанесли ему повреждения мягких тканей лица. После чего продержали ночь в отделении.

Возмущению российского МИДа действиями голландской стороны не было предела. Москва потребовала объяснений, извинений за нарушение Венской конвенции, наказания виновных в происшедшем и исключения впредь подобных инцидентов. Нарушения конвенции действительно были, что называется, налицо. Однако Нидерланды принесли извинения, но отказались наказывать виновных под тем предлогом, что голландские полицейские четко выполняли свои обязанности и действовали по сиг-

налу соседей ради оказания помощи несовершеннолетним. Некие мотивы гуманитарного свойства (по крайней мере, на уровне риторики) приходили здесь в очевидное столкновение с действующими принципами международного права. И, что характерно, небольшая европейская страна осознанно предпочла оправдание действий представителей власти (полиции) гуманитарными мотивами наказания виновных в нарушении принципа

дипломатической неприкосновенности и Венских конвенций. Пример показательный. И есть основания полагать, что случай этот не окажется уникальным в мировой дипломатической практике. Но каким образом вообще оказалась возможной ситуация, при которой действующие нормы международного права вдруг ставятся под сомнение казалось бы «вполне цивилизованной» европейской страной?

УНИПОЛЯРНЫЙ МОМЕНТ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И НОРМАТИВНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ СТРАН ЗАПАДА

На протяжении почти двух десятилетий после окончания холодной войны никем не оспаривалось глобальное лидерство США (большое число аналитиков и экспертов открыто говорили об американской гегемонии, о «гипердержаве» и т.д.). Политическая элита в Соединенных Штатах интерпретировала ситуацию как победу, одержанную в многолетнем противостоянии с СССР, в так называемой «холодной войне». К моменту падения Берлинской стены США добились невероятного успеха в легитимации и институционализации собственных притязаний на власть и влияние в мировой политике — прежде всего в силу того, что любые альтернативные модели политической и экономической организации практически исчезли или продемонстрировали свою очевидную несостоятельность. Поддерживаемую и активно продвигаемую по всему миру Соединенными Штатами либеральную модель, включавшую свободную рыночную экономику и развитие демократических институтов, другие государства повсюду в мире принимали не только под давлением со стороны США и их ближайших западных союзников, но прежде всего потому, что и политические элиты, и широкая общественность в соответствующих странах считали ее наиболее эффективными.

В самые разные эпохи мировой истории страны-лидеры в системе международных отношений выступали с инициативами по формулированию и формированию комплекса ценностей и норм поведения на международной арене. Возникновение подобного тренда вполне объяснимо. Дело в том, что лидирующие державы по определению могут навязать свою волю другим участникам международных отношений. Однако именно *готовность других международных акторов* принять и признать легитимность их действий, прислушаться к их рекомендациям или суждениям во многом определяет устойчивость складывающегося под их влиянием миропорядка. Политика лидирующей державы, не обладающей достаточной легитимностью, неизбежно сталкивается с сопротивлением (активным или пассивным) иных субъектов международных отношений. Продвижение собственной политической линии в таких случаях удается обеспечить лишь на основе активного применения силы или достижения по каждому конкретному случаю политических сделок, исходя из принципа «услуга за услугу». Понятно, что степень взаимного доверия основных политических субъектов на мировой арене в подобном контексте обычно колеблется в районе очень низких значений, что создает перманентную угрозу дестабилизации.

А лидерство (или тем более гегемония), не опирающееся на международную легитимность, оказывается в конечном счете слишком затратным и обременительным делом.

По мнению западных экспертов и значительной части политического класса, для того чтобы снизить уровень издержек на осуществление лидерства необходимо продвижение на международной арене общих норм и ценностей, которые смогут привести не только к поддержке проводимой лидирующей державой политической линии, но и легитимировать ее преобладающее положение (в некотором смысле *post factum* — распространение норм будет способствовать росту и признанию со стороны других акторов легитимности стоящей за их продвижением силы). В этом контексте трансформация старых и формирование новых международных ценностей, норм и режимов может иметь для лидирующей державы решающее значение, обеспечивая необходимую международную поддержку и гарантируя тем самым эффективность проекции собственных мощи и влияния.

Однако трансформация международных норм с 1990-х гг. пошла довольно своеобразным путем. США действительно выступили инициатором ревизии ряда ключевых норм и принципов международного права (суверенитета, невмешательства в дела других государств и т.д.). Обязательность следования нормам действующего международного права и выполнения положений Устава ООН все чаще ставилась под сомнение Соединенными Штатами и их ближайшими союзниками. Ряд важных международных соглашений оставался не ратифицирован или игнорировался одной или несколькими крупнейшими мировыми державами (Договор о всеобщем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), Киотский протокол и т.д.). Был закреплен отнюдь не способствующий утверждению норм международного

права тренд на формирование «исключений» из общих правил для отдельных стран по ключевым проблемам безопасности (например, по вопросам поддержания режима нераспространения ядерного оружия — для Израиля, Индии, Пакистана) или подмена соответствующих международных режимов некими двусторонними соглашениями (типа ядерной сделки США и Индии). В результате, как ни парадоксально, в период «однополярного момента» стало труднее создавать и поддерживать международные режимы в сфере безопасности, контроля различных пространств (космоса, Арктики и т.д.), соблюдения экологических норм. В результате двойные стандарты или стандарты действий *ad hoc*, по конкретной ситуации, стали частью формировавшейся США и их ближайшими союзниками модели мирорегулирования.

Продвижение демократических норм и ценностей, насыщение гуманистической и гуманитарной риторикой современного политического дискурса также вызывало немало вопросов, поскольку трансформация риторики сопровождалась активными попытками размывания ключевых норм международного права, введением в оборот понятий «ограниченного суверенитета», «смены режимов», «гуманитарных интервенций» и т.д.

Неудивительно поэтому, что на сегодняшний день среди ведущих мировых игроков отсутствует необходимый консенсус относительно определения основных вызовов и угроз глобального и регионального плана. Так, после американской трагедии 11 сентября 2001 г. казалось, что хотя бы в отношении международного терроризма и неприемлемости террористических и — шире — насильственных методов изменения существующего статус-кво удастся достичь общего понимания и выработки общих подходов. Однако со временем стало очевидно, что и здесь проявление общей воли практически недостижимо.

При наличии противоположных подходов к разрешению проблемы сохранения и распада государств оказалось невозможным обновить международно-правовую базу относительно проблематики сепаратизма. Ну и этот список можно довольно долго продолжать.

В результате, когда речь заходит о терроризме или сепаратизме оценки разными странами событий существенно (иногда кардинально) расходятся, и в каждом отдельном случае ведущими странами мира или создаваемыми ими коалициями принимаются разные решения, используется разный набор аргументов, нацеленных на осуждение и решительное пресечение или напротив поощрение и оправдание происходящего. В рамках «однополярного момента», когда способы решения той или иной конфликтной ситуации зависели почти полностью от того, кого именно Соединенные Штаты назовут «плохими парнями», а кого — «стоящими на правильной стороне истории» — это выглядело проявлением «самонадеянности силы» (*arrogance of power*) со стороны Вашингтона, но не вело к дисбалансам системы. Однако в условиях формирующегося полицентричного мира отсутствие согласованных и общепринятых норм затрудняет поддержание стабильности в мировой системе и в региональных подсистемах, генерирует проблемы в плане обеспечения международной и региональной безопасности.

Было бы не вполне справедливо утверждать, что только США и их ближайшие союзники выступали бенефициарами ситуации общей нормативной неопределенности рубежа XX-XXI вв. Произвольное конструирование норм единоличным мировым лидером устраивало до последнего времени и целый ряд средних и даже малых стран, которые в этих условиях получали возможность выбора ситуативных (или долговременных — вступление в НАТО, например) коалиций в целях укрепления своих

региональных политических и/или глобальных экономических позиций. Именно это обстоятельство и обеспечивало определенную устойчивость униполярной системе, выстраиваемой на довольно шатких нормативных основаниях.

В плане распространения ценностей, в рамках «униполярного момента» рубежа XX-XXI вв, страны Запада, как и сто и двести лет назад, пытались по-прежнему играть роль авангарда, проецирующего (в том числе принудительно) свои ценности и институты (рынок, права человека, демократию) на другие общества, которые (пусть и в различной степени) готовы были оказать этому сопротивление и которые, как ни парадоксально, отстаивают ныне совокупность институтов и норм, навязанных им Западом ранее (суверенитет, территориальная целостность, дипломатия как основная форма взаимодействия на международной арене и т.д.)² В этом смысле формировавшаяся на наших глазах система международных отношений по-прежнему представляла собой картину центр-периферийных отношений, в которых роль генератора и распространителя новых ценностей и норм принадлежит исключительно странам Запада, при все более явно проявляющейся склонности лидирующих держав (как показал недавний опыт Ливии, Мали и т.д. — не только США) к опоре на принуждение и силовые инструменты воздействия на оппонентов.

Что касается лидера современной системы международных отношений, то по мнению Э.Басевича, Дж.Фридмана и др. известных американских аналитиков, Соединенные Штаты втянулись в новый этап своей истории, когда подобно Древнему Риму, они на протяжении многих лет непрерывно находятся в состоянии войны, а тяга к простым силовым решениям международных проблем становится частью американского политического дискурса³. И хотя именно американцы ввели в оборот понятия «мягкой»

и «умной» силы, отказа Вашингтона от приверженности традиционному инструментарию жесткой силы это отнюдь не предполагало. Соединенные Штаты продолжали свою традиционную политику, основанную на поддержании глобального военного присутствия, обеспечении проецирования своего влияния в ключевых регионах мира и активном превентивном интервенционизме⁴.

Как отмечают многие американские специалисты, «Соединенным Штатам нужно приветствовать многообразие не только внутри собственной страны, но и во всем мире, а также согласиться с тем, что либеральная демократия должна конкурировать на рынке идей с другими типами политического устройства, не умаляя их достоинств. В действительности терпимость к различным типам политического устройства гораздо больше отвечает интересам США, чем высокомерие неоконсерваторов или недалекий идеализм современных либералов. Уважительное отношение к ответственным правительствам, терпимость к политическому и культурному многообразию, баланс между глобальным управлением и передачей полномочий региональным властям, а также более умеренный подход к глобализации — вот принципы, которые, вероятнее всего, должны лечь в основу будущего мироустройства»⁵. Довольно громко звучат в американском экспертном сообществе и голоса тех, кто призывает к экономии ресурсов, к ограничению масштабов международной деятельности, к взаимодействию с другими державами или передаче им полномочий по решению проблем их региональных подсистем⁶.

Однако при всем этом рассчитывать на рациональное самоограничение США и осмысленную кооперативную, ориентированную на международное сотрудничество стратегию поведения со стороны американской политической элиты довольно трудно. Ни один крупный американский политик (кроме раз-

ве что Р.Пола) не выступает в пользу самоустранения от глобального регулирования и от планов по демократическому переустройству политических систем в самых разных странах мира. Проблема видится лишь в поисках эффективных инструментов и релевантных идей, способных консолидировать американско- и западо-центричный миропорядок. США остаются державой с глобальными интересами и чувством миссии, отказываться от которой они не намерены. Причем речь идет не о неких крайних интерпретациях внешнеполитических приоритетов американскими неоконсерваторами или сторонниками т.н. «чайной партии». Основные задачи по обеспечению американского лидерства сводятся правящими демократами к процветающей экономике, недостижимой военной мощи и приверженности политике распространения «универсальных ценностей»⁷. Задача США, учитывая некоторые экономические сложности в среднесрочной перспективе, состоит в том, чтобы подвинуть иные державы внести более весомый вклад в «глобальные публичные блага» поддержания международных норм и институтов, урегулирования на условиях Запада конфликтов в различных регионах мира.

Мировой финансово-экономический кризис 2008-2010 гг. стал своего рода поворотным пунктом в развитии международных отношений. Он подстегнул процессы перераспределения влияния и способствовал росту потенциала ряда незападных центров силы (Китай, Индия, Бразилия, Россия), у каждого из которых проявились свои сильные стороны и очевидно растущее региональное и глобальное влияние. Имела место очевидная эрозия устоявшихся за 20 лет после окончания холодной войны господствующих представлений о системообразующей роли США и центральной организующей роли стран Запада. Ясно проявились проблемы неолиберальной модели глобализации. Но главное — фи-

нансово-экономический кризис наглядно продемонстрировал неспособность узкого круга западных стран, ответственных за глобальное регулирование на протяжении последних десятилетий (а в более широком смысле — XX века и даже более ранних эпох), осуществлять эффективное глобальное управление, справляться с вызовами нового тысячелетия. Возникла острая потребность в расширении круга стран, участвующих в принятии ключевых экономических и политических решений. Это стало побудительным мотивом для возникновения новых институтов глобального регулирования (например, Группы 20). Однако законодателями норм и принципов мирорегулирования по инерции продолжают оставаться страны Запада. *Отсюда очевидное противоречие сегодняшней переходной ситуации в мировой поли-*

тике. «Однополярный момент» уходит в прошлое, а нормы, сгенерированные в его недрах и способные в его рамках обеспечить стабильность (типа принципов «ограниченного суверенитета», «избирательной легитимности», практики интервенционизма и т.д.), оказывают дестабилизирующее влияние на ситуацию в полицентричном мире, остаются в силе и продолжают активно продвигаться группой стран Запада. Это создает серьезные системные риски. Основные дискуссии на сегодняшний день и на обозримую перспективу будут концентрироваться вокруг интерпретаций понятия суверенитет и вокруг толкования «гуманитарной», «человеческой» безопасности (human security) и вытекающих из соответствующих трактовок новых норм типа «обязательств по защите» (responsibility to protect).

МЕСТО СУВЕРЕНИТЕТА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Одним из глобальных трендов современного международно-политического развития выступает обострение политических дебатов вокруг положения о безусловном суверенитете государств. Возникает вопрос о возможности внешнего воздействия на внутривнутриполитические ситуации в тех или иных странах, его целях, средствах, пределах и т.п. Проблематика «ограничения» внутреннего суверенитета государств настойчиво актуализируется в международно-политическом пространстве и в рамках экспертных дебатов. Квинтэссенцией максималистской интерпретации тематики «ограничения суверенитета» стала концепция правомерности «смены режима» (regime change) в странах, не придерживающихся демократических принципов политической организации.

В рамках формировавшейся на рубеже XX-XXI вв. униполярной системы, суверенитет государств стал рассматриваться как рудимент старой, постепенно подвигающейся все более серьезной

политической и правовой эрозии Вестфальской системы организации международных отношений. В новом мире универсальных ценностей и примата прав человека суверенитету вроде бы и в самом деле не остается места. Однако, как известно, «новое — это лишь хорошо забытое старое». И когда мы сталкиваемся с утверждениями относительно несовместимости «устаревшего» суверенитета и гуманитарных принципов современного мироустройства как не вспомнить здесь мнение одного из отцов-основателей теории международных отношений Э.Карра, высказанное более полувека тому назад: «Неуместность государственного суверенитета — идеология доминирующих держав, которые рассматривают суверенитет других государств как препятствие для использования своего собственного преобладающего положения»⁸.

Принцип невмешательства во внутренние дела государств на протяжении XIX-XX вв. неизменно выступал в каче-

стве основополагающего принципа отношений между государствами. Однако в последнее время смысловое наполнение суверенитета постепенно меняется. Конец XX — начало XXI в. оказались ознаменованы стремительным развитием процессов глобализации и существенными изменениями правил игры в мировой политике и глобальной экономике. «Традиционные концепции суверенитета» якобы оказались неспособными отразить всю сложность современных международных отношений⁹. Получила широкое распространение точка зрения, согласно которой процессы глобализации способствуют существенному перераспределению властных ресурсов от правительств к иным субъектам мировой политики (ТНК, НГО и др.). Одновременно в глобализирующемся мире все более отчетливо проявляет себя тенденция роста взаимозависимости государств, в рамках которой суверенное государство постепенно утрачивает монополию не только на поддержание отношений с внешним миром, но и на контроль за процессами, происходящими внутри государства. Система международной безопасности при этом с трудом адаптируется к распространению новых типов угроз и новых форм конфликтов. В мире существуют достаточно мощные политические и экономические силы, которые подвергают эрозии роль государства в МО. В совокупности отмеченные тенденции ведут к эрозии ряда ключевых понятий и принципов организации системы международных отношений, в т.ч. к попыткам переформулирования проблематики государственного суверенитета.

Безусловно, и раньше в истории неоднократно имела место трансформация казалось бы ключевых для функционирования мировой системы норм. Происходило полное отмирание таких формирующих международную среду основных принципов и институтов, как династический принцип передачи вла-

сти или институт колониализма. Одновременно происходила реинтерпретация других важных принципов и понятий — так, например, в XVII-XVIII вв. с рынком прежде всего ассоциировалась доктрина меркантилизма; последние полтора века мы связываем с рынком принцип свободы торговли. Иными словами в трансформации концепта суверенитета не было бы ничего по историческим меркам уникального. Проблема состоит в том, что во все более полицентричном мире роль интерпретатора и законодателя принципов и институтов пытаются взять на себя страны Запада (что собственно и выступает эквивалентом права сильного и проявлением «программирующего лидерства» в условиях современной мировой политики). Новые, генерируемые в странах Запада, принципы, нормы и ценности все более явно сталкиваются со старыми, приводя ко все новым международным кризисам и конфликтам, эрозии принципа суверенного равенства государств в мировой политике. Попытки универсализации прав наций на самоопределение явно подрывают принцип территориальной целостности. Признание широкой современной редакции прав человека и механизмов контроля за их соблюдением (в т.ч. в рамках поддержанных ООН инициатив типа Responsibility to Protect) во многом обесценивает положения международного права (в т.ч. Устава ООН), не предполагающего законных возможностей для вмешательства в дела государств (единственным обоснованным мотивом интервенции выступает по действующему международному праву поддержание международной безопасности). На наших глазах происходит, по выражению С.Краснера, инструментализация суверенитета, которая означает не столько его «подчинение» правам человека и меньшинств, сколько манипулирование международными инструментами, связанными с суверенитетом (например, международным правовым

признанием, угрозой гуманитарной интервенции) для достижения практических целей и интересов государств.

Современное межгосударственное соперничество ограничено структурой признанных международными нормами суверенных прав, и в этом смысле основано на верховенстве международного права. Суверенитет представляется «несущей конструкцией» современной политики, выполняющей важную функцию минимизации межгосударственного насилия. Причем среди возможных причин почти повсеместного соблюдения суверенитета — угроза применения силы противостоящей стороной или общее принуждение, возможно, не играют главной роли. Превалируют рациональные соображения взаимной выгоды и фактор легитимности действий (коррекции поведения перед лицом легитимных требований). Стоит поколебать этот фундамент мировой политики (разрушить господствующие в дискурсе о международных отношениях «доминантные политические установки»), подорвать значимость этого одного из важнейших, «первичных» в терминологии английской школы, институтов (*primary institutions*)¹⁰, и избежать предсказанного рядом авторов в конце XX в. отнюдь не управляемого хаоса будет совсем непросто. Неслучайно поэтому термин «ограниченный суверенитет» пока не получил окончательного признания даже на Западе. Отсюда огромное количество эвфемизмов типа «многослойный» (*layered*)¹¹, «дисагрегированный» (*disaggregated*), «мягкий» (*softened*) и тому подобный суверенитет¹².

Более того — наиболее привлекательной идеей выступает не ограничение, а добровольное делегирование суверенитета в той или иной его части. Как это уже происходит в рамках ряда международных режимов и интеграционных проектов, идеалом которых до последнего времени выступали институты и меха-

низмы европейской интеграции. Однако насколько возможно воспроизвести подобный опыт в разных институциональных и контекстуальных обстоятельствах остается вопросом, на который пока нет очевидного ответа.

Так или иначе, но уже в ближайшие годы традиционной концепции суверенитета придется столкнуться с целым рядом вызовов, которые не смогут не привести новых нюансов в интерпретацию этого понятия. В их числе — **требования интернационализации дефицитных ресурсов, а возможно и территорий; усиление международных режимов; расширение транснациональных политических пространств; формирование глобального информационного пространства; глобальные экологические и климатические императивы.** В этом контексте, например, возможны обвинения тех или иных стран в «ресурсном национализме», т.е. использовании контроля над значительными объемами ресурсов — например, энергоносителей — для достижения узких национальных политических целей. И под этим предлогом — попытки интернационализации, признания общемировым достоянием соответствующих типов ресурсов.

В мировой политике на обозримую перспективу сохранится противоборство двух разнонаправленных тенденций — к укреплению суверенитета, с одной стороны, и к его ограничению, с другой. Притом, что эти тенденции нередко будут воплощаются в политике одного государства или группы государств (укрепление собственного суверенитета ведущих мировых держав будет соседствовать с попытками ограничения суверенитета других). Нация-государство останется основным актором системы МО. При этом однако противоречие между тенденциями к суверенизации и десуверенизации государств будет служить перманентным источником международной напряженности.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГУМАНИТАРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Специфичность положений концепции human security связана с контекстом, в котором она возникла и бытовала до последнего времени. Концепция возникла в 90-х годах прошлого века. Впервые о новых стандартах человеческой безопасности в стремительно меняющемся после окончания «холодной войны» мире заговорил в 1992 г. тогдашний генеральный секретарь ООН Б.Бутрос Гали. Он акцентировал внимание на том, что противостояние сверхдержав осталось в прошлом, но от таких проблем как вооруженные конфликты, экономические кризисы, голод, болезни человечеству избавиться так и не удалось. И в этой связи необходима новая повестка дня в сфере безопасности, которая касалась бы каждого человека, его свободы от насилия и угроз и его защищенности от разрушительных стихийных бедствий, экологических и социальных проблем. В результате в более или менее целостном виде концепция была озвучена в 1994 г. под эгидой ООН в рамках Программы развития. Доклад о развитии человеческого потенциала впервые актуализировал проблематику необходимости освобождения человека от «нужды» и от «страха» («freedom from want» и «freedom from fear»). Эта тематика получила дальнейшее развитие на Копенгагенском саммите по социальному развитию (1995 г.) и в ходе целого ряда других мероприятий под эгидой ООН.

По классификации ООН человеческая безопасность включает в себя семь основных разделов — экономическую безопасность, продовольственную безопасность, безопасность здоровья, экологическую безопасность, личную безопасность, безопасность сообществ и политическую безопасность. Под экономической безопасностью здесь понимается обеспечение достойного уровня жизни работающих индивидов и/или наличие инструментов социальной помощи в

критических ситуациях (эрозия человеческого капитала, связанная с безработицей, разрушением инфраструктуры и распадом экономики тех или иных стран и т.д.). Продовольственная безопасность означает физический доступ людей к продовольствию и их экономическую способность быть эффективными потребителями продовольственных ресурсов. Причем основная проблема на сегодняшний день видится многим экспертам не в недостатке продовольствия как такового (в мире благодаря результатам «зеленой революции» производится относительно избыточное количество продуктов питания), а в проблемах доступа к нему, в проблемах его распределения и в покупательной способности населения прежде всего в развивающихся странах мира. Безопасность здоровья означает прежде всего обеспечение доступа людей к качественной медицинской помощи, но не только. Это еще и здоровый образ жизни, защита от последствий загрязнения окружающей среды, от инфекций и паразитов (две последние позиции ежегодно уносят в мире 17 млн. человеческих жизней). Экологическая безопасность предполагает защиту человека от угроз, связанных с природными катаклизмами и рукотворным загрязнением окружающей среды. Личная безопасность исходит из необходимости защиты индивида от всех видов физического насилия, включая насилие со стороны государственных органов, иностранных государств, криминальных и военизированных негосударственных структур. Безопасность сообществ предполагает защиту индивидов от угрозы потери традиционных, групповых ценностей, идентичности и от насилия по групповому принципу — этническому, расовому, конфессиональному или иному. Обеспечение безопасности сообществ таким образом предполагает и защиту прав различных меньшинств. Под

политической безопасностью понимается гарантия основных политических и гражданских прав личности.

Вслед за ООНовской программой развития и некоторыми НГО целый ряд политиков и общественных деятелей подхватил тезис о том, что «жесткой» безопасностью государств и международной безопасностью ныне отнюдь не исчерпывается повестка дня мировой политики. Хотя сухая статистика свидетельствовала на протяжении 1990-х гг. о снижении числа вооруженных конфликтов в мире и конфликтологи с удовлетворением констатировали гармонизацию международной обстановки после окончания «холодной войны», ряд авторов отмечал противоположную тенденцию применительно к безопасности конкретного человека. Новые вызовы и угрозы безопасности (в т.ч. экологические, биологические, связанные с распространением наркотиков, международного терроризма и т.д.), незащищенность индивидов в ходе нередко весьма brutальных внутренних конфликтов ставили в международную повестку дня вопрос о поиске новых подходов к обеспечению безопасности. В центре этих подходов должен находиться конкретный человек. С точки зрения авторов данной концепции необходимо прежде всего оценивать «человеческие издержки» стратегий, которые имеют целью продвинуть национальную безопасность того или иного государства или международную безопасность. В этом смысле человеческая безопасность не всегда совпадает с государственной, а то и прямо ей противопоставляется.

Проблематика человеческой безопасности оказалась тесно увязана и с проблематикой гуманитарного интервенционизма. Очевидный перекокс в сторону гуманитарного интервенционизма отчетливо проявился в рамках работы обладающей статусом неправительственной организацией неофициальной Международной комиссии по государ-

ственному суверенитету и гуманитарному вмешательству (2001 г. — International Commission on Intervention and State Sovereignty (ICISS)), в рамках которой была оформлена Концепция «ответственности по защите» (responsibility to protect). Ее идеи оказались довольно быстро воспроизведены в ряде внешнеполитических документов США, ЕС и Канады, а также в заявлениях комиссий и Генерального секретаря ООН, получив полуофициальный статус. Подчас идеологи «ответственности за защиту» готовы идти на откровенный подлог, выдавая ее за официальную позицию ООН. Для этого используют отсылку к Итоговой декларации Всемирного саммита ООН 2005 г., в которой зафиксированы некоторые из принципов концепции. Но подобный документ не является международным соглашением — это всего лишь декларация.

В рамках концепции особо отмечается, что государства несут «ответственность» за защиту широкого набора гражданских, политических и социальных прав людей. И в случае несоответствия предложенным стандартам (прежде всего предотвращения массовых жертв среди населения), государства не могут уже сослаться на свой суверенитет в противодействии интервенционистским практикам¹³. В соответствии с принципами «ответственности по защите», государственный суверенитет может быть ограничен, а любая страна подвергнута интервенции в случаях, если правящий в ней режим не справляется с задачами обеспечения безопасности населения и соблюдения прав человека. В список оснований для осуществления интервенции наряду с преступлениями против человечности, военными преступлениями и этническими чистками оказались включены и нарушения прав и свобод.

Если оценивать интервенционистскую практику последних десятилетий, то нельзя не отметить, что в ряде случаев инициированные США и их союзника-

ми «гуманитарные интервенции» проводились по мандату СБ ООН и не выходили за его пределы (Сомали, Гаити, Чад, Дарфур и др.). Однако накопился и целый ряд негативных примеров проведения «гуманитарных интервенций», с существенными нарушениями решений СБ и Устава ООН (когда как в случае с Югославией и Ливией, представители политического истеблишмента стран Запада оставляют за собой право их широкой интерпретации), а то и вовсе без соблюдения необходимых международных процедур.

Концепция «ответственности за защиту» начинает применяться как идеологическое обоснование политико-силовых действий в отношении отдельных стран. Но, по сути, она преследует более амбициозные цели. Она направлена на трансформацию базовых принципов применения силы в мировой политике и легитимации таких действий. В т.ч. в обход или даже вместо решений СБ ООН.

Очевидно, что подобный перекосяк в развитии концепции human security был неслучаен и оказался тесно связан с распространением интервенционистских практик западных держав в последнем десятилетии XX в. В самой концепции гуманитарного интервенционизма был заложен целый ряд противоречий. С одной стороны, «гуманитарный интервенционизм» требовал более широкой международной легитимации и твердого морального основания осуществления вмешательства в дела других государств. С другой — как бы изымал творцов интервенционистской политики из международно-правового контекста. Ведь имплицитно предполагалось, что объектами интервенции будут государства третьего мира. А субъектами будут выступать исключительно развитые страны Запада во главе с США.

Гуманистический пафос концепции human security таким образом очевиден. Но не менее явной была и политическая подоплека ее утверждения в междуна-

родной повестке дня. На рубеже XX-XXI вв. концепция получала активную поддержку в США, поскольку позволяла внятно в этическом и политическом смысле обосновать значимость американских интервенционистских практик на Балканах и в иных регионах мира. Генсек ООН К. Аннан также считал ее весьма своевременной на фоне «миллениума», репрезентируемого как важный рубеж в истории человечества — вступая в XXI век было важно обозначить новые приоритеты и новые правила игры на мировой арене и примирить концепцию «гуманитарной интервенции» с текущей политической практикой ведущих мировых держав.

Существующие интерпретации концепции human security крайне разнообразны¹⁴. Это обстоятельство создает для российских структур возможность выступать не просто реципиентом некоего набора концептуальных положений, но полноправным участником дискуссии по проблематике сущности и основных направлений «человеческой безопасности».

При этом содержательных вопросов по поводу основных принципов концепции «человеческой безопасности» немало. Насколько оправданно противопоставление безопасности индивида безопасности государства, свойственное подавляющему большинству концептуализаций проблематики human security? Часто акцентируемое в работах западных авторов противопоставление безопасности государства, с одной стороны, и безопасности общества и индивида, с другой, выглядит несколько нарочитым и лукавым. Далее — кто и как определяет допустимость интервенционистских практик в каждом конкретном случае? Международно-правовой механизм явно не отработан. Эффективность действий ООН нередко подвергается сомнению, но ничего более внятного в организационном и международно-политическом плане (не говоря уже о ле-

гитимности) на сегодняшний день просто не существует. Каким образом и в рамках каких политических институтов и структур наиболее эффективно может быть оказана гуманитарная помощь? И как решить проблему «имплементации», т.е. такого применения принципов гуманитарного интервенционизма, которое исключит нанесение миротворцами «непропорционального ущерба»? Готовых ответов нет. Идет дискуссия на национальных и международном уровне. Игнорирование имеющих место дебатов оставляет нас в роли раздраженного зрителя, несогласного с ходом дискуссии, но неспособного на нее реально повлиять. На сегодняшний день представляется очевидной настоятельная необходимость подключения к этим дебатам представителей российского экспертного сообщества.

Очевидно, что Россия в современной мировой политике выступает консервативной силой, акцентирующей значимость действующих норм международного права и Устава ООН. Российское руководство последовательно выступает за приоритет дипломатических методов разрешения любых международных споров и конфликтов, предлагает отказаться от силовых методов решения конфликтных ситуаций, особенно когда речь идет о гражданских войнах и о проблеме целостности (возможности распада) подвергаемых силовому воздействию государств. Однако пока российские попытки противодействия слишком решительным попыткам трансформации норм и принципов мироустройства, ревизии международного права не слишком впечатляют. Страны Запада умело нейтрализуют стремление России к консервации существующих институтов и правил игры (что позволило бы Российской Федерации и далее сохранять важные инструменты воздействия на миро-

вую политику) и активно продвигают в международную повестку дня формирование новых нормативных оснований глобального миропорядка. Очевидно, что в одиночку России просто не по силам организовать эффективное сопротивление «нормативному наступлению» стран Запада.

Вместе с тем, ситуация в современном мире не столь однозначна и позволяет говорить о существовании целой группы государств, не заинтересованных в изменении основополагающих принципов международного права и «доминантных политических установок» в мировой политике. Наряду с Россией вестфальское понимание государственного суверенитета, ведущую роль ООН в мировых делах, сохранение международных принципов невмешательства, территориальной целостности из ведущих стран мира в полной мере поддерживает КНР (примерно по тем же что и наша страна резонам). По разным причинам довольно осторожно относятся к перспективе эрозии суверенитета и иных ключевых норм и принципов международного права страны БРИКС и значительная часть государств т.н. третьего мира. В условиях формирующейся полицентричности, по-видимому, назрела необходимость активизировать диалог России с Китаем и др. странами БРИКС, другими крупными и быстроразвивающимися странами по поводу перспективной архитектуры международных отношений и общей нормативной платформы современной мировой политики. Основой компромисса может быть сохранение действующих норм Устава ООН, в т.ч. положения о суверенитете стран, входящих в состав организации.

При этом нужно иметь в виду, что вне зависимости от воли группы стран Запада суверенитет при всех его эволюциях и трансформациях не исчезнет из числа реалий мировой политики. Не только потому, что государства остаются основными и наиболее эффективны-

ми игроками на международной арене (что лишний раз было продемонстрировано в период глобального финансово-экономического кризиса). В книге «Воображаемые сообщества» («Imagined Communities») Б.Андерсон прекрасно описал феномен национализма как пространственного способа воображения и интерпретации действительности¹⁵. Способа, обладающего магической мобилизующей силой и одновременно значительной исторической инерцией. Развивая логику Б.Андерсона, можно отметить, что на самом деле мы просто

привыкли воображать и интерпретировать факты мировой политики в терминах наций, государств и суверенитета. В обозримой перспективе абстрактное понятие суверенитета (и совсем не абстрактное «суверенное равенство» государств) для многих миллиардов людей и многих государственных деятелей в самых разных уголках нашей планеты останется своего рода путеводной звездой в мире политики. И это вовсе не будет означать, что они встали на «неправильную сторону» истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Статья подготовлена в рамках работы над проектом РГНФ № 12-03-00611а «Метаморфозы геополитики в условиях новой фазы глобализации»
- 2 См. об этом: Buzan B. *From international to World Society? English school theory and the social structure of globalization*. Cambridge, 2004. p.237.
- 3 Friedman G. *Next 100 Years. A Forecast for 21 Century*. N.Y., 2010, p.39-41.
- 4 Bacevich A. *Washington Rules. America's Path to Permanent War*. N.Y., 2010, p.14-16.
- 5 Капчан Ч., Маунт А. Автономное управление // *Россия в глобальной политике*, 2009, №3, май-июнь. http://www.globalaffairs.ru/print/number/n_13203
- 6 См.: Mandelbaum M. *The Frugal Superpower*. N.Y., 2010; Bacevich A.J. *The Limits of Power. The End of American Exceptionalism*. N.Y., 2009 и др.
- 7 *Moving America Forward. 2012 Democratic National Platform*. // www.democraticconvention2012.com
- 8 Carr E. *The Twenty Years' Crisis 1919-1939. An Introduction to the Study of International Relations*. L., 1939, p.18; Цит. по: Полис, 2000, №3, с.138.
- 9 См. об этом: Keating M. *Plurinational Democracy: Stateless Nations in a Post-Sovereignty Era*. Oxford, N.Y., 2002; Slaughter A-M. *A New World Order*. Princeton and Oxford, 2004.
- 10 См. об этом: Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge, 1999; Buzan B. *From international to World Society? English school theory and the social structure of globalization*. Cambridge, 2004 и др.
- 11 См.: Buzan B. and Little R. *International Systems in World History. Remaking the Study of International Relations*. Oxford, 2000.
- 12 *Ungoverned Spaces: Alternatives to State Authority in an Era of Softened Sovereignty*. / Ed. by A.Clunan and H.Trinkunas. Stanford, 2010; *Walled States, Waning Sovereignty*. N.Y., 2010.
- 13 См. об этом: Evans G. *The Responsibility to Protect: Ending Mass Atrocity Crimes Once and For All*. Washington DC: Brookings Institution Press, 2008.
- 14 См. об этом: *Human Security in Theory and Practice*. N.Y., 2009
- 15 Андерсон Б. *Воображаемые сообщества*. М., 2001.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Г. Ю. Филимонов

директор Института

политических исследований и прогнозов РУДН,

доктор политических наук, доцент

Статья представляет собой концептуальный авторский взгляд на актуальную тему формирования комплексной многоуровневой и инновационной стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации, восстановления и развития арсенала «мягкой силы» России на постсоветском пространстве и в дальнем зарубежье. Текст содержит анализ условий, необходимых для формирования российской публичной дипломатии и внешней культурно-информационной политики нового образца.

Несмотря на то, что современная международная повестка дня по-прежнему акцентирована на использовании государствами военной силы в качестве объективно приоритетного средства обеспечения собственной безопасности, культурно-коммуникационная глобализация, движимая возрастающей экономической взаимозависимостью мира, приводит к дополнению военных ресурсов невоенными факторами политического действия, обобщёнными в понятии «мягкая сила». По мнению американских политологов, тенденции в развитии международных отношений будут усиливать значение «мягкой силы» в общем властном балансе государств, благодаря тому, что даже самые крупные и развитые государства больше не в состоянии решать собственные и международные проблемы исключительно военными средствами. Они объясняют это взаимным переплетением экономик (главным побудительным мотивом приложения американских усилий в этой сфере становится управление взаимозависимостью) и снижением роли «военной доблести и славы» в шкале ценностей современных постиндустриальных обществ.

Ключевые слова: «Мягкая сила» России, публичная дипломатия, русский язык, СНГ, культура, внешняя культурная политика, внешняя информационная политика, национальная безопасность.

Key words: Russian «soft power», public diplomacy, Russian language, CIS, culture, foreign cultural policy, foreign informational policy, national security.

Key words: Russian «soft power», public diplomacy, Russian language, CIS, culture, foreign cultural policy, foreign informational policy, national security.

«Мягкая сила» — символическое понятие, отражающее американское политическое мировоззрение и подходы США к пониманию специфики невоенных компонентов внешнеполитического могущества государства. Целесообразно констатировать наличие множества вариантов его интерпретации представителями мирового экспертного сообщества. Будучи обобщенной собирательной категорией (зачастую разнонаправлено и упрощенно трактуется), на сегодняшний день термин «мягкая сила»

не отвечает динамично меняющимся глобальным реалиям с точки зрения своего смыслового наполнения. В этой связи представляется целесообразным рекомендовать использовать имеющиеся русскоязычные аналоги термина, а в краткосрочной перспективе — выработать консолидированный подход экспертного сообщества и российского политического истеблишмента к использованию отечественного аналога этого термина, отражающего сочетание всех аспектов и форм внешнеполитиче-

ской работы государства в этой сфере с методами и средствами неофициального воздействия.

Согласно обновленной Концепции внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г.: «мягкая сила» — комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии².

«Мягкую силу» как направление внешнеполитической деятельности государства необходимо рассматривать в фокусе глобальных социально-политических, экономических и культурных процессов, формирующих новую, в корне отличную от предыдущих, систему мировой политики, где классические иерархические модели взаимоотношений между политическими акторами начинают уступать место сетевым структурам.

Существует гипотеза, согласно которой современные западные глобальные акторы — не государства, а устойчивые сетевые структуры. С точки зрения анализа ключевых решений, принимавшихся к примеру США во второй половине XX в., продиктованных, прежде всего, финансовыми и экономическими (сырьевыми) устремлениями англо-американского капитала, имеются основания рассматривать США не как национальное государство, а в качестве кластера — зоны деятельности ТНК и финансово-информационных структур.

В этой связи при подготовке стратегии российского влияния в сфере гуманитарного сотрудничества необходимо учитывать контекст новых реалий мироустройства, проводя анализ актуальных инновационных механизмов реализации «мягкой силы» (сетевый принцип, социальные сети и блогосфера, в т.ч. как двигатель революций,

информационные и кибервойны, ненасильственное сопротивление, правозащитные концепции т.д.).

На этом фоне целесообразно предложить дополнительные актуализированные варианты определения понятия «мягкой силы».

1. «Мягкая сила» — это сложная многоуровневая система, которая позволяет государству решать свои тактические и стратегические задачи на международной арене в официальном и неофициальном направлениях.

Под **официальным механизмом** подразумевается, прежде всего, государственное регулирование этой сферы внешней политики и публичной дипломатии (например, в России — через структуры Администрации Президента России, МИДа России, Россотрудничества, Минкультуры, Минобрнауки и т.д.).

Неофициальный механизм реализации «мягкой силы» представляет неформальные каналы решения внешнеполитических задач в гуманитарной сфере (экспорт кинематографической продукции и иных продуктов современной массовой культуры; задействование социальных сетей; реализация политтехнологических проектов через НПО и т.д.).

2. «Мягкая сила» — это инновационная высокоинтеллектуальная система управления сознанием, призванная усилить поддержку внешнеполитических инициатив государства среди зарубежных аудиторий. Отличительная особенность — акцент на формировании новых систем знания и стандартов управления, в т.ч. внешней политикой (одна из основных задач американских стратегов «мягкой силы» — *добиться умения управлять глобальной взаимозависимостью*³).

3. «Мягкая сила» — это одна из форм внешнеполитической стратегии государства, а также комплексный механизм влияния через систему «привлекательных предпочтений».⁴

4. «Мягкая сила» — это инструментальный сет, набор политтехнологических приемов, методов и средств, имеющий свою самостоятельную функциональную и видовую нишу в политике. «Мягкая сила» ориентирована на оказание влияния и побуждение оппонента (партнера) действовать в заданных политических параметрах.⁵

Основные каналы реализации политики «мягкой силы»:

- публичная дипломатия;
- внешняя культурная политика;
- культурная дипломатия;
- информационная политика (в т.ч. с использованием социальных сетей и иных инновационных медиаресурсов);
- международная образовательная политика;
- сетевое гуманитарное взаимодействие на уровне НПО (в плане реализации т.н. высоких гуманитарных технологий в т.ч. организации «цветных революций»);
- использование финансово-экономических инструментов (экономическая помощь в обмен на лояльность и «управляемость» элиты государства-реципиента и доступ в экономическую инфраструктуру страны, *основываясь на ярких примерах обширного опыта работы ЦРУ и Госдепартамента США*); работа по привлечению иностранных инвестиций и формированию благоприятного инвестиционного климата;
- экспорт продукции массовой и потребительской культуры (кинематограф, музыкальная индустрия, шоу-бизнес и т.д.).

Классификация основных ресурсов «мягкой силы»:

- «высокая культура» (всемирно известная литература, живопись, музыка, театр, балет и др.);

- «массовая культура» (всемирно известная поп-музыка, кинематограф и литература, развлекательные и телевизионные шоу, мода и т.д.);
- экономика (наличие мощной, устойчивой к кризисам и стабильной экономики, привлекательной бизнес-культуры, социально ответственного бизнеса);
- уровень жизни населения, продолжительность жизни, размер социальных пособий;
- статус страны как одного из мировых лидеров;
- высокий авторитет главы государства на международной арене;
- внутренняя политика государства (справедливая государственная политика, соблюдение прав человека, верховенство закона, обеспечение гражданских свобод);
- внешняя политика государства (эффективность, соблюдение международного права, учет интересов других стран);
- наличие активной зарубежной диаспоры, действующей в интересах страны;
- наличие большого количества авторитетных негосударственных структур (как национальных, так и международных), действующих в интересах страны;
- наличие авторитетных СМИ с международной аудиторией, действующих в интересах страны;
- распространённость языка страны в мире;
- престиж образования страны на мировой арене;
- экология (образ страны в сфере сохранения окружающей среды);
- спорт (международные достижения спортсменов, проведение страной авторитетных международных спортивных мероприятий, уровень развития профессионального спорта и спортивно-развлекательной индустрии);

- наука, космос и передовые технологии (наличие современных достижений, существование научных школ и традиций);
- туризм (туристическая привлекательность страны, значительный туристический поток);
- наличие программ по работе с политической, военной, управленческой, предпринимательской, журналистской и культурной элитой других стран (организация конференций, круглых столов, стажировок, обмена опытом, выделение грантов, приглашение для чтения лекций);
- стремление и способность государства использовать имеющийся потенциал «мягкой силы» для достижения своих целей (наличие политической воли, сформулированной стратегии, компетентных кадров с соответствующими полномочиями);
- наличие возможности использовать фактор общей религиозной идентичности с другими странами как инструмент «мягкой силы»;
- наличие программ, направленных на то, чтобы другие страны перенимали элементы правовой, экономической или общественно-политической системы (например, оказание помощи в реформировании, подготовке законов, переподготовке специалистов, предоставление внешних консультантов).

* * *

Приоритетным для Российской Федерации направлением целенаправленного и акцентированного использования инструментов «мягкой силы» остается **территория постсоветского пространства**. Непременным условием эффективности работы на этом «треке» является **формирование ресурсов российской «мягкой силы» внутри государств ближнего за-**

рубежья в виде консолидации и организационного оформления деятельности русской диаспоры.

Одним из ключевых условий поступательного укрепления авторитета России на постсоветском пространстве является углубление российского культурного присутствия. Безусловным приоритетом остается **сохранение и укрепление русскоязычного пространства по периметру границ Российской Федерации** на основе добровольного приятия народами соседских республик факта общности многовековой истории, общего настоящего и будущего, основанного на экономической, политической и культурной взаимозависимости соседствующих государств. Речь идет о планомерной, трудной и капиталоемкой работе по сохранению роли русского языка как средства межнационального общения народов постсоветского пространства и дальнейших шагах по популяризации и расширению изучения русского языка в зонах стратегических интересов России.

При понимании значимости шагов российской дипломатии, реализованных на этом поле за последнее десятилетие, стоит отметить, что они едва ли покрывают и треть от потребности России в дальнейшем укреплении и расширении возможностей «мягкого» воздействия по периметру границ.

Продолжающееся с 1990-х годов сокращение русских школ обостряет ситуацию с продвижением российского образования на русском языке. Число владеющих русским языком в «ближнем зарубежье», включая страны Балтии, сократилось с 90-х годов вдвое. Не владеют русским языком порядка 8 млн. человек на Украине и 1 млн. в Грузии. Вместо 20 тысяч русскоязычных школ на постсоветском пространстве действует около 7 тысяч, число детей, обучающихся на русском языке, сократилось более чем на 2 млн. человек — до 3,1 млн.

В Таджикистане с 1991 по 2001 год число школ с русским языком обучения сократилось втрое — с 90 до 29, а смешанных — на одну треть.

Количество часов преподавания русского языка и литературы стремительно уменьшается в Казахстане. В Узбекистане количество часов, отведенное на преподавание русского языка, сократилось до 170 часов в 7-11 классах. Сокращаются часы преподавания в Кыргызстане⁶.

Необходимость открытия новых русских школ остается неудовлетворенной. Постоянного механизма открытия школ до сих пор не выработано.

Вместе с тем, несмотря предпринимаемые шаги, в том числе по развитию дистанционных обучающих программ на базе филиалов российских вузов в СНГ, большинство из этих российских учебных заведений, особенно в центральноазиатских республиках, по-прежнему страдают от недостатка финансовых вложений в материально-техническую часть учебного процесса — снабжения учебно-методической литературой на русском языке, мультимедийными средствами обучения и т.д. В них практически отсутствуют приглашенные из России лекторы, в то время как американцы, например, действуя в духе своих традиций, успешно создают систему работы через вузы в СНГ, активно привлекая преподавателей из США и отслеживая дальнейшее профессиональное развитие выпускников таких программ. При этом имеющие финансовые (грантовые) возможности местные студенты предпочитают уехать на учебу в США, европейские и другие страны.

Существенным препятствием для развития русского языка на постсоветском пространстве является политизация этого вопроса элитами государств региона, влияние уровня и характера двусторонних отношений с Россией на эффективность продвижения этой тематики, использование данного вопроса для торга по другим пунктам

двусторонней повестки дня. Партнеры нередко демонстрируют избирательность, соглашаясь на одни проекты и отказываясь от участия в других. Часто это связано с готовностью развивать двусторонние связи, но при этом воздерживаться от участия в гуманитарных проектах всего Содружества.

Отмечая несомненно позитивный, но не столь масштабный просветительский эффект от работы российских культурных центров, приходится констатировать, что практическая польза этих шагов для национального населения пока не вполне очевидна. По-прежнему нет системности преподавания русского языка (постоянно действующих курсов). Курсы единичны и не все могут себе позволить их плачивать, а региональные элиты зачастую далеки от желания обеспечить соответствующую господдержку. Хотя стремление изучать русский язык в странах СНГ есть. Особенно тянутся к его изучению граждане Таджикистана, Армении, Молдавии и Киргизии, что в первую очередь обусловлено экономической ориентацией этих государств на Россию⁷. В этой связи нельзя не усиливать меры по активизации работы существующих и учреждению новых русских культурных центров за рубежом с опорой на элиты этих государств в вопросах усиления российского культурного и образовательного присутствия в этих странах (в т.ч. увязывая экономические проекты, например в рамках построения Единого экономического пространства, с гуманитарными инициативами, обеспечивающими решение российских задач в этой сфере).

При этом в отдельное направление имеет смысл выделить работу, нацеленную на противодействие сознательному искажению истории России и отношений России с сопредельными государствами, часто встречающемуся на страницах школьных учебников по истории в странах СНГ.

Тенденциозное и ангажированное искажение фактов, а также далекая от объективности и корректности иллюстрация роли российского государства (СССР) и его народа в ключевых событиях истории XX и предыдущих столетий стало нормой для школьных учебников по истории и образовательной политики в целом многих бывших советских республик.

Одно из необходимых условий формирования отечественных оборонительно-наступательных потенциалов «мягкой силы» — предотвращение попыток искажения истории, субъективных и политически ангажированных ее трактовок, ревизии исторических фактов, включая отрицание роли Советского Союза и его великого народа как победителя во Второй мировой войне, героизацию нацизма и т.д.

Что касается популяризации русского языка в дальнем зарубежье, то в этом плане показательным стало выступление Президента России Д.А.Медведева на встрече с выпускниками советских и российских вузов 31 октября 2010 г. в ходе официального визита во Вьетнам, в котором он акцентировал внимание на **необходимости создания новых информационных возможностей и технологий для изучения русского языка.** При этом Д.А.Медведев подчеркивал, что **не нужно бояться на это тратить деньги, т.к. «в конечном счете эффект от работы с представителями иностранных государств, которые владеют русским языком, гораздо выше...и это должен быть один из приоритетов работы...** Нужно стараться распространять современный опыт, продвигать современные методики преподавания русского языка во всем мире».

В плане развития культурно-гуманитарного сотрудничества как одного из приоритетных направлений аккумуляции «мягкой силы» России на постсовет-

ском пространстве наряду с уже действующими по линии Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества СНГ проектами стоит усилить акцент на развитии шагов, подкрепленных как государственным финансированием, так внебюджетными источниками, в двух основных плоскостях:

- ▶ **высокая культура как «визитная карточка» России в мире** и основная статья её культурного экспорта (увеличение численности экспозиций из лучших музеев России за рубежом, организация гастролей российских театральных коллективов, представителей оперной сцены, балета, классической музыки, вокала и т.д. — всё то, что традиционно формирует всемирно известный образ высокой русской культуры, включая историко-культурные традиции народов Российской Федерации, усиление динамики культурных обменов).
- ▶ **развитие производства и экспорта отечественных продуктов массовой культуры,** но не в пошло-шаблонном варианте воспроизведения и копирования западных аналогов различных направлений современной музыки, танцевально-го искусства и т.д., а путем культивации собственного эксклюзивного стиля на основе всех имеющихся форматов и высокопрофессионального исполнения своих наработок в каждой из ниш поп-культуры, а также тех исконно отечественных музыкальных направлений, которые нельзя отнести к универсальной массовой культуре (народная песня, романс, различные течения в современной российской фолк-музыке и т.д.).

Существуют объективные основания для констатации факта наибольшего воздействия на массы «мягкой силой» через облегченную подачу (качествен-

ные продукты массовой культуры, индустрию развлечений). Необходимо отдавать себе отчет в том, что деятельность РЦНК и иных учреждений, обеспечивающих влияние преимущественно на элитарном уровне, оказывает очень важное, но локальное воздействие в сравнении с «напалмовым» применением масскультула, занявшего одно из центральных мест в жизни современной молодежи (официально практикуется в т.ч. Госдепартаментом США).

Детального анализа требует тема **современного отечественного кинематографа, повышения его доли в прокате на российском рынке** (в том числе посредством квотирования зарубежных картин) и **наращивания экспортного потенциала** прежде всего **на постсоветском пространстве**, особенно в сегменте «умного» концептуального кино и высокобюджетных «блокбастеров» на военно-историческую тематику, а также иллюстрирующих славные страницы истории и подвиги (военные и гражданские) выдающихся личностей страны в далеком и недавнем прошлом («Легенда № 17», «Брестская крепость»).

С точки зрения подачи материала — освещения исторических событий в выигрышном для страны ракурсе, идеологической «заправки» и подхода к кино как к политическому инструменту — опыт голливудских кинематографистов вполне мог бы служить хорошим примером и для наших кинопроизводителей. Не случайно 24 мая 2013 г. состоялось совещание под председательством Президента России В.В.Путина, на котором обсуждался комплекс проблемных вопросов, связанных с развитием этого аспекта российской «мягкой силы»).

Отдельным и крайне значимым сегментом российской публичной дипломатии и «мягкой силы» в целом является формирование внешней культурной стратегии России, развитие внешней

культурной политики и культурной дипломатии.

Более десяти лет назад в российском внешнеполитическом ведомстве разработан концептуальный документ под названием «Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей с зарубежными странами», т.н. концепция внешней культурной политики — инструмента достижения внешнеполитических целей государства посредством развития международного культурного сотрудничества. Сейчас нужно обратить внимание на необходимость актуализации этого документа, дополнить и развить эти программные установки, приведя в соответствие с вызовами времени.

7. Одним из основных факторов, обуславливающих успех «мягких» инструментов внешнего воздействия государства и его умения расположить к себе международное сообщество, является возможность предоставить высшее образование иностранным студентам.

Рассматривая в качестве модели опыт США, стоит напомнить о десятилетиями отработанной крайне результативной системе формирования лояльно или дружественно настроенных по отношению к Соединенным Штатам политических и бизнес-элит в странах, студенты из которых в свое время получили образование в американских вузах в рамках международных образовательных программ. Выпускниками таких программ являются более 200 настоящих и бывших премьер-министров и президентов. Среди них Т.Блэйр, М.Тэтчер, Г.Шрёдер, М.Саакашвили, В.Ющенко, 80 членов правительства Саудовской Аравии получили образование в США, 75 членов парламента Кении обучались в американских университетах и т.д.

На этом фоне нельзя игнорировать исторический пример длительного доминирования СССР в сфере «мягкой силы» во времена «холодной войны» (до

конца 1970-х — начала 1980-х гг.) в части пропаганды, а также формирования дружественных политических элит зарубежных государств. Наиболее яркий пример в истории страны — Российский университет дружбы народов (в ту пору — УДН им. П.Лумумбы).

Созданный в 1960 г. как один из приоритетных государственных проектов с целью формирования «подконтрольных» политических элит в зонах влияния СССР на планете, университет явил собой первый пример широкомасштабной государственной поддержки такого источника формирования «мягкой силы» страны. При том понимании, что вуз создавался как политический проект в известной международной обстановке и соответствующей идеологической атмосфере вряд ли найдутся несогласные с эффективностью этого инструмента, не раз подтвердившего свою состоятельность, активно участвуя в фактическом «конструировании» истеблишментов стран Азии, Африки и Латинской Америки и снискав международную репутацию советского оплота «soft power» (сам термин, как известно, вошел в обиход лишь в 1990-е гг.). Кроме того, по своей мультикультурной специфике не имеющий мировых аналогов университет служит действенным средством формирования благоприятного климата межнационального общения народов России, а при соответствующем внимании со стороны государства мог бы в разы повысить свою эффективность в этом плане, принося заметную пользу государственной национальной политике.

В этой связи для реализации долгосрочных внешнеполитических и внешнеэкономических интересов России представляется целесообразным вернуться к комплексной государственной поддержке вузов России, ведущих активное обучение иностранцев, а также предусмотрев возможные альтернативные источники финансирования, в т.ч. за счет средств крупного бизнеса.

Важным направлением является **расширение программ обучения иностранцев на английском языке** (наряду с «классической» моделью русскоязычного образования для иностранцев), чтобы **обеспечить дополнительный приток зарубежных студентов** за счет тех, для кого постижение русского языка представляет непреодолимый барьер или неактуально в плане дальнейшего трудоустройства (один из примеров — программы, действующие в РУДН, в т.ч. англоязычное магистрское образование).

Одним из крупных препятствий **остается отсутствие каналов обратной связи между истеблишментом и экспертным сообществом, по которым интеллектуальные продукты российских «фабрик мысли» могли бы оперативно доставляться лицам, принимающим решения.**

Не стоило бы игнорировать и опыт создания системы прекрасно выполнявших свои задачи институтов — советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами во главе с центральной организацией — Союзом СОД. Нечто подобное в измененной форме могло бы очень пригодиться сейчас.

С целью обеспечения успешного восстановления российских «арсеналов» «мягкой силы» и их перспективного развития в соответствии с вызовами времени необходимо выделить **в приоритетное направление государственной работы детско-юношеский и студенческий аспекты международной образовательной политики.**

Целесообразно реанимировать лучшие наработки СССР и **учредить постоянно действующий международный детско-юношеский центр**, который в отличие от форума «Селигер», зарекомендовавшего себя как временный целевой политически ангажированный

проект, стал бы эффективной для реализации российских внешнеполитических задач международной площадкой, которой в свое время продуктивно служил крымский «Артек» (ныне активно работает на благо Украины). В данном контексте можно было бы предложить рассмотреть возможность использования части объектов инфраструктуры сочинской олимпиады 2014 г. после её завершения.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о развитии публичной дипломатии как самостоятельного и действенного сегмента государственной политики и разработки долгосрочной информационно-пропагандистской стратегии по формированию позитивного облика России в мире и противодействия распространению управляемому, тенденциозно негативному изображению России во многих зарубежных СМИ.

Для усиления «мягкой силы» России необходимо создание системы публичной дипломатии, которая сочетала бы традиционные взгляды и новые маркетинговые подходы в целях достижения как краткосрочного, так и долгосрочного эффекта воздействия на зарубежную аудиторию. Россия должна научиться продуцировать образы.

Технологический диспаритет медиаресурсов не в пользу России очевиден. Это красноречиво продемонстрировал пример информационной войны вокруг событий в Южной Осетии в августе 2008 г. Кроме того, небольшую эффективность показали и привлекавшиеся по госзаказу иностранные пиар-агентства. В частности, компания «Кетчум», с которой Администрация Президента России в 2006 г. подписала контракт с целью обеспечения положительного информационного фона в период российского председательства в «Группе восьми» в 2006 г.

Вместе с тем, используя имеющиеся наработки и международные контакты

в сфере глобального пиара, имеет смысл прибегнуть к финансовым возможностям российского крупного бизнеса не столько для того, чтобы «залить» конкурентов деньгами, проложив «зеленый коридор» отдельным российским СМИ (тем более, это вряд ли будет продуктивно, имея в виду финансово-политическую мощь таких холдингов, как CNN), сколько для более агрессивной «игры» в сфере информационной и развлекательной телевизионной индустрии на поле «команды соперника». Результатом таких шагов могло бы стать появление новых информационно-новостных (наряду с «Russia Today»), а также научно-популярных, спортивных, развлекательных телеканалов и радиостанций, вещающих на иностранных языках на зарубежную аудиторию.

Пристального внимания заслуживает развитие кириллического сегмента в Интернете, а также распространение и популяризация англоязычного контента отечественных сетевых ресурсов. Нельзя пренебрегать и полезностью популярного ныне феномена блогосферы как эффективной дискуссионной площадки, а также тренажера для «обкатки» шагов в сфере публичной дипломатии на неправительственном уровне.

Чтобы создавать привлекательную для мировой общественности «картинку», государству нужна структура, которая бы координировала все направления публичной дипломатии, культурной дипломатии, внешней культурной политики, пропаганды, а также отвечала за подготовку кадров и участвовала в формировании внешней политики.

Сегодня в России не существует стабильного механизма межведомственной (межкорпоративной) координации усилий на этом направлении. Управление российской публичной дипломатией осуществляется в ручном режиме на уровне высшего руководства

страны через пресс-службу Президента России и другие структурные подразделения Администрации Президента России, а также МИД России и Россотрудничество. «Несмотря на некоторые достоинства, у подобной структуры есть и очевидные недостатки: во-первых, в силу количества обязанностей, занимающим эти должности сложно руководить публичной дипломатией систематически, на повседневной основе. Во-вторых, вся организация носит строго вертикальный характер, что затрудняет проявление инициативы снизу и усложняет горизонтальную кооперацию»⁸.

Создание в России структуры наподобие ЮСИА — локомотива американской пропаганды (с 1953 по 1999 гг.) — могло бы сохранить нынешнюю вовлеченность высшего руководства в публичную дипломатию, а также обеспечило бы более эффективную обратную связь при поступлении большего объема информации «снизу» из негосударственных сфер. Помимо прочих задач такое ведомство могло бы участвовать в подготовке кадров для российской публичной дипломатии, т.к. **в стране сегодня не хватает профессиональных специалистов в данной области** и это один из существенных пробелов в системе формирования отечественного потенциала «мягкой силы».

Особое направление — **конфессиональный аспект** — мощный созидательный фронт работы религиозных учреждений, представляющих основные исповедуемые населением России религии. В этом плане обоснованно привлекает внимание активная деятельность Русской православной церкви как мощного государственного пропагандистского ресурса, который при поддержке «сверху» становится всё более влиятельным политическим институтом. В этой связи важно отметить **эффективность работы РПЦ на внешнеполитическом направлении**, её содействие реализа-

ции государственных задач в международной сфере и укреплению потенциала российской «мягкой силы» в мире.

Вместе с тем эта тематика — предмет отдельного исследования в силу её неоднозначности, различия подходов населения страны к духовным и социально-политическим аспектам деятельности церкви, наличия деликатных вопросов межконфессиональных отношений и других аргументов.

Действенным средством борьбы с «чёрным пиаром», часто политизированным и искусственным формированием негативного имиджа России за рубежом, должно служить **развитие сферы туристических услуг как за счет государственных вложений и создания комфортных условий для работы туристического бизнеса, так и на средства частных инвесторов, расширяющих спектр программ по привлечению иностранных туристов в Россию.** При этом заинтересованность и активность должны проявлять администрации регионов, на территории которых находятся места, пригодные для развития международного туризма.

Базой, создающей возможность системного и организованного использования Россией «мягких» инструментов для реализации внешнеполитических задач служит финансово-экономический потенциал страны. «Мягкая сила» — это привлекательная сила, а привлекательный образ страны автоматически содействует формированию комфортного инвестиционного климата и очевидно способствует развитию национальной экономики. В этом контексте интересной видится идея «клонирования» курса на модернизацию и инновационное развитие экономики применительно к развитию взаимодействия с государствами-участниками СНГ (подготовленная Россотрудничеством Межгосударственная программа инноваци-

онного сотрудничества для стран СНГ до 2020 г. представляется действенным шагом в направлении формирования имиджа России как инновационного передовика-лидера в СНГ).

Значимым и актуальным направлением работы на инновационном финансово-экономическом треке формирования российского потенциала «мягкой силы» является реализация комплекса мер, нацеленных на повышение инвестиционной привлекательности и международного кредитного рейтинга России.

Одним из первых и наиболее заметных шагов в этом плане стало подписание в январе 2013 г. меморандума о взаимопонимании между Минэкономразвития России, Российским фондом прямых инвестиций (РФПИ) с одной стороны и крупнейшим международным инвестиционным банком Goldman Sachs — с другой. В соответствии с документом, **Goldman Sachs обязался помочь в контактах с международными рейтинговыми агентствами, в организации презентаций и роудшоу, а также встреч российских чиновников с представителями зарубежных инвесторов и общем улучшении восприятия инвестиционного климата в России за рубежом.**

Кроме того, примечательным событием в этом контексте также стало заключение в мае 2013 г. соглашения между Минфином России и инвестбанком JP Morgan об использовании консалтинговых услуг JP Morgan **по продвижению суверенного кредитного рейтинга России.**

В этой связи представляется необходимым наращивание усилий на этом направлении, в т.ч. при участии РФПИ и крупных российских финансовых учреждений с госкапиталом (ВТБ, Сбербанк, ВЭБ).

Успех стратегического развития экономического измерения россий-

ской «мягкой силы» зависит от возможностей как федерального бюджета, так и государственной политики по привлечению крупного бизнеса и финансированию долгосрочных проектов, имеющих эффект отложенного политического действия. При этом экономическая целесообразность таких начинаний на первый взгляд может вызывать вопросы. Тогда нужно выбирать: руководствоваться прагматичными соображениями экономической конъюнктуры и законами рынка или допустить возможность некупаемых вложений на начальных этапах, создающих платформу для политического и экономического влияния в перспективе?

Однако важно отметить, что здесь не имеется в виду бесконечное «кормление» братских республик и их коррумпированных элит, списание гигантских долгов и т.д. Рассчитав в долгосрочной перспективе политический и экономический эффект таких шагов, стоит задуматься над целесообразностью практической реализацией подобных мер. Важно помнить, что с одной стороны, продолжение политики использования энергетического оружия как одного из наиболее убедительных и действенных внешнеполитических инструментов подтверждает свою неизменную эффективность и остаётся крайне актуальным. С другой стороны, негибкая тарифная политика в отношении ближайших братских государств по вопросам поставок российских углеводородов и другим сюжетам наносит ущерб восприятию России не столько элитами, сколько, к сожалению, народами этих государств (вследствие ответных пропагандистских кампаний). Результат — потеря едва формирующейся возможности восстановления потенциала «мягкой силы» прежде всего там, где общие исторические, этнические и социокультурные корни предполагают гораздо более благоприятные условия для добрососедства и всестороннего взаимодействия.

В данном случае нельзя не упомянуть **о принципиально значимой теме, без которой формирование и реализация «дорожной карты» по комплектованию национальных arsenалов «мягкой силы» и обеспечению культурной безопасности России немислима. Это проблема преодоления многоуровневой разобщенности России, Белоруссии и Украины.** Поддержание политической, экономической и культурной розни трёх составляющих единого народа является основным козырем и стратегической задачей групп влияния на Западе (*признается на уровне факта такими представителями американской научной и политической элиты, как Зб. Бжезинский и пр.*), оказывающих воздействие на процесс принятия и содержание внешнеполитических решений во многих государствах постсоветского пространства, содействующих финансированию цветных революций, определяющих политическую риторику руководства этих стран.

В этом контексте особо важным и чувствительным направлением работы России, прежде всего на пространстве СНГ, представляется противодействие активной деятельности США, наиболее эффективно использующих инструменты из своего богатого арсенала «мягкой силы». Прежде всего, это касается многоуровневого блокирования возможности для реализации проектов политтехнологического «конструирования» враждебных к России режимов по периметру

её границ, организации «бархатных» революций, финансирования антироссийских акций со стороны государств постсоветского пространства, подрывной деятельности внутри страны и т.д.

Наряду с движением «сверху» и сильным административным воздействием особую актуальность и значимость для решения поставленной задачи приобретает опора на формирующиеся институты гражданского общества. На этом фоне обнажается отсутствие механизма координации публичной дипломатии государства с неправительственными организациями и другими негосударственными участниками. Между тем совместные программы российских и западных НПО, а также НПО и бизнеса, могут стать самостоятельным и действенным направлением публичной дипломатии России.

Представляется необходимым подготовить и принять концепцию национальной культурной безопасности России, которая бы иллюстрировала совершенствование российских подходов к формированию «оборонительно-наступательного» потенциала отечественной «мягкой силы» и взвешенной политики культурного протекционизма, а также эффективно содействовала наращиванию потенциалов «мягкой силы» и восстановлению комплексного культурно-информационного преобладания Российской Федерации на постсоветском пространстве.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Из материалов, подготовленных автором для Россотрудничества
- 2 там же
- 3 В 1977 г. вышла совместная книга Дж. Ная и Р. Кохейна — «Власть и взаимозависимость» (*Power and Interdependence*), заложившая теоретическую основу нелиберального институционализма. Ключевым понятием новой концепции становится «комплексная» взаимозависимость (заменившая идею реалистов о коллективной безопасности), состоящая в экономическом взаимопроникновении в смысле международной торговли и перетока капиталов (под влиянием интернационализации мировой экономики). В противовес сторонникам

«realpolitik», ставящим в основу своей системы национальное государство, нелибералы уравнивают l'État с международными организациями, церквями, неправительственными организациями, транснациональными корпорациями, революционными движениями и др. Теоретики признают, что разнообразные и сложные связи и взаимозависимости между государствами и обществами растут, в то время как фактор военной силы во властном балансе большинства стран снижается, уступая место культурной дипломатии; подчёркивается, что этот инструмент будет только укреплять сотрудничество между народами, снижая вероятность крупномасштабных военных столкновений в будущем.

- 4 Сухарев А.И. Политическое становление субъектов сетевых гуманитарных взаимодействий в международных отношениях глобального мира. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук., М., 2011, С. 44.
- 5 там же
- 6 Старчак М.А. Российское образование на русском языке как фактор влияния России в Центральной Азии: что происходит и что делать, <http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/analytics/article/news0003.html>
- 7 В августе 2012 г. в общеобразовательных школах Армении стартовал Второй республиканский фестиваль русской песни «Песня — мост дружбы». Цель фестиваля — активное приобщение учащихся школ Армении к культурным и духовным ценностям русского народа, повышение их интереса к России, русской культуре и русскому языку, содействие сохранению и дальнейшему углублению в республике благоприятного общественного мнения о России как о стратегическом партнере. Фестиваль проводился Общероссийской общественной организацией «Союз армян России», общественной организацией «Армянский центр развития русского языка» при частичном финансировании по линии фонда «Русский мир» при содействии Министерства образования и науки Армении, Министерства культуры Армении и мэрии Еревана. Фестиваль проходил в четыре этапа: подготовительный, школьный, областной и заключительный. Во всех школах прошли Дни русского языка и русской культуры, в которых приняло участие около 400 тысяч учеников, т.е. более 90% школьников республики. По окончании школьного этапа для участия в областных турах было отобрано около 7 тыс. участников, из которых выбраны 600 юных певцов, а для участия в заключительном туре отбор прошли 80 человек. Заключительный тур состоялся 17 декабря 2012 г. Фестиваль доказал, что русский язык и русская культура востребованы в Армении, а армянский народ не намерен идти по пути переориентации культурных и языковых ценностей за счет сужения русскоязычного пространства.
- 8 Долинский А.В. Практические вопросы оптимизации российской публичной дипломатии <http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/analytics/article/news0004.html>

«ИСХОД» ИЗ ЕВРОПЫ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

А.Г. Задохин

*доктор политических наук,
профессор,
Дипломатическая академия МИД России*

В статье исследуются истоки израильско-палестинского конфликта в контексте европейской истории и истории христианства.

Ключевые слова: конфликт, христианская религия, сионизм, эмансипация, безопасность.

A.G. Zadohin

Professor of Diplomatic Academy of the MFA of Russia

THE RELIGIOUS BACKGROUND OF THE MIDDLE EAST CONFLICT

Annotation. This article examines the origins of the Israeli-Palestinian conflict in the context of European history and the history of Christianity.

Key words: conflict, the Christian religion, Zionism, emancipation, security.

Современная история Израиля восходит ко времени еврейской иммиграции из стран Европы, начавшейся массово и организовано в 90-х годах XIX века. По сути это был второй Исход евреев, подобно первому из Египта. Первоначально речь шла о возвращении евреев на историческую пра...прапродину. В 1917 г. эту идею поддержало британское правительство в декларации Бальфура, в которой содержалось обещание образовать в Палестине «национальный очаг для еврейского народа» и для этого были свои причины. В то же время необходимо понять глубинные причины Исхода из Европы. Они лежат в конфликте религиозных идентичностей.

Христианская трансэтническая религиозная система формируется одновременно, как развитие и отрицание иудаизма. Христианская доктрина занимает определенные положения иудаизма. Но впоследствии христиане подзабывают или пытаются забыть свои иудаистские корни, культивируя миф о «предательстве» Иуды, тем самым как бы подводя черту под своей дохристианской предысторией. Но прошлое не удается забыть, и через столетия хри-

стиане внутренне не могут примириться с тем, что их бог был евреем. Пушкин, который в общем-то был не замечен в особой религиозности, в своем письме к П.Я. Чаадаеву напоминает себе и адресату факт того, что источник христианства был «не чист», ибо Иисус Христос «родился евреем».

Внутренний конфликт ценностей и присущий всем народам или иной комплекс неполноценности христиане пытаются преодолеть через распространение вины Иуды на всех евреев. То есть умножения локальной изначальной оппозиции между народами «мы — немые» на бесконечный ряд подобных, сделав чисто ближневосточный феномен универсальным и сверхсакральным. Теперь при любых критических ситуациях любой христианин, любой христианский народ знал своего единственного Чужого «виновного» в своих бедах. Тем более, что ему об этом напоминали в проповедях.

В обычном состоянии воздействие архетипов и стереотипов не то что заметно, но не столь влиятельно. В условиях же внутреннего или международного кризиса возникает особое психологическое состояние общества. Оно выражается

в нарастании воздействия коллективного бессознательного в социальном действии, когда спонтанно появляется стремление к стереотипному разрешению кризисной ситуации. Происходит сужение сознания, возврат к ограниченному ряду архаических ориентиров, сложившихся в процессе предшествующих периодов развития общества и его сознания и отражающих реальность иного геополитического и культурного порядка.

Стереотипная ценностно-культурная ориентация общественного сознания с опорой на его архаические слои создает условия для блокирования прагматического определения целей и максимально точного описания национальных интересов в соответствии с ресурсами и возможностями общества на данный момент и с учетом перспектив его развития. Так естественный «природный» этноцентризм начинает трансформироваться в концептуальный национализм¹, в котором избранность нации и ее мессианская предназначенность являются основными мотивами агрессивной политики².

Это происходит в различных вариантах. Так, ценности-клише активно влияют на формирование образа (картины) мира: реальность как бы подгоняется под какие-то ценности или воспринимается через их фильтры.

В обычном состоянии воздействие архетипов и стереотипов не то что заметно, но не столь влиятельно. В условиях же внутреннего или международного кризиса возникает особое психологическое состояние общества. Оно выражается в нарастании воздействия коллективного бессознательного в социальном действии, когда спонтанно появляется стремление к стереотипному разрешению кризисной ситуации. Происходит сужение сознания, возврат к ограниченному ряду архаических ориентиров, сложившихся в процессе предшествующих периодов развития общества и его сознания и отражающих реальность иного

геополитического и культурного порядка. Как правило, в ряду таких внешних ориентиров присутствовал именно другой народ.

Внешние опасности формируют систему самоидентификации любой нации. Осознание своего коллективного Я происходит не просто как сопоставление, но и в процессе этого сопоставления приобретает определенные ценностные характеристики. Контуры некоторых базовых параметров понимания «иного» или «другого» народа в ценностном контексте передаются через обобщенную категорию «чужой», то есть «они» не просто чем-то не похожий на мой народ, а и не принадлежащий моему роду, моей общине, то есть буквально не мой и чужой. Непохожесть вызывает ощущение опасности, хотя бы потому, что «чужой» — значит, «несвой», то есть находится за пределами определенных правил и установок.

Следует оговориться, что у конкретного народа образ «чужого» присутствует не только как категория, помогающая осознать себя (т.е. выделить себя из среды обитания, консолидировать себя с себе подобными, наконец, осознать необходимость поддерживать свою выделенность, из среды состоящей, в том числе из «чужих» коллективов). На ранних этапах социализации «чужой» однозначно вызывал страх, воспринимался как прямая или потенциальная угроза, то есть семантически был близок слову «врага»³ и олицетворял опасность⁴.

Изгнания «чужих» или других народов происходили повсеместно в прошлом, да и в настоящем это происходит. Этническая память и/или национальные истории народов могли с той или другой оценкой сохранить и описать эти времена в своих мифах, сказаниях и национальной истории. Но, пожалуй, единственный народ в мире это прошлое записал в своих священных текстах и сделал частью своей религии и верований.

Тем более что изгнания/гонения евреев происходили систематически в различных странах, повторяя и повторяя первый Исход.

Поводы для гонений могли быть различными. Занимаясь ростовщичеством или каким-то другим видом деятельности, не присущим большинству коренного населения той или иной страны, евреи могли вызывать зависть. Но причиной этого являлась не только богатство зажиточных семей. Подобная зависть у коренного населения могла возникать и по отношению к своим феодалам и купцам, а то и своим священникам. Но по отношению к евреям главной причиной являлся конфликт с представителем другой веры, и не просто другой, а представителем народа, с которым олицетворялась гибель Христа. И это происходило в течение нескольких столетий.

Возникла уникальная ситуация, когда из-за мифологизированного и раздутого до всемирных масштабов «греха» одного еврея стал страдать весь еврейский народ. Обычно было наоборот. Так, например, за грехи немецкого народа во Второй мировой войне при случае мог пострадать один отдельный немец или какая-то группа немцев. В случае с еврейским народом дело было наоборот.

В эпоху Просвещения, революций и с началом европейской эмансипации у евреев Европы зародилась надежда, наконец-то и их настало время — они освободятся от бремени библейского мифа. Действительно, с одной стороны, ряд европейских государств заявил о своей приверженности равенству своих граждан и даже разных конфессий. А с другой стороны, сами евреи решили осуществить попытку выйти из многовековой изоляции и самоизоляции и интегрироваться в мир христиан. Но простимулированный буржуазными революциями середины второй половины XIX в. — процесс европейской эмансипации шел неровно, противоречиво и с откатами назад.

Во-первых, равные гражданские права не распространялись на евреев или отменялись уже предоставленные. И дело было не только в европейском вопросе, а в сложном процессе формирования европейских нацио-государств, сопровождающемся социальными, межэтническими и межгосударственными конфликтами. Причем часто осуществлялись попытки использовать всегда существовавшие у обывателя антисемитские стереотипы в различных политических целях. Стоит только вспомнить вошедшее в европейскую историю известное дело Дрейфуса.

Таким образом, можно констатировать, что европейская эмансипация не привела к существенным изменениям в положении евреев в Европе. Более того, слабые попытки властей хоть как-то уменьшить дискриминацию евреев еще более увеличивали антисемитские настроения в обществе.

Во-вторых, провозглашенный еврейскими интеллектуалами призыв к интеграции в европейское общество не был поддержан массовым еврейским обывателем или не был им услышан. Было очевидно, что столетия изоляции не прошли даром. Евреи свыклись со своим положением довольствоваться малым, терпеливо сносили дискриминацию как естественную и, более того, всегда были готовы к худшему и самому худшему. В результате те еврейские интеллектуалы, кто действительно осознавал свою национальную маргинальность и пытался ее преодолеть — могли только констатировать, что им не удалось осуществить задуманное. Притом, что Европу сотрясали национальные движения и революции, еврейская консолидация не удалась, хотя и возникали те или иные еврейские политические партии. Например, в России известный социал-демократический БУНД.

При такой ситуации в среде еврейской интеллектуальной элиты зарождается идея вернуть свой народ на

прародину, в значительной степени имеющей мифологический и сакрализованный образ. Стремление к возвращению на Родину по большому счету присуще всем, по каким-то причинам покинувшим ее. Это может происходить реально, а может и в памяти поколений. У евреев «возвращение» было институализировано религиозной догмой и священными текстами. Еврей, родившийся в Европе и забывший свой язык, но и даже как-то нашедший свою социальную и профессиональную нишу в той или иной европейской стране, естественно верил не только в свою религию, но и верил в возможность в «возвращения» на «землю обетованную». Эта вера поддерживала еврея в трудные времена. Собственно говоря, «сионисты», отвечая своеобразным образом на вызовы безопасности своему народу, только оформили «еврейскую мечту» в идеологическую и политическую доктрину. Конечно, это был не единственный проект «возвращения» народа на свою прародину. В свое время в Монголию попытались вернуться калмыки Северного Кавказа. Были и случаи возвращения и других отдельных этнических групп. В Африку вернулась группа негритянского населения США и образовала свое государство с символическим названием «Либерия».

Каждое массовое насилие над еврейском населением в том или ином европейском государстве или его угроза становились причиной переселения в Палестину групп евреев. Отношение к «возвращенцам» на (пра)Родине было не однозначно со стороны местного арабского населения, да они и сами приживались с трудом. И дело не только в религиозном и этническом противостоянии евреев и арабов. Переселенцы-возвращенцы зачастую просто не готовы были принять свою прародину, которая реально не соответствовала их мечтам и надеждам. Евреи, уже прожив не одно столетие в европейских странах, куда их

предков когда-то забросила судьба, стали — обретая новый облик — другими. Основная масса евреев осталась там, где родились их родители, и они сами.

В то же время к концу XIX века положение еврейского населения в Европе все более ухудшалось, что стимулировало каждый раз очередную волну еврейской иммиграции как в Палестину, так и за океан — в Латинскую Америку и в США. Признав неудачный опыт еврейской эмансипации, ряд еврейских интеллектуалов создают **Сионистское движение** за возвращение (точнее переселение) евреев в Палестину. Идея возвращения была не просто понятна еврейскому народу. Они с этим жили со дня рождения и чтения Торы. Сионистское движение приобрело политическую окраску после известной книги Теодора Герцля «Еврейское государство» (1896). Евреи не были первым народом Европы, который поставил перед собой цель создать свое государство. Многонациональные империи трещали и разваливались, а народы жаждали свободы.

Уникальность сионистского движения заключалась в том, что это был первый случай попытки организованного «возвращения» именно рассеянного по всему свету народа на историческую прародину и создания здесь своего государства. В общем-то им это удалось, но получили ли они желаемой безопасности...

После окончания Первой мировой войны положение еврейских общин в европейских странах было близко к критическому. Послевоенная разруха, безработица, экономический кризис, наконец, рост националистических настроений в обществе и приход к власти фашистов в Германии уже в 30-е годы поставили евреев на грань выживания. Еврейские погромы и преследование властей все чаще имели место и в других странах. И если власти в Италии и Германии действовали вполне осознанно, то сотни и тысячи обывателей по всей Европе на подсо-

знательном уровне считали, что так оно и должно быть — ведь это евреи и нехристиане. Было ли это обыкновенной трусостью или наивной надеждой, что насилие нацистов обойдет их стороной. Не обошло ...

Исторический опыт свидетельствует, что диктатура и тотальные репрессии начинаются или могут начаться с насилия над «первым» евреем. Но если в большинстве своем диктатура локализуется отдельной страной, то в нацистской Германии охватила и подчинила себе всю Европу, причем не без помощи последней. Трусливые попытки сторговаться с Гитлером привели к катастрофе европейского масштаба, что привело к началу уничтожения европейских евреев. Причем это происходило зачастую руками представителей стран, оккупированных Германией. Мы их не будем называть. Но некоторые осознали свой Грех. Это можно увидеть не только в официальных показаниях, а также в литературных произведениях и киноискусстве.

Безусловно, начало формирования антигитлеровской коалиции государств было мотивировано не озабоченностью европейских «демократий» еврейским вопросом. Последний встал только после разгрома Германии и окончания Второй мировой войны. Сказать, что европейские державы покаяться перед жертвами Холокоста, скорее всего, нет. Они были озабочены геополитическими вопросами и собственными проблемами. Но память о Соучастии сохранилась и подспудно тяготила, как и подсознательный страх повторения подобного. В результате, с одной стороны, пришло мудрое решение не унижить Германию и не озлобить немецкий народ, как это произошло после Первой мировой войны, а помочь вернуть их в нормальное состояние. А с другой — был осужден и геноцид европейского еврейского народа, наказаны идеологи и исполнители. Но поверили ли сами евреи в искренность судей. Очевидно, нет, если рели-

гия, миф, мечты евреев о земле Обетованной стали обретать черты политической стратегии. Что называется, чаша еврейского терпения переполнилась и вылилась в решение использовать последний исторический шанс — создать собственное государство, пока в очередной раз великие державы не поделили земли Ближнего Востока. Следует напомнить, что в послевоенный период еврейский народ был не единственным в своем стремлении. Волна войн и восстаний под знаменем права народов на самоопределение охватила весь мир. Чем же евреи были хуже? Вроде бы ничем, если бы не христианский архетип. И все же европейские государства признали самопровозглашенное государство Израиль на палестинских землях. И в этом была в чем-то и попытка искупить вину, а на подсознательном уровне, возможно, то самое потаенное — «чем меньше будет евреев в Европе», тем лучше. Тем более, что вставал вопрос о возвращении собственности тем евреям, которые захотят вернуться на свое довоенное место жительства.

Возможно, что мог быть и другой вариант решения еврейского вопроса, чем реставрация то ли прошлого, то ли превращения мифа в реальность. Но что произошло, то произошло — государство еврейского народа возникло и существует уже более 60 лет. Кому-то это не нравится, как другим не нравится случайно возникшее когда-то за океаном американское государство или какое-то еще новообразованное.

Но с возникновением государства Израйля еврейский вопрос был не закрыт. Антисемитизм по-прежнему существует в политике и на бытовом уровне. В то же время возникла парадоксальная ситуация, когда, по большому счету, проблема безопасности Израйля и его граждан уже не есть часть еврейского вопроса. Государство Израиль сформировало израильскую нацию, отличную от еврейской диаспоры мира и со всеми своими

проблемами внутреннего и внешнего порядка.

В заключение можно еще отметить, что современное государство Израиль и израильское общество (или израильская нация) явно выделяются своими цивилизационными характеристиками из окружающего ближневосточного мира. Израиль по своей культуре скорее южноевропейское государство, чем ближневосточное, и оно принадлежит (ближе к) западной цивилизации, может быть, даже ближе, чем соседние греки-киприоты. И если когда-то Турция войдет в Евросоюз, то есть будет полностью признана и ее европейская идентичность, то,

возможно, и Израиль (сосед Кипра-члена ЕС) через Средиземноморский союз войдет в ЕС, а до этого станет страной-участником ОБСЕ, где уже есть представители даже далеких от Европы азиатских постсоветских государств. И тогда в Европе будет государство и те бывшие евреи — в том числе и наши соседи по подъезду и улице опять обретут свое европейское гражданство.

Пока же следует констатировать, что проблема безопасности евреев в Израиле так и не решена. Израильско-палестинский конфликт давно уже принял затяжной характер и завязан не только на региональную, но и мировую политику.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 122 — 182.
- 2 Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 173; Тосака Дзюн. Японская идеология. М., 1991. С. 85-102.
- 3 См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1. С. 352.
- 4 Шукуров Р.М. С. Введение или предварительные замечания о Чуждости в истории. — Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999. С. 24.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДЕТАБУИЗАЦИИ НРАВОВ

К.С. Гаджиев

*главный научный сотрудник ИМЭМО РАН,
доктор исторических наук, профессор*

В статье предпринята попытка выделить и проанализировать один из векторов развития современного мира. Главное внимание концентрируется на процессах и тенденциях, для которых характерна детабуизация тех или иных сфер общественной жизни. Показано, что суть этого феномена состоит в отказе определенной части населения, прежде всего, западных стран под лозунгом борьбы за права и свободы человека от традиционных ценностей, принципов и установок.

Ключевые слова: детабуизация, мораль, нравы, смерть Бога, герои, знаменитости и др.

REFLECTIONS ON THE REJECTION OF TABOOS IN MORES

Abstract. The paper attempts to identify and analyze one of the vectors of the modern world. The main focus is on processes and trends, which means the rejection of taboos in some spheres of public life, primarily in morality and mores. It is shown that the essence of this phenomenon is rejection by some parts of the humanity, especially in the West traditional values, principles and guidelines.

Keywords: rejection of taboos, morality, mores, death of the God, heroes, celebrities etc.

Для современного состояния умов, прежде всего, жителей Запада характерен целый ряд особенностей, которые подспудно вызревали в течение примерно последних полтора столетий и достигли своего апогея в наши дни. Парадокс современного мира состоит в том, что в период со второй половины XIX века, когда окончательно утвердилась антропоцентрическая парадигма, начался процесс дегоминизации, постепенного исчезновения человека, или антропомофного составляющего сначала в отдельных направлениях искусства, а вслед за ними в некоторых других сферах общественной жизни. При этом само понятие «дегоминизация» не следует путать с понятием «дегуманизация», которое традиционно используется в негативном смысле деградации, вырождении и т.д. Здесь под дегоминизацией подразумевается расщепление целостной человеческой личности в некий комплекс составных элементов, подобно расщеплению атома. И действи-

тельно, при невиданных успехах в изучении анатомио-физиологических, физико-химических, психологических, генетических и иных составляющих человеческого организма все меньше места остаётся для видения человека, как целостного существа, стоящего неизмеримо выше и глубже чем совокупность частей и элементов, из которых он состоит.

Спутником и одновременно одним из проявлений этого феномена стал подспудно набирающий все более растущие масштабы, прежде всего в развитых демократических странах Запада, процесс детабуизации различных сфер общественной жизни.

Властный императив, императив детабуизации теснейшим образом связан с первоначалами человеческой истории. Рассматриваемую в качестве инструмента контроля поведения людей власть и, соответственно, табу лишь с определенными оговорками можно назвать историческим феноменом. Дело в том, что

оно коренится в самой природе человека как общественного существа. В данном случае речь идет не только и не столько о природной склонности человека подчинить себе других людей, стремиться к более высокому положению в статусной иерархии или ницшеанской воле к власти, сколько о том, что без власти и табу не может быть и самого человека и человеческого общества. Именно властное начало сыграло определяющую роль в процессе вычленения человека из стада. Дело в том, что само возникновение человека, его выход из животного или стадного состояния теснейшим образом связан с укрощением отдельных природных задатков. Необходимость в таком укрощении была вызвана потребностями формировавшегося человеческого общества подчинить эгоистически-индивидуалистические и агрессивные устремления отдельно взятого индивида императивам формировавшейся социальной жизни, интересам общины, коллектива в лице рода или племени. По-видимому, особенно на первоначальных этапах в основе власти лежало скорее отрицательное, нежели положительное начало. Не случайно табу и по сей день имеет запретительный смысл.

В этом смысле рудиментарные элементы власти первоначально возникли в форме отдельных табу, или запретов на те или иные действия или акты, которые считались очевидными в стадном состоянии. Или, иначе говоря, первоначально власть коренилась в табу. Первым властным актом, по-видимому, нужно считать именно первое табу, то есть запрет делать, или приказ, веление не делать человеку то-то и то-то.

По-видимому, первого, кто произнес сакраментальное выражение «Ты не должен...», можно считать основателем власти и закона. Без таких табу невозможно себе представить переход людей от состояния безвластия и вседозволенности, или анархэ к состоянию архэ, когда человеку под угрозой наказания, в том числе и пу-

тем применения физического насилия, не дозволяется делать те или иные вещи.

В основе этого лежит тот факт, что антропогенез и социогенез теснейшим образом связаны друг с другом, составляют две стороны единого процесса антропо-социогенеза. Императивы очеловечивания диктовали необходимость формирования внешних механизмов подчинения человека нормам человеческого общежития. Одним из таких важных механизмов и стал институт табу. Оно, как искусственное человеческое образование, лежит у истоков власти и позитивного закона или права. Иначе говоря, власть так же стара, как и сам человеческий вид. В этом смысле процесс табуизации, по сути дела, совпадал с процессом формирования власти. Стало быть, власть возникла не на определенном этапе человеческой истории, а вместе с самим человеком, возникновение власти неотделимо от возникновения человека. Не случайно древнегреческое слово «архэ» означает одновременно «власть», «главенство», «начало» или «первоначало». Аристотель сообщает, что Фалес, считая воду первоначалом всех вещей, именовал это первоначало словом «архэ».¹

В более поздние эпохи, например в поздней античности и в наше время, ослабление власти связано с вольным или невольным снятием тех или иных табу, с процессом частичной детабуизации. С этим же связаны различные формы анархии, нигилизма, вседозволенности.

* * *

Особо важное значение имеет тот факт, что детабуизация затронула вероисповедную сферу. Заратустра, спустившись с гор, поведал народу, что Бог умер. Нет надобности сколько-нибудь странно объяснять, что, говоря о смерти Бога, Ницше отнюдь не имел в виду личностного Бога. В действительности у него речь шла не о смерти Бога в буквальном смысле слова, а о нравственном кризисе человечества, об утрате им веры в абсолютные моральные законы и ценности.

Нельзя не признать, что великие религиозные системы играли и продолжают играть важную и зачастую незаменимую роль в духовном оздоровлении общества, мобилизации и сплочении народов, наций, этносов в переломные периоды их истории, составляя одну из ключевых элементов парадигмальной инфраструктуры их образа жизни и мировоззрения. Однако с величайшим сожалением приходится констатировать, что Бог в той ипостаси, в которой его представлял и проповедовал Иисус Христос, давно умер в сознании большей части людей.

У Ницше безумный человек в светлый полдень зажег фонарь, выбежал на рынок и все время кричал: «Я ищущу Бога! Я ищущу Бога!» Поскольку на рынке собрались одни неверующие, над ним хохотали. «Тогда безумный вбежал в толпу и пронзил их своим взглядом. «Где Бог? — воскликнул он. — Я хочу сказать вам это! Мы его убили — вы и я...» Наконец, он бросил свой фонарь на землю, так что тот разбился вдребезги и погас. «Я пришел слишком рано, — сказал он тогда, — мой час еще не пробил. Это чудовищное событие еще в пути и идет к нам — весть о нем не дошла еще до человеческих ушей...» Рассказывают еще, что в тот же день безумный ходил по различным церквам и пел в них свой *Requiem aeternam deo*. Его выгоняли и призывали к ответу, а он заладил все одно и то же: «Чем же еще являются эти церкви, если не могилами и надгробиями Бога?»²

Если применительно к современному миру эта притча неверна, то как объяснить тот факт, что число все новых церквей, мечетей, синагог и т.д. постоянно растет, но было бы преждевременно и неправомерно утверждать, что пропорционально с этим растет уровень духовного здоровья общества. Во всём мире за последние десятилетия накопилось смутное ощущение, что происходит что-то неопределённое в самих бытийных основах жизни, культурных и духовных системах, ментальных структурах человечества и

народов, которые в чём-то равновелики технологическим и экономическим сдвигам, а в чем-то превосходят их. Это «неопределённое», возможно, важнее для судеб человечества, чем любые технологические и экономические сдвиги, хотя они тесно связаны между собой. Речь идёт о том, что духовный кризис, кризис миропонимания стал не меньшим, если не большим вызовом жизнеспособности и перспективам народов и мирового сообщества в целом, нежели отставание в гонке за научно-технологический прогресс. Однако нет должного понимания того очевидного факта, что нынешний мировой экономический кризис — это одно из проявлений глобального кризиса важнейших сфер общественной жизни в общемировом масштабе — социальной, социокультурной, вероисповедной, политико-культурной, политической, идеологической и др. Подверглась эрозии сама парадигмальная составляющая менталитета современного, прежде всего, западного человечества. Многие великие религиозные учения, равно как секулярные идейно-политические конструкции, в значительной степени устарели или потерпели банкротство и не способны выполнять роль мобилизующих идеалов. Взамен них не разработаны и не предложены какие-либо масштабные альтернативные идеи общественно-политического развития. Создается впечатление, что состояние, в котором находятся сами конфессии, будь то католицизм, протестантизм, православие, ислам и др., стало отражением состояния самого общества, и с этой точки зрения они следуют за обществом, а не занимаются поисками путей выхода из духовного кризиса, или, иначе говоря, им пока что не удастся выступать в качестве убедительных и эффективных поводырей народа.

По другому и не может быть, поскольку по мере роста числа храмов сокращается число их служителей, живущих **для и ради веры**, при неуклонно растущем числе предпочитающих жить **за счет веры**. По сути дела сама вера (по амери-

канскому образцу) превратилась в нечто полезное для ведения дела (бизнеса) или карьерного роста, нечто вроде тренда, средства формирования и проталкивания имиджа. В результате создается ситуация, когда при множестве храмов не прослеживается действительно верная дорога, которая вела бы к истинному храму. А такая дорога, как известно, пролегают через души и сердца людей.

Здесь вряд ли есть резон напомнить о скандалах, связанных с разоблачениями фактов широкого распространения педофилии в католической церкви. Развернута все более расширяющаяся и приобретающая агрессивный характер кампания своеобразной формы богословства внутри различных ответвлений христианства. Так, министр ФРГ по делам семьи Кристина Шрёдер в своей публикации в Spiegel Online призвала называть Всевышнего нейтральным в гендерном отношении именем, не отдавая приоритет мужскому роду. В интервью еженедельнику Die Zeit она заявила, что распространенное в Германии выражение *der liebe Gott*, которое можно примерно перевести как «милостивый Боже», совсем не обязательно интерпретировать в мужском роде и что такая фраза корректнее было бы прозвучать так: «милостивое Боже». Тем самым, министр инициировала дискуссию, которая знаменательна тем, что она разразилась в преддверии Рождества.

Справедливости ради следует отметить, что целый ряд коллег Шрёдер по ХДС/ХСС, такие, например, как министр по социальным вопросам Баварии — земли католической, Кристина Хадертхауэр, Госсекретарь федерального Ведомства по охране окружающей среды Катарина Райхе, представитель ХСС в Бундестаге Штефан Мюллер и др. резко осадили свою коллегу. Так, Кристина Хадертхауэр, констатируя, что «этот заумный вздор» лишил ее дара речи, заявила газете Bild: «Печально, если у наших детей ради сомнительной

политкорректности отнимут столь важные для их фантазии образы».³

В новом богослужбном чине, составленном Шотландской епископальной церковью в 2010 году, удалены все упоминания о Боге как о существе мужского рода, в частности такие понятия как «Бог», «он», «его», «род человеческий», полагая, что Бог — существо «вне человеческого рода» и уж тем более — вне мужского пола. Он может использоваться теми священниками, которые испытывают трудности при упоминании о Боге как о существе мужского пола. Изменения были внесены как альтернатива принятому в 1982 году литургическому тексту, в котором упоминания о Боге сродни упоминаниям о человеке. Главными инициаторами его принятия стали женщины-священники, недоумевающие по поводу того, что Бог все еще упоминался как мужчина.⁴

Британское Движение за реформированный иудаизм в 2008 году выпустил новый молитвенник, в котором в формулировках молитв удалены любые определения, характеризующие Всевышнего как мужчину (например, Царь или Отец), и преобладают «нейтральные» выражения типа «Вечно Сущее».⁵ Список примеров подобного рода можно было бы продолжить, но и приведенных достаточно, чтобы осознать, что предлагаемое их авторами понимание Бога предполагает ревизию ряда ключевых постулатов Библии, в том числе Нового Завета. К примеру, в догмате о Пресвятой Троице говорится никак не о Боге-Оно, а о *Боге-отце*, *Боге-Сыне* и Святом Духе. Или же, говоря о *непорочном зачатии и рождении Иисуса Христа*, было бы абсурдом предполагать, что он появился на свет от родителя №2, а не от Богородицы Марии. Впрочем, осведомленному в этих и множестве других связанных с ними вопросах человеку и так понятно, что иное понимание иначе как попыткой подкопа под саму идею Бога нельзя назвать. Если Ницше понимал смерть

Бога метафорически, то для современных сторонников дeтaбуизaции он умер в буквальном смысле слова. Более того, в его убиении они, возможно, поставили последнюю точку и, если победит их точка зрения, то, возможно, придётся говорить о постхристианском мире.

На этом фоне возникает еще один вопрос, имеющий ключевое значение для перспектив современного мира: когда в современном, прежде всего, западном мире умер последний герой?

Метафорически можно утверждать, что для демократических стран Запада по сути дела наступила пост-героическая эпоха. По-видимому, не лишены оснований рассуждения тех аналитиков, которые твердят о том, что в развитых странах Западной и Северной Европы «практически не осталось пассионариев, которые были бы готовы бороться за выживание своей нации и цивилизации».

Двадцатое столетие создало первые предпосылки виртуального мира, а двадцать первое столетие во все более растущей степени сползает в век виртуального мира, где придуманные, искусственно создаваемые конструкции приобретают все более растущие вес и значимость по сравнению с реальной действительностью. Виртуальность как одна из основополагающих составляющих современного мира проникает во все сферы общественной жизни. Сущность этого мира состоит в том, что на смену секуляризации и демифологизации, характерных для нового времени, приходят десекуляризация и ремифологизация. Наряду с реальными появляются новые небосводы и олимпы со своими «богами» и «героями». Истинные герои уступают место персонажам, добывающимся славы и статуса в электронных СМИ, кино- и телеэкранах. На пьедестал взошли так называемые знаменитости — celebrities — суррогатные герои на час, нечто вроде пластиковых креатур, персонажей, завернутых в фантики, или же поддельных денежных купюр.

Пожалуй, наиболее емкое определение этого феномена дал известный в свое время американский социолог левой ориентации Р. Миллс. Знаменитость, утверждал он, — «это человек с таким именем, которое достаточно только произнести — и всё становится ясно. Он известен великому множеству людей, число которых даже не поддается точному учету. Куда бы он ни пришел, его сейчас же узнают, и, более того, узнают с каким-то волнением и благоговением. Все, что он делает, приобретает общественную значимость. В течение известного периода он является более или менее постоянным объектом массовых средств общения и развлечения. И когда этот период кончается (что неизбежно), а он все еще продолжает жить, люди, возможно, время от времени спрашивают друг у друга: «Вы помните такого-то?..» Вот что такое знаменитость».⁶ Самое главное здесь состоит в том, что для знаменитостей профессиональной болезнью стала паническая боязнь потери своего статуса, который зависит от рекламы, которая им необходима во все возрастающих дозах.

Разумеется, определение, данное Миллсом, необходимо принять с учетом того факта, что оно было сформулировано ещё во второй половине 50-х годов прошлого века. Естественно, оно нуждается в серьёзной коррекции в век информационно-телекоммуникационной революции, когда по геометрической прогрессии растёт число вождедеющих статуса знаменитостей или звёзд. Когда люди больше не знают, за кем следовать, во имя кого и чего можно жертвовать собой, вся страсть и энтузиазм направляются на новых идолов и кумиров в лице всякого рода псевдоавторитетов, суррогатов героев, не иначе как поставленных на конвейерное производство множества и множества замишуренных «звезд», «супер-звезд», «гипер-звезд», «мега-звёзд» и пр. Более того, по аналогии с фабриками чулочных изделий организуются фабрики звезд, в которых

для ширпотреба создаются массы «знаменитостей».

С этим феноменом тесно связан еще один признак взаимоотношений людей в современном обществе. Выражение «ты смотришься очень *sexu*» стало высшей похвалой для многих представителей как мужского, так и женского полов. Причем это относится не только к лицам традиционной сексуальной ориентации (или, как принято говорить в определенных кругах, — классике), но также к гомосексуалистам, лесбиянкам, трансвеститам, феминисткам и т.д. и т.п. Соискатели этого статуса и те, кто стремится остаться на этом, с позволения сказать, «олимпе избранных», могут идти на любые ухищрения, чтобы добиться поставленной цели.

* * *

По мере ослабления позиций Запада в современном мире растёт его агрессивность, при этом как бы игнорируя тот факт, что времена уже другие и у западного человечества по сути дела иссякают возможности диктовать свою волю даже самым отсталым и нищим народам. Каждая операция по насаждению демократии, прав и свобод человека в конечном счёте заканчивается провалом, обрачиваясь нестабильностью и хаосом. Потом покидают разорённые агрессией страны, не неся никакой ответственности за свои деяния. У себя же дома во имя превратно понятых прав и свобод человека всячески поощряется политика демонтажа всех возможных табу, насаждения беспредельной политкорректности, зачастую оказывающейся с двойными стандартами. В качестве примера, как представляется, достаточно привести поспешное увольнение редактора издания, опубликовавшего не совсем скромные фотографии супруги британского принца при одновременной поддержке журнала *Charlie Hebdo* напечатавшего карикатуры на пророка Мухаммеда. При этом французский премьер Ж.-М. Айро

бесстрашно заявляет: «Мы — Республика, нас никому не запугать!».⁷ В этом же духе Ангела Меркель, осведомленная в том, что немецкое издание *Titanic* готово поддержать инициативу американских авторов фильма «Невинность мусульман» и французского журнала *Charlie Hebdo*, опубликовавшего карикатуры на пророка Мухаммеда, заявляет: «Мы — европейцы!»

С одной стороны, громы и молнии в адрес так называемых «стран изгоев» военной интервенцией, разного рода санкциями. С другой стороны, наблюдается тенденция к укоренению, казалось бы, высокоморальной, в высшей степени гуманистической антивоенной идеологии, демилитаризации и пацифизации общественного сознания как интеллектуального и политического классов, так и широких масс народа. Все это, с одной стороны, в высшей степени гуманистично, человеколюбиво, большинством людей одобряемо. Однако, с другой стороны, здесь уместен парадоксальный, на первый взгляд, вывод, который, возможно, сочтут за паранойю, что избалованная достатком и комфортом Европа постепенно, подспудно, но неукротимо теряет волю к самосохранению, проявляя все более растущую невысказанную и вербально невыразимую любовь к Танатосу. Создаётся впечатление, что готовность к самопожертвованию европейцы предпочитают заменить дополнительными расходами на обеспечение безопасности малыми, а в идеале нулевыми человеческими издержками.

Этим объясняются такие феномены как контрактные армии, высокоточное оружие, неконтактные войны, войны с нулевыми потерями и т.д. Разумеется, они нужны как воздух, и их необходимо всемерно совершенствовать. Однако чрезмерный упор на войны без потерь, без учета тех кардинальных изменений, которые произошли в характере войн и конфликтов, их причин и форм проявления, возникают тенденции к

изнеженности, пацифизму, дефициту готовности нести физические, материальные, моральные издержки, столь необходимые в конкуренции и борьбе за идеалы. Западное человечество достигло невиданных во всей человеческой истории уровней богатства, благосостояния, гламуризации и т.д., что любой намек на возможность снижения, тем более потери этого положения вызывает у все более растущего числа людей дискомфорт, беспокойство, а то и страх. Как отмечал известный немецкий политолог Г. Рормозер, «широкие круги населения охватывает чувство страха как доминирующее настроение».⁸

При таком положении вещей, как быть с героизмом и мученичеством, с героями и мучениками, которые на протяжении всей писаной истории человечества считались солью земли. Ведь без них рано или поздно начинает хиреть любое самое, казалось бы, совершенное общество. Оно не может быть жизнеспособным без неких сверхличных идеалов, ради которых каждый отдельно взятый индивидуальный гражданин готов жертвовать своей жизнью. Любой идеал для своей защиты требует героев и мучеников. Иначе человечество не имело бы своих Прометеев, Икаров, Иисусов и т.д. Почти всегда, когда перед обществом и государством стояла дилемма выбора между собственным самосохранением, с одной стороны, и жизнью отдельно взятого человека, его правами и свободами, с другой стороны, приоритет отдавался императиву самосохранения государства. Как подчёркивал Г. фон Трейчке, «индивидуум может и должен жертвовать собой для нации. Но государство, которое жертвует собой для другого народа, не только не нравственно, но оно противоречит идее самоутверждения (Selbstbehauptung), то есть наиболее весомому, что есть в государстве». Поэтому «не следует рассматривать государство как необходимое зло, оно, наоборот, является высшей

необходимостью (его) природы (hohe Naturwendigkeit)».⁹

Вольно или невольно происходит процесс неуклонной мутации или, вернее сказать, аберрация этих священных для народов в течение большей части писаной истории человечества феноменов. Хулиганствующие девицы, устраивающие публичные совокупления в музеях или кощунственные оргии в храмах, не без успеха оттесняют на задний план великих героинь и мучениц вроде Жанны д'Арк и Зои Космодемьянской. Здесь могут возразить, что они являются современными героинями, борющимися за права и свободы человека. Действительно, можно согласиться с такой оценкой, если рассматривать в качестве главной проблемы, стоящей перед современным человечеством, освобождение человека от всех табу и запретов и возврат к временам, когда господствовали ценности и принципы вседозволенности и промискуитета.

Иначе говоря, одним из важнейших спутников или, вернее сказать, составляющих отмеченных выше процессов и тенденций стала ползучая дестабулизация важнейших сфер общественной жизни. Проявлениями этого процесса являются восхождение промискуитета, шведских браков, бой- и гёрл-френдизмов, также подрывающие такие основополагающие доминанты цивилизованного общества, как браки и семья. К феноменам этой же категории относятся феминизация мужчин и, наоборот, маскулинизация женщин и т.д., причем нескрываемые, официально признаваемые, даже афишируемые и активно пропагандируемые, во все более растущей степени оказывающее влияние на важнейшие сферы жизни людей, в том числе на политику государства. Особенно зримо эти и подобные им тенденции и процессы проявляются в феномене однополых браков. Разумеется, в трактовке этих феноменов совершенно неуместны какие бы то ни было оценочные, тем более морализаторские

увещевания, поскольку каждый человек — хозяин своей судьбы и имеет право выбрать тот путь, который он считает соответствующим своему призванию.

При всем том нельзя отрицать тот факт, что эти феномены и тенденции ведут к деформации исконно женских и мужских ролей в обществе. Об этом свидетельствует, в частности развернутая кампания по изменению используемых веками терминов и понятий на будто «политкорректные» аналоги. Так, в целом ряде стран в официальных документах словосочетание «муж и жена» заменены нейтральными терминами «супруги» и «партнеры», а также словосочетания «мать и отец» — на «родитель №1 и родитель №2». В 2009 году в Европарламенте были запрещены обращения «мисс» и «миссис», так как, по утверждениям некоторых правозащитников, это может оскорбить достоинство женщины. По этой же причине во Франции запрещено использование слова «мадемуазель».

Детабуизация ведет к десублимации, выведению на поверхность сублимированных в подсознании человека асоциальных агрессивных, деструктивных, садо-мазохистских и иных побуждений, устремлений, желаний, потребностей человека, как правило, в нормальном состоянии не проявляющиеся, или слабо проявляющиеся. Об этом свидетельствует тот факт, что одним из весьма заметных и получающих все более широкое распространение феномен эксгибиционизма, означающего различные формы сексуальной девиации, от простого хвастовства об успехах на сексуальном фронте, до обнародования интимных телес публичке и даже до публичных половых актов. Речь идет о явной или завуалированной демонстрации человеком или группой своей сексуальности, ярко проявляющейся склонности постоянно быть в центре внимания окружающих, к самопоказу, откровенно демонстрировать свои действительные и мнимые достоинства. Зачастую эксгибиционизм — это провокация и рассчитан на всеобщее внимание.

Своего рода если не родным, то двоюродным братом эксгибиционизма выступает институт рейтингов. Рейтинг как и эксгибиционизм, так же призван демонстрировать действительные или предполагаемые достоинства руководителя, режиссера, театра или кинофильма, исполнителя главной роли в театре или в фильме, главного управляющего банком и т.д. В современном обществе рейтинг или рейтинги приобрели настолько важное значение и настолько широкое применение, что без них невозможно представить жизнеспособность, само функционирование множества ключевых сфер жизни современного мира, включая корпорации, университеты, национальную и мировую экономику, государство и т.д. Ныне все и вся подвергаются рейтинговым оценкам: банки, продукты питания, города и страны по уровню свободы, уровню коррупции, фильмы, актер, машина, фрукт, овощ и пр. и пр. Другими словами, развернулась нешуточная борьба за рейтинги, конкуренция за рейтинги возведена в фетиш. Наглядное представление о тесной связи феноменов эксгибиционизма и рейтингов можно получить на примере конкурсов красоты, битвы кинокомпаний за «Оскар» и «Золотых глобусов», всевозможных соискателей всевозможных премий и т.д. и т.п. Парадокс состоит в том, что рейтинги, которые в значительной степени зависят от симпатий или антипатий рейтингуемых агентств к рейтингуемым объектам, стали измерителем престижа и чести государства, нации, народа.

* * *

Все эти тенденции и процессы в совокупности, в том числе старение населения по своим последствиям можно назвать демографическим эквивалентом более или менее ширококомасштабной войны, поскольку неуклонно сокращается численность продуктивной части населения. Если же после реальной войны,

как правило, наступает бум рождаемости, то названные процессы и тенденции по определению не могут стать стимулом ни к росту фертильности продуктивной части населения, ни к росту рождаемости в целом. Как показывает множество исследований, в силу названных и комплекса других факторов Европе буквально для обеспечения жизнеспособности никак не обойтись без все более возрастающих потоков «варваров» в лице иммигрантов из различных регионов земного шара. Это, как говорится, горизонтальное вторжение варваров, что является продолжением в новых формах и новых условиях тенденций и процессов, характерных для прежних эпох, когда варвары приходили с отсталой периферии цивилизованного мира (например, применительно к Римской империи — из германских лесов и/или Азии), чтобы завоевать и поглотить этот мир.

Другими словами, в прежние эпохи окончательный удар процветавшим некогда цивилизациям наносился извне разноплеменными варварами в процессе так называемых великих и малых переселений народов. Именно в результате такого горизонтального вторжения варваров были разрушены многие мировые империи. Так, греко-римская цивилизация в силу внутреннего разложения пала под ударами варваров, вышедших из германских лесов и пришедших из далеких азиатских степей. Тогда при негласном союзе новой религиозной веры в лице христианства, ставшего в IV веке государственной религией Римской империи, и варваров, как говорится, был разрушен старый мир до основания и на его обломках создан новый, казавшийся совершенным, мир. Как бы выводя за скобки деяния христиан под руководством Отцов Церкви (они общеизвестны, здесь позволю себе назвать только одно из них: разрушение храма Сераписа и предание огню находившейся там Александрийской библиотеки), приведу общеизвестный факт, что западное чело-

вечество вступило в тысячелетнее царство так называемых тёмных веков.

В современном мире мы наблюдаем также другой, встречный вектор развития. Дело в том, что западное общество в силу целого комплекса факторов порождает всевозрастающие отряды собственных, внутренних «варваров» новой генерации, подрывающих устои господствовавшего на протяжении многих веков мироустройства.

Ф. Ницше говорил: «История всегда пишется с точки зрения победителей». В наши дни победителем выступает масса, масса всемирного масштаба, объединенная электронными средствами массовой информации, не в последнюю очередь Интернетом. Как показывает исторический опыт, реальной материальной силой, разрушающей устои цивилизации, как правило, независимо от того, кто ее взбудораживал и мобилизовал, выступала масса. С подрывом нравственных опор, на которых покоилась та или иная цивилизация, дело ее окончательного разрушения берёт на себя масса или толпа, то, что в античности называли охлосом. Масса в современном перманентно информатизирующемся мире не обязательно предполагает некоторое сборище множества людей на площади, улице, стадионе или ином открытом пространстве. Здесь массы — это множество и множество мириад индивидов, сидящих у своих компьютеров и общающихся друг с другом с помощью Интернета. Хотя такая толпа рассеяна чуть ли не по всему земному шару, она, тем не менее, не перестает быть толпой, не перестает быть реальностью. Не случайно, так называемые flash-mobs становятся важнейшими субъектами политической жизни, способными чуть ли не в одночасье радикально изменить ситуацию в регионе, стране и даже в мире. Ведь они сыграли незаменимую роль в серии так называемых революций в арабском мире.

В данном случае речь идет о глобализации масс, формировании масс ми-

рового масштаба, о появлении сначала на Западе, а теперь в условиях глобализации превращении страновых и региональных толп, характерных вплоть до последней четверти XX в. для Запада, во всемирные толпы. Другими словами, восхождение масс, начавшееся на Западе, ныне в новых формах неумолимо распространяется на весь остальной мир. Эти процессы отнюдь не ограничиваются низшими и даже средними этажами социальной иерархии. Имеет место неуклонное размывание линий разграничения между элитой и остальной массой, своего рода двустороннее движение: с одной стороны, «демократизация» верхов, суть которой состоит в заземлении, снижении порога морально-этических и духовных ценностей, принципов и установок так называемых интеллектуальной, политической, экономической и иных элит (порой называемых «цветом нации») становится неотъемлемой частью охлоса, с другой стороны, беспрецедентное повышение образовательного уровня широчайших народных масс и продвижение самого охлоса вверх по социо-культурной лестнице, приближаясь по своим установкам, потребностям, умонастроениям к «цвету нации». В этом контексте всю касту теле- и кинознаменитостей и шоу-бизнеса, нынешних «звёзд», «супер-звёзд», «гипер-» и т.д. «звезд» нельзя рассматривать иначе как неотъемлемую составляющую нового цивилизованного охлоса. Они обеспечивают идеологию охлоса, условия для его воспроизводства, расширения, респектабилизации его статуса и т.д. Создаваемую и агрессивно навязываемую ими обществу массовую культуру можно рассматривать как инструмент тотализации, универсализации и космополитизации принципа *panem et circenses*. Одним из предназначений такой культуры, рассчитанной на «человека с улицы», стало предоставление человеку массы поля, условий и возможностей «убивать время», получая при этом психологиче-

ское расслабление и наслаждение. Этот феномен особенно ярко проявляется на стадионах во время футбольных матчей, массовых концертов так называемых «звезд» эстрады, патриотических парадов, паломничества на так называемые святые места и т.д. и т.п.

Если в обществе не действуют заповеди, должны действовать законы, или же, наоборот, если не действуют законы, должны действовать заповеди. Но масса при определенных обстоятельствах может не принимать ни тех, ни других. У человека массы теряется внутренняя связь с глубинными мистическими основами бытия. Для решения своих проблем слишком часто в качестве *prima ratio* она предпочитает насилие. Как отмечал Х. Орте-га-и-Гассет, «не зря же суд Линча возник в Америке, в этом массовом раю».¹⁰ Здесь нужно сделать ту оговорку, что насилие может быть не только сугубо физическим, но также морально-этическим, информационно-пропагандистским, идеологическим и т.д. Значимость этого фактора станет очевидна, если учесть, что названные процессы и тенденции чреваты стиранием традиционных различий между дозволенным и недозволенным, допустимым и неприемлемым, нормальным и ненормальным, сакральным и профанным. Размываются линии разграничения между высоким и низким, элитарным и массовым, интеллектуальным и антиинтеллектуальным, серьезным и несерьезным, прогрессивным и ретроградным.

В этом контексте знаменательно звучат слова, вложенные в конце фильма «Ночной дозор» в уста ребенка: добро, по сути, ничем не лучше, даже хуже зла. Добро — это то же зло, только лицемерно скрывающее свою суть. При выходе в свет этого фильма один из главных инициаторов его создания Константин Эрнст так развил эту идею: «Темные — это гораздо более свободные люди, они позволяют себе быть такими, каким хочется. А Светлые более фрустрированные, у них слишком много обязательств, они чувствуют ответственность... Тем-

ные разрешили себе не иметь этих ограничений, они живут для себя, а Светлые выглядят задерганными невротиками, которые пытаются всем сделать хорошо». ¹¹ Поистине Дьявол, как говорится, коварен — он может явиться к нам просто в образе дьявола.

Новейшие формы «одинокости в толпе» порождают, в конечном счете, протест и отрицание, пафос «прав и свобод». В ажиотаже переоценки всех ценностей традиционные нравственные ценности, столь важные для западной, да и не только, цивилизации, по сути дела предлагаются выкинуть на свалку истории. Альтернатива, предлагаемая сторонниками дестабилизации, это отказ от традиционной нравственности, эгоизм, крайний индивидуализм, установка на исполнение исключительно своей собственных желаний и прихотей, отстаиваемые и воспроизводимые в рамках коллективных действий так называемых нетрадиционных меньшинств, что оборачивается голым нигилизмом.

Как показывает опыт мировых цивилизаций и империй, подобные вышеизложенные феномены, являются спутниками определенных стадий общественно-исторического развития. Касательно нынешнего положения дел в мире, возможно, наступили сумерки известного нам в течение двух с половиной столетий

мирового, который, достигнув пределов своего развития, становится достоянием истории, и мы переживаем своего рода осевое время, характеризующегося тектоническими сдвигами в бытийных основах жизни во всепланетарном масштабе, переоценкой основополагающих ценностей. Одним из предвестников наступления таких сумерек выступает появление все более агрессивно заявляющих о себе разного рода новых форм варварства. Их можно рассматривать как вышедшие наружу отголоски ранее сублимированных, табуизированных эгоистических потребностей, устремлений, грёз, фантазий людей, не желающих более подчиняться веками установленным в обществе ценностям, принципам, обычаям, традициям и т.д. Собственно, они никогда в полной мере и не исчезают из общества, а загоняются вглубь сознания или подсознания той или иной части людей при жизни самых совершенных цивилизаций. Время от времени при определенных условиях, особенно в переходные периоды, они дают о себе знать в самых причудливых формах, в том числе в виде нового варварства в недрах господствующей цивилизации.

При всем том нельзя забывать всем известный факт, что после долгого тысячелетия тёмных веков наступило Возрождение, выпестованное гением Леонардо да Винчи, Микеланджело, Боттичелли...

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Правда, Гегель утверждал, что «в действительности Анаксимандр был первым, употребившим выражение архэ, так что Фалес еще не обладал этим определением мысли; он знал архэ как начало во времени, но не как начало, лежащее в основании вещей».
- 2 Ф. Ницше. Сочинения в двух томах. Том 1. М., 1990, с. 592-593.
- 3 <http://archive.censor.net.ua/go/viewTopic--id--445519>
- 4 <http://txt.newsru.com/arch/religy/06sep2010/god.html>.
- 5 <http://www.lep.co.uk/weirdnews/I-believeGod-is-a-man.4095585.jp>
- 6 Р. Миллс. Властвующая элита. М., 1959, с. 113.
- 7 Европа разбудила лихо // <http://www.utro.ru/articles/2012/09/25/1073757.shtml>
- 8 Г. Рормозер. Кризис либерализма. <http://philosophy.ru/iphras/library/rormoz.html>.
- 9 Н. von Treitschke. Politik. Leipzig, 1897, S. 27, 19.
- 10 Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2001, с.15.
- 11 Известия, 7 апреля 2006.

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВНАЯ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

А.Н. Палчаев

политический советник

Народного Собрания Республики Дагестан,

кандидат политических наук

В статье предпринята попытка выявить и проанализировать некоторые идеологические и этно-политические составляющие системного кризиса на Северном Кавказе. Главное внимание концентрируется на обосновании тезиса о том, что в его возникновении наряду с трудностями в социальной и экономической сферах, не менее важную роль играют неприглядное положение в политической жизни, духовный кризис общества, породившие политизацию этнизма и ислама, идеологическую и вероисповедную дезориентацию населения национальных республик региона.

Ключевые слова. Системный кризис, идея, политика, политизация, этнизм, ислам, терроризм и др.

Abstract. The paper attempts to identify and analyze some ideological and ethno-political components of the systemic crisis of the North Caucasus. The main attention is focused on the justification of the thesis that it occurs along with difficulties in social and economic spheres, no less important are icky position in political life, the spiritual crisis of the society that created politicization of the ethno-nationalism and Islam, a religious and ideological disorientation of population of the national republics of the area.

Keywords. Systemic crisis, the idea of politics, politicization etnizm, Islam, terrorism, etc.

Многие политики и аналитики убеждены в том, что чуть ли не все проблемы, захлестнувшие Северный Кавказ, в том числе терроризм, организованная преступность, клановость, коррупция, будут преодолены с решением проблемы экономического роста и улучшения благосостояния народа. Так, в бытность президентом Российской Федерации, Д.А. Медведев утверждал, что террор в Дагестане сам по себе иссякнет с ростом экономики, что предоставит населению новые ориентиры и лишит боевиков социальной базы. Существует также соблазн приписать все беды северокавказских республик на почве исламского, этнического и иного радикализма и экстремизма внешним факторам или, как говорят, «мировой за кулисы».

Разумеется, в известных всей стране проблемах Северного Кавказа одну из ключевых ролей играет, прежде всего, не преодоленное до сих пор кризисное состояние экономики и социальной сферы.

Здесь вряд ли можно возразить тем исследователям и аналитикам, по мнению которых, одним из детонаторов негативных процессов в регионе послужили прямо-таки хищнический передел государственной собственности и то плачевное состояние, в котором оказались экономика и социальная сфера региона. Следует признать и тот факт, что ряд проблем, не в последнюю очередь, терроризм на Северном Кавказе представляет собой часть международной террористической угрозы.

Признавая обоснованность этих тезисов, важно осознать, что причины, лежащие в основе конфликтогенности, социальной и политической нестабильности, терроризма и организованной преступности, которыми характеризуется регион в целом, значительно сложнее и многообразнее. Что касается бедности, то ее на Северном Кавказе несколько не больше, чем в большинстве остальных регионов страны. Есть также множество стран, где неимущих на порядок больше,

чем на Северном Кавказе, но нет терроризма и высокой конфликтности.

Эти факты свидетельствуют о том, что, помимо сугубо экономических, в основе конфликтности региона лежит целый ряд других, не менее важных, факторов, в совокупности породивших системный кризис. Речь идет, прежде всего, об идейно-политическом, духовном кризисе, поразившем всю мировоззренческую, вероисповедную, социо-культурную, политико-культурную, идеологическую сферы. Можно сказать, что с распадом СССР и дискредитацией коммунистического идеала строительства совершенного бесклассового общества широкие народные массы как бы потеряли идейно-политические, мировоззренческие, нравственные ориентиры. В поисках таких ориентиров одни обратились к Западу, где были заимствованы порой превратно понятые ценности, идеи, принципы либерализма или иных секулярных течений общественной мысли, другие стали отдавать предпочтение разного рода радикальным течениям общественно-политической мысли левого и правого толка, этнизма, этнического национализма вплоть до неонацизма и черносотенства; третьи потянулись к церквям, костелам, мечетям, синагогам и т.д.

Для Северного Кавказа в силу комплекса факторов характерна повышенная, по сравнению с другими типами социальной идентификации, значимость этнической самоидентификации народов. Здесь ключевым фактором, влияющим на уровень конфликтности, служит преобладание этно-национальных установок у главных социальных и политических акторов, например, интеллигенции, бюрократии, духовенства. Все эти составляющие в совокупности оказывают более или менее существенное влияние на природу политических режимов, в которых следует искать корни сложившегося положения вещей в национальных республиках.

Как представляется, экономические проблемы так или иначе можно решить, что не скажешь о проблемах духовного, морально-нравственного разлада в обществе, его ценностно-мировоззренческого раскола. Их можно считать не менее важным по своей значимости фактором, нежели сугубо экономический фактор. Впрочем, обе эти сферы теснейшим образом связаны между собой и подпитывают и дополняют друг друга. Как не без оснований отмечал И. Бойков, именно этот раскол «предопределяет ту степень фанатичной ненависти боевиков, которая заставляет их по доброй воле становиться шахидами и в предсмертных видеороликах выражать радость от того обстоятельства, что в результате их диверсий вместе с ними лишатся жизни десятки «каферов и муртадов». Это уже не просто ненависть к системе действующей власти и правоохранительным органам республики. Подобное чувство имеет гораздо более глубокие корни. Это, в первую очередь, ненависть ко всему укладу современной дагестанской, да и российской жизни во всём её всеобъемлющем многообразии, носящая не просто религиозный, но, я бы даже сказал, иррационально-экзистенциальный характер».¹

Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что ряды боевиков пополняют не только выходцы из люмпенизированных, задавленных нуждой слоев населения, изгои, но нередко лица, достигшие определенного, вполне достойного места в обществе, такие, например, как предприниматель Расул Макашарипов, выпускник МГИМО Абузар Мантаев или футболист каспийского «Дагдизеля» Рихман Зиядов и др., а также выходцы из вполне обеспеченных семей, даже сыновья чиновников разного ранга.² В этом контексте можно предположить, что определенная часть тех, которые идут в «лес», или смотрят туда, в том числе часть шахидов, можно рассматривать как лиц, готовых идти на самопожертво-

вание ради религиозной или иной идеи. Как верно отметил один автор, конфликт в регионе «в глубинной основе носит мировоззренческий (религиозный) характер. Уроки истории показывают, что идею нельзя перебороть армией, полицией, физической и прочей силой, победа в таком противостоянии возможна лишь при формировании другой конкурентоспособной идеологии. Но на это пока ни местная, ни федеральная власть не способны».³

Поэтому, если концентрировать внимание исключительно или в первую очередь на социально-экономической сфере, при этом обращая внимание на духовное состояние общества по остаточному принципу, все попытки и меры, в том числе и силовые, не могут достичь успеха, пока не будут преодолены эти корневые составляющие системного кризиса в регионе.

Суть вопроса состоит в дефиците легитимности правящих элит, которые не имеют сколько-нибудь прочной социальной базы и зачастую опираются на клановые, корпоративные, клиентелистские группы, которые создаются большей частью на этнической основе. В значительной степени власть многих из них базируется скорее на административном и хозяйственном ресурсе, нежели на необходимой поддержке избирателей. Об этом свидетельствует весьма низкий уровень доверия народа к властям республиканского и муниципального уровней. Более того, без преувеличения можно утверждать, что социальные низы, чувствующие себя обделенными и отверженными, негативно и даже враждебно относятся к так называемой экономической и политической «элите».

Такое положение усугубляется также такими феноменами как политизация этнизма и «этнополитическая иерархизация, основанная на выдуманной автохтонности или неавтохтонности, титульности и нетитульности, исторических и иных правах того или иного этноса».

В СССР такая иерархизация, по мнению К.С. Гаджиева, получила легитимацию «через статусную иерархию национальных образований, и, во-вторых, через административно-территориальную иерархию. Как правило, численно доминирующие коренные этносы становились титульными, их самоназвание использовалось для названия соответствующего государственного образования». В условиях, сложившихся после распада СССР, «титульность обеспечивает этим этносам большинство политического представительства в законодательных и исполнительных органах власти республик, что, в свою очередь, дает им возможность решать те или иные проблемы в собственных интересах. В результате в республиках Северного Кавказа сформировались элитные группы, главным образом на этнической основе: осетинские в Осетии, аварские, даргинские и кумыкские в Дагестане, карачаевские в Карачаево-Черкесии, кабардинские в Кабардино-Балкарии и т.д. Новые элитные группы фактически монополизировали властные рычаги для обеспечения приоритета собственных экономических и политических интересов».⁴

Поэтому неудивительно, что противоречия и конфликты во всех важнейших сферах общественной жизни, прежде всего, в экономике и политике приобретают этническую окраску. К примеру, в Республике Дагестан, начиная с 30-х годов прошлого века, то есть уже в советский период во властной системе сложился своеобразный тандем представителей двух этносов — аварцев и даргинцев, к которым время от времени подключаются представители кумыкского народа. В результате смена власти в республике сводится лишь к периодическим рокировкам ключевых фигур на должностях президента, председателя правительства и председателя Народного Собрания из среды представителей этих трех этносов на политической шахматной доске республики по принципу

«аварец — даргинец», легитимировав тем самым этнократическую природу режима. В тех или иных формах и масштабах это явление характерно и для других национальных республик, даже тех, где так называемый «титульный» этнос составляет меньшинство (что особенно отчетливо проявляется в Республике Адыгея, где численность русских почти в четыре раза превышает численность «титульной» народности).

Особо важное значение с рассматриваемой точки зрения имеет тот факт, что в течение многих столетий регион являлся ареной межплеменных, межклановых и межэтнических противоречий, конфликтов и войн. К настоящему моменту большинство народов Северного Кавказа проживает в пределах соответствующих государственных образований. Но ни один из национальных субъектов Российской Федерации не является мононациональным. Эта ситуация стала ещё более сложной с ростом миграционных процессов, связанных с распадом СССР. В результате явной и латентной миграции и эмиграции имеет место деформация демографической карты Северного Кавказа, а также изменения демографического баланса в определенных «точках» региона из-за кровопролитных конфликтов. Всё это свидетельствует о том, что Кавказ в целом и Северный Кавказ, в частности, представляет собой регион, который характеризуется весьма сложным переплетением множества факторов, затрудняющих критерии определения сколько-нибудь четко фиксированных границ расселения конкретной этно-национальной общности.

Тем не менее, при подборе кадров в структуры государственной власти особенно высшего звена, критерию этнической или кланово-клиентелистской принадлежности придается приоритет перед профессионализмом. Поэтому приходится в чем то согласиться с журналистом З. Газиевым, который не без ехидства, но со значительной долей

правды оценивая когорту дагестанских чиновников, задается вопросом: «Есть подозрения, что какая-то заметная часть из них способна на продуктивные действия?». И предлагает на этот вопрос следующий ответ: «Очень сомневаюсь — таких очень и очень немного. Более того, сама система таких людей, если чудом и пропускает в свои ряды, то потом уже жестко ломает под себя. Дагестанская структура власти ещё с обкомовских времён — это особый уклад, ментальность и даже ритуал. Каждый руководитель передаёт эту компанию сановников, как гарем, из рук в руки. Войти в эту закрытую касту трудно потому, что нужно обладать вполне определённым набором качеств. Собираетелный образ высокого чиновника? Он гордо несёт корону какого-нибудь высокого сановника..., регулярно откатывает в Москву».⁵ Здесь считаю уместным добавить от себя: регулярно откатывает вышестоящим чиновникам республиканского и федерального уровней.

Такая ротация, осуществляемая по принципам признания равных и более равных, рокировки одних и тех же лиц или политических группировок, не решает и не может решить ключевые проблемы и преодолеть системный кризис Северного Кавказа. Как показал опыт уже произведенной в последние годы ротации глав субъектов и правительств национальных республик, в лучшем случае меняются те или иные нюансы в политическом курсе, но не стратегические направления, в то время как требуются кардинальные системные реформы, менять нужно всё с самого основания.

Здесь определяющую роль играют воля и желание Кремля кардинально изменить ситуацию. Но с сожалением приходится признать тот факт, что региональные власти по сути дела научились шантажировать федеральный центр. Кремль, в свою очередь, откупается от них трансфертами, которые отнюдь не служат делу развития экономики, а

оседают в карманах высших чиновников. По сути дела для них федеральные трансферты стали весьма доходными кормушками. Поэтому следует весьма неоднозначно относиться к рассуждениям тех сердобольных русских этно-националистов, которые утверждают, что Россия кормит Северный Кавказ. В действительности Россия, если кого-то в регионе и кормит, то не народ, а весьма узкую группу крышуемых из Москвы чиновников. В этом вопросе нельзя не согласиться с теми аналитиками, которые пытаются обосновать необходимость отмены самого института федеральных дотаций национальным республикам региона, при одновременном повышении зарплат бюджетникам и пенсий старикам, что более эффективно сказалось бы как на экономике, так и на социальной сфере соответствующих республик. В этом контексте уместно напомнить, что именно благодаря политике властей Дагестан, который до начала 1990-х годов числился в числе регионов-доноров, превратился в один из наиболее депрессивных субъектов Российской Федерации.

Своего рода раковой опухолью, разрушающий общественный организм как бы изнутри, подрывающий его морально-нравственную составляющую, стала пронизывающая сверху вниз и снизу вверх коррупция. Ею насквозь поражены правоохранительные органы, система образования, средства массовой информации и другие сферы общественно-политической жизни, структуры власти, которые зачастую в тех или иных формах смыкаются с организованными преступными группами. Комментируя такое положение, председатель Дагестанского отделения Антикоррупционного комитета Северного Кавказа С. Умаров не без оснований пришел к выводу, что «ситуация, сложившаяся в регионе, является прямым следствием модели обеспечения лояльности северокавказских элит, сформированной

федеральным центром еще в начале 90-х годов прошлого века. Лояльность и нейтрализация сепаратизма для руководства национальных республик, как правило, являются гарантией отсутствия какого-либо контроля над расходованием бюджетных средств и политикой проводимой в республиках. В свою очередь, безнаказанность чиновников во взаимоотношениях с федеральным центром доводит коррупцию на местном уровне до абсурдных масштабов... Так называемая «торговля должностями» приобрела такие масштабы, что каждый второй чиновник или сотрудник силовых структур должен в первую очередь думать о том, как «отбить» деньги, заплаченные за должность».⁶

Это, естественно, создает почву для недовольства национальных меньшинств, которое нередко порождает напряженность и разного рода конфликты в обществе. Эти конфликты приобретают опасный для общества экстремистский характер, если государство проявляет неспособность выполнить такие ключевые задачи, как создание условий для достижения материального благосостояния общества, обеспечение политической стабильности и безопасности, согласия между различными этно-национальными общностями и др.

В данной связи нельзя упускать из виду тот факт, что в обществах кавказского типа существует особое отношение к власти. Носители государственной власти воспринимаются не как главенствующая сила, а как одна из группировок, участвующих в борьбе интересов. Причем в глазах людей она может не иметь никаких преимуществ легитимности. Для кланов, местных элит, традиционно характерно приращение большего значения личности лидера, которому они подчиняются, нежели «государству», «нации». В результате прочность власти зависит от образа ее обладателя и популярности провозглашенных им целей.

Националистически ориентированные политики и идеологи умело используют взрывоопасную этно-национальную энергию там, где сильны этно-центристские традиции, которые политизируются и мобилизуются в собственных интересах. При этом важно отметить, что приверженность национальной культуре, традициям и т.д. сама по себе политически нейтральна и не обладает изначально заданной политической направленностью. Именно политизированная этничность несет в себе угрозу общественным институтам, государственному единству и территориальной целостности.

Во многом этим объясняется тот факт, что за годы контртеррористической операции в Ингушетии, Дагестане, Кабардино-Балкарии относительная стабильность сменилась активизацией террористических групп, усилением вооруженного подполья. Согласно имеющимся данным, заявления представителей силовых ведомств России о том, будто на территории этих республик действуют боевики, вытесненные из Чечни, не всегда соответствуют действительности. Дело в том, что подавляющее большинство как убитых в этих республиках боевиков, так и людей, арестованных здесь по обвинению в участии в незаконных вооруженных формированиях, являются местными жителями. Для правильного понимания реального положения дел в регионе следует учесть и тот факт, что значительная часть конфликтов находится в скрытом или «замороженном» состоянии. Как отмечали специалисты еще в 2005 году, на Северном Кавказе, сохраняется «большое количество территорий, представляющих собой потенциальные очаги конфликтов, содержащих скрытую и открытую напряженность в отношениях между этническими общностями, открыто высказываемые претензии или предварительное нечетко артикулированное недовольство. В этих условиях типичными становятся случаи,

когда любой изначально тривиальный бытовой конфликт быстро перерастает в межнациональное противостояние с десятками, иногда сотнями активных участников, угрозой или фактическим применением насилия».⁷ В последующие годы эта ситуация не только не изменилась в лучшую сторону, но и заметно обострилась. Положение дел усугубляется также тем, что определенная часть населения рассматривает борьбу с терроризмом и организованной преступностью как некие разборки между властными и мафиозными группировками.

Политизация институтов и установок традиционного ислама, их тесная связь с этнополитическими группировками и элитами, сделавших крен в сторону роста властных вожделий и личного обогащения, стали одним из существенных факторов внутрирелигиозного противостояния и обострения общественно-политической ситуации. Именно это выталкивает часть населения, несогласную с существующей властной системой, в объятия различных версий «нетрадиционного» ислама, большей частью ваххабизма.

Популярность и притягательность ваххабитских проповедников определяются тем фактом, что они активно и умело критиковали и продолжают критиковать все негативные явления в регионе, используют в своих целях идеи братства и социальной справедливости, заложенные в исламе. С точки зрения овладения мобилизационной идеологией они заметно превосходят служителей различных тарикатов традиционного ислама, при этом получая солидные суммы от ряда мусульманских государств, а также разного рода международных исламистских организаций. Определенную часть оппозиционно настроенной молодежи привлекают простота, доступность идей альтернативной модели социальной организации в виде мини-общин, воплощающих идеи братства, равенства и справедливости, здоровый образ и т.д.

Немаловажную роль играет также тот факт, что традиционный ислам, который воспринимается как официальный, оказался расколотым по национальному признаку и втянутым в межэтнические противоречия и конфликты.

Естественно, все это самым пагубным образом сказывается на экономической и социальной сферах региона. Дело в том, что попытки разработки и реализации тех или иных промышленных, логистических, туристических, сельскохозяйственных проектов оказываются неосуществимыми в результате бесконечных споров, например, между субъектами экономической деятельности, главами муниципалитетов, группами бизнесменов, собственниками земель и т.д. Тесно переплетающиеся друг с другом кланы и группировки так называемых элит с этническим уклоном фактически способны блокировать все сколько-нибудь перспективные проекты и начинания, пилить бюджет или использовать выделенные на их реализацию бюджетные средства в своих эгоистических интересах.

К примеру, большие надежды возлагались на круглый стол по проблемам Кавказа, организованный в мае 2010 года Э. Памфиловой при участии президента Д. Медведева, полпреда А. Хлопонина и В. Суркова. Был выдвинут целый комплекс идей создания Общекавказского гражданского форума, Общественного Сове-

та СКФО, общекавказского общественного телевидения, поддержка медийных и интернет-проектов и др. Особо важное значение придавалось проектам экономического развития от агрохолдингов до автомобильных заводов и туризма. Не остались без внимания вопросы адаптации террористов к мирной жизни. Осенью того же года разработана стратегия развития Северо-Кавказского федерального округа, которая предусматривает довести к 2025 году ежегодные темпы роста валового регионального продукта в округе до 7,7%, создать 400 тысяч новых рабочих мест и т.д.

Однако к настоящему времени большая часть этих и подобных им проектов оказались лишь благими пожеланиями, оставшимися на бумаге или в компьютерном тексте. Широко рекламируемые проекты развития сферы туризма и отдыха пока что не стали своего рода локомотивом развития северокавказской экономики в силу того, что все эти проекты «ложились как бы поверх ландшафта, без учета политической и институциональной ситуации на местах».⁸ Другими словами, несмотря на определенные успехи, достигнутые в экономике и социальной сфере с приходом А.Хлопонина, на настоящий момент было бы преждевременно говорить о каком бы то ни было заметном сдвиге в ключевых сферах общественной жизни Северного Кавказа. Здесь можно присоединиться к известному журналисту и общественному деятелю М. Шевченко, который испытывает «своего рода разочарование после первоначальных надежд на изменение ситуации в регионе к лучшему», на то, что все переменится и «появится системный, стратегический подход к пониманию внутренней природы конфликтов, раздирающих регион».⁹ В результате у народов Северного Кавказа образовался своего рода синдром обманутых надежд. Как отмечал журналист А. Алисултанов, «от выборов к выборам зачастую кровавая политическая борьба между проти-

воборствующими кланами совершенно отвратила большую часть дагестанского общества от самих выборов. И сегодня, несмотря на высокие явочные показатели, большинство жителей республики либо не голосует вовсе, либо делает «свой» выбор под колоссальным давлением административного ресурса, а также под давлением полукриминальных, «околокандидатских» группировок».¹⁰

Все это говорит в пользу того, что перед народами Северного Кавказа в ка-

честве императивной стоит задача комплексного решения этно-политических, духовно-нравственных, идеологических проблем, проблем обеспечения безопасности граждан, социальной и политической стабильности и т.д. с использованием синергетических принципов, средств и методов. Как представляется, именно такой подход может обеспечить успешную разработку и реализацию стратегических проектов экономического и социального развития региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 И. Бойков. Духовно-ценностная дезинтеграция // Свободная республика, 29 октября 2010.
- 2 Там же.
- 3 О первых шагах Рамазана Абдулатипова // Новое дело, 8 февраля 2013.
- 4 К.С. Гаджиев. О природе политических режимов национальных республик Северного Кавказа // Мир и политика, 2011, с.11-12.
- 5 З. Газиев. Свободная республика, 1 октября 2010.
- 6 С. Умаров. Истоки коррупции на Северном Кавказе // [http: sadaev.ru/](http://sadaev.ru/).
- 7 Авксентьев В.А., Шаповалов В.А. Стабилизация этносоциальных и этнополитических отношений на Северном Кавказе как условие устойчивого развития региона // Вестник отдела социально-политических проблем Кавказа ЮНЦ РАН. — Ставрополь, 2005. Вып. 1, с.11.
- 8 Д. Соколов: «Курорты Северного Кавказа» без кота в сапогах. 15.02.2013.
- 9 М. Шевченко. Почему охватывает отчаяние // Новое дело, 25 января 2013.
- 10 А. Алисултанов. ФОА — Федеральное Оружие Абдулатипова // Настоящее время, 8 февраля 2013.

СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИКА

РУСОФОБИЯ В ГЕОПОЛИТИКЕ: ФАНТОМЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

М.А. Неймарк

*профессор кафедры политологии и политической философии
Дипломатической академии МИД России,
доктор исторических наук*

В статье рассматриваются геополитические особенности современной русофобии и те факторы, которые определяют ее место в мировой политике, рассказывается имиджевый ущерб, нанесенный России.

Ключевые слова: Россия, русофобия, геополитика, международные отношения, конкурентное соперничество, государственные интересы.

«Правда настолько драгоценна,
что её должен сопровождать эскорт лжи».
Уинстон Черчилль

Новые вызовы XXI века входят в противоречие с привычным толкованием многих понятий и явлений мировой политики, не исключая, разумеется, и тех, которые имеют прямое или опосредованное отношение к русофобии. Её линейное понимание затушёвывает изменения в мировой политике, где одновременно развиваются процессы как взаимопритяжения, так и взаимоотталкивания, партнерства, конкурентного сотрудничества и соперничества. Это тем более важно, что глобальное международно-политическое пространство расширяется по нарастающей за счет виртуального, сетевые технологии меняют устоявшиеся представления о факторах, влияющих на мировую политику.

Русофобия в геополитике, если рассматривать семантическую цепочку уточняющих определений, это исходно враждебное, априори предвзятое, рефлекторно неприязненное, всегда болезненно-подозрительное и уничижительное отношение к нашей стране. Замыкают цепочку редкие, но никак не

исчезающие случаи своего рода «галлюцинаторной» антироссийской рефлексии. Современная русофобия многослойна и многолика. Но главный ее вектор — геополитический, то есть по сути она представляет собой антитезу геополитической значимости России. Что, несомненно, означает: русофобия — никак не переоцениваемый актор и фактор мировой политики, оказывающая на нее жестко деформирующее воздействие.

В ходе последней предвыборной гонки за американское президентство Митт Ромни, выступая в различных аудиториях, только в течение одного месяца многократно называл Россию геополитическим врагом США. И коль скоро этот программно-стратегический тезис рассматривался им в качестве козырной внешнеполитической карты, наряду, разумеется, с другими, то, надо полагать, он учитывал умонастроения значительной части населения страны. Более того, в горячих, отнюдь не обывательских головах на Западе, повернутых в сторону необъятной России, уже гуляют идеи

«мягкого» геополитического рейдерства в отношении тех ее регионов, где природные ископаемые измеряются мировыми масштабами.

Но, так уже ли полностью расшифрован и всесторонне осмыслен геном русофобии в современной геополитике? Ведь это огромный проблемный блок, в котором исторически наслоилося для нашего восприятия столько эмоционально-болезненного, остро раздражающего, неприемлемого на взгляд и на слух: слишком много указательных пальцев на Западе обращены к России. Отдаю себе отчет, сколь дискусионен и, не исключаю, уязвим предлагаемый текст с оценочных позиций приверженцев различных подходов к этому феномену в свете исключительной внешне — и внутриполитической остроты и актуальности проблематики. Её практико-политическое значение столь очевидно, что все её обывательские и, увы, не только, конспирологические версии и интерпретации, здесь, конечно же, не рассматриваются.

В длительный период, отмеченный жестко-структурированной геополитической формулой «Два мира — две системы», с обеих сторон господствовала агрессивно-наступательная диалектика «отрицание отрицания». До распада СССР американская стратегическая претензия на организацию по собственному усмотрению вселенского миропорядка по масштабам была соразмерна советской устремленности к продвижению коммунистических идей и их реализации во всем мире. Антироссийская риторика по эмоциональному накалу была во многом тождественной антиамериканской. Биполярная мирополитическая система с неизбежностью зеркально воспроизводила эффект взаимного отторжения, предвзятости и подозрительности — всего того, что собственно и формировало основу русофобии и ответную реакцию на неё. Технологии использовали разные, но, бывало, они

совпадали, что вполне соответствовало особенностям тогдашней биполярности.

Оставим в стороне привычные ссылки на напряженность ситуации вокруг Фултонской речи У. Черчилля 1946 г. и «речи страха» П.-А. Спаака в 1948 г., сошлемся на малоизвестный факт «холодной войны», когда в самом ее разгаре, в середине 50-х гг., президенту США Эйзенхауэру был представлен совершенно секретный доклад, который заканчивался поразительно откровенным выводом: «Мы должны научиться подрывной деятельности, диверсиям и уничтожению наших противников методами более искусными, более изощренными и более эффективными, чем те, что они применяют против нас. Вероятно, возникнет необходимость ознакомить американский народ с этой по существу *глубоко омерзительной философией* (выделено мною — М.Н.) и заручиться его пониманием и поддержкой»¹). В условиях однополярного мира после распада СССР прежняя линейно-компенсаторная диалектика противостояния утратила многие связующие узлы. Нынешняя ситуация усложняется новыми перекрестными стратегическими партнерствами — как реальными, так и декларируемыми. Соответственно по-новому расставляются акценты в мировой политике — конкурентное соперничество становится более комбинационным, тактические цели и задачи русофобии вынужденно осовремениваются, адаптируясь к изменившейся обстановке: после тяжелейших 90-х годов Россия стала другой страной. В новых условиях многие прежние особенности русофобии смазываются, США и Запад в целом не могут не учитывать возросшую геополитическую роль России и тех влиятельных государств и международных объединений, чьи интересы так или иначе «завязаны» на долгосрочных отношениях с ней.

Но антироссийские волны продолжают накатывать на нашу страну с регулярностью приливов; отливы же, в отличие

от природной заданности, задерживаются зачастую надолго. Сегодня русофобские проявления варьируются в самом широком диапазоне — от примитивно-вульгарных до комбинационно-утонченных, выраженных не совсем явно, опосредованно.

В целом же русофобия в геополитике — феномен системный: ценностный, мировоззренческий, политический, экономический, социокультурный. Конечно, современная русофобия разнится в немалой степени с прежней, времен холодной войны, но и в нынешнем виде она не есть нечто застывшее, всегда «равная самой себе», претерпевая определенную эволюцию, по-своему приспособляясь к беспрецедентной динамике современного мира. Ее адаптационные способности воспроизводит собственная структура, опору которой — достаточно стабильную — можно представить в виде относительно самостоятельного «ядра», формировавшегося в течении длительного времени. Помимо первичного «ядра», в ней имеется ряд вторичных напластований. При тех или иных изменениях в этой структуре, а ее зыбкость как раз и является предпосылкой ее «ртутной» подвижности, в основном сдвигаются внешние пласты, хотя затрагиваются и пласты более глубокие. При этом возникает иллюзия существенных сдвигов в восприятии России Западом; в действительности же ее основание остается на месте, само «ядро» претерпевает изменения лишь в тех пределах, которые не «размывают» его качественной определенности. Исторически и теоретически обоснованным представляется вывод о том, что «негативистская презумпция восприятия России входит в так называемый «геополитический код» Запада, представляя устойчивый социокультурный и ментальный стереотип... Россия нужна Западу именно как негативный alter ego, служа в этом качестве критически важным условием гомоген-

ности и идентичности Запада, его конституирующим Другим»².

Гибкое сочленение указанных компонентов — «ядра» и «пластов» — открывает перед теми, кто реально формирует общественное мнение Запада и его отношение к нашей стране, широкий политико-идеологический и пропагандистский простор. По сути используется вполне унифицированный механизм, его отладка и доводка осуществляются с учетом национальных условий отдельных стран Запада. В «конфликтном поле исторической intersубъективности» (по Сартру) корневая система русофобии, которая упорядоченно сопряжена с системой давно усвоенных предрасположенностей, получает постоянную подпитку. И. Семененко точно подметила, что «сами механизмы постижения неведомого через известное и узнаваемое работает на воспроизведение банальностей»³, то есть стереотипных мифов, штампов и представлений о России. Ведь «клиповое» сознание не воспринимает объемную противоречивость явлений в их целостной совокупности. Массовое сознание испытывает на себе повседневное воздействие различных антироссийских идеологий, мировоззренческих и политико-пропагандистских формул, задающих тональность отношения к нашей стране. Поэтому системная русофобия отнюдь не исчезает. Антироссийский акцент становится все более заметным на Западе. Частично получаемые от западных СМИ вторичные знания о России неизбежно меняют угол её восприятия, нередко оценки и представления базируются на устаревших понятиях: многие все еще не привыкли к мысли, что имеют дело не с СССР, а с новой страной в ином историческом контексте. Для обывательски ориентированных людей, привычно замкнутых на своих собственных делах и проявляющих отстраненный интерес к событиям в мире, восприятие происходящих в нашей стране процессов в целом остается

размыто-безликим. В немалом сегменте общественного мнения — радикальных умонастроений — преобладает предвзятый, жестко-критический подход к России, форсированный акцент на негативе.

В последнее время в целом все более заметными становятся односторонне-негативные оценки, упрощения и искажения ее истории и нынешнего состояния, в основе которых лежат как новые, так и опять же старые обвинения и упреки. Прослеживается цепная реакция давних стереотипов и конфронтационной логики: нарушение демократии и прав человека — авторитарная деспотия — ретросоветский милитаризм, милитаристская экспансия Москвы, покушающаяся на свободы западного мира. Бывший канцлер Германии Г. Шредер в своих мемуарах так язвительно охарактеризовал позицию западных политических кругов по отношению к нашей стране: «Мы должны преодолеть весьма распространённое представления о России как медведе, который якобы только и ждет, чтобы кого-то съесть. В действительности все ровно наоборот: в России растет осознание того, что реально выполнить свою роль мировой державы наравне с США она сможет лишь в том случае, если одновременно найдет путь к мировому партнерству с Европой. То же относится и к Европе».⁴

Абсурдно отрицать трагические страницы истории нашей страны и те негативные тенденции и процессы, которые болезненно сказываются на ее современном развитии, но не менее абсурдно возводить в абсолютный позитив все, что касается Запада. Несколько разнесенных по времени фактов. В 1925 году в США состоялся так называемый обезьяний процесс, в центре которого оказался школьный учитель, нарушивший запрет на преподавание теории Дарвина. В 50-х годах в тех же США — антикоммунистическая «охота за ведьмами», от которой пострадало большое количество американцев, включая даже известнейших

деятели Голливуда. В Федеративной Республике Германия в 1972 году было принято «постановление о радикальных элементах», которое легло в основу практики «запретов на профессию». Это постановление позволило властям: отстранять неудобных граждан от работы с последующим увольнением со службы в государственных учреждениях; отказывать в восстановлении на государственной службе несмотря на наличие необходимого образования, профессиональных способностей и стажа работы; не давать возможностей получить профессиональное образование («запрет на образование»); прямо отказывать в приеме на работу, даже если претендент отвечал всем требованиям. К середине 80-х годов 3,5 миллиона граждан ФРГ подверглись проверке на «политическую благонадежность» в результате которой 10 тыс. человек были уволены или оказались под угрозой увольнения.

И, наконец, 2013 г: глобальное нарушение прав человека, ставшее известным в результате скандального разоблачения экс-сотрудником американских спецслужб Эдвардом Сноуденом международно-сетевой прослушки ими не только американцев, но и населения, включая официальных лиц, даже тех государств, которые считаются стратегическими партнерами США. Дело дошло до того, что власти Германии были вынуждены пойти на разрыв секретных соглашений с Вашингтоном 1968-1969 гг., регулирующих свободу действий американских спецслужб на ее территории.

Важным фактором, способствующим распространению на Западе антироссийских настроений, стал синдром настороженности и подозрительности в отношении к России в сфере экономики. В изменившихся геополитических условиях вполне отчетливо обозначились признаки политики, культивирующей страх перед российским бизнесом, которую зачастую ошибочно, с нашей точки зрения, называют экономическом русо-

фобией. Новизна ситуации лишь в том, что противодействие России выводится на уровень официальной позиции Запада.

В ряде стран созданы специальные контрольные органы, перед которыми поставлена задача ограничивать инвестиции из-за рубежа, прежде всего из России, воспрепятствовать крупным российским компаниям в приобретении стратегически важных предприятий. Медийная волна вокруг «экономической экспансии русских» создает нездоровый международный антироссийский ажиотаж. Хотя, надо признать, процесс взаимного проникновения бизнеса изрядно политизирован.

И все же было бы недальновидным упрощением сводить жесткое конкурентное соперничество в мировом экономическом пространстве, отстаивание национально-государственных интересов западных стран к экономической русофобии. А правомерно ли считать таковой реакцию западного бизнеса на коррупционный охват российской экономики, теряющей из-за этого ежегодно не менее 10% ВВП страны?

Отдельная тема — восприятие финансовых тяжеловесов русского зарубежья. Здесь есть солидная бизнес-элита, адекватно воспринимаемая в политических, деловых и общественных кругах Запада. Но немало и тех, чьи имена стали нарицательными. Их поведение вызывает глухое раздражение местного населения, постоянно подогреваемого шумными публикациями в западных СМИ с нелестными оценками их вызывающего образа жизни, скандального пребывания на альпийских горных курортах или на французской Ривьере, получившей в их «тусовочном» окружении снобистское и одновременно купеческое название «Русская Лазурка». Экстравагантная бравада отдельных постсоветских «русичей из майямичей», вульгарное понимание понятий престижа и богатства, подпитываемые разухабистой ажиотажем

ностью их гламурного сопровождения, оборачивается серьезными репутационными издержками для России.

Русофобские настроения провоцирует пребывание в зарубежных странах людей с криминальным флером, авторитетов уголовного мира со всего постсоветского пространства, обобщенно отождествляемых местным общественным мнением с русскими. Отсюда широко распространенное на Западе представление о России как об инфернально-бандитском государстве. После распада СССР все негативное и агрессивное, что в западном общественном мнении подсознательно ассоциировалось с коммунизмом, тоталитаризмом, «советской военной угрозой», стало почти сразу модифицироваться в легко внушаемую обывателю опасность «русской мафии», неизбежность «мафиозно-коррупционного» вектора развития России. По словам далекого от политики композитора Родиона Щедрина, очень хорошо знающего европейские реалии, «если раньше европейцы всех русских считали агентами КГБ, то сейчас они всех русских считают мафиози». Сам термин «русская мафия» за рубежом не имеет ничего общего с реальностью, поскольку среди криминальных авторитетов там преобладают выходцы из постсоветских стран Закавказья, Балтии и Средней Азии.

В связи с усложнением мировой обстановки, формированием новых центров сил, усилением конкурентной борьбы за геополитические интересы отношение к России определяется все более хаотичным смешением разнопорядковых факторов и мотивов: экономических, политических, цивилизационных, мировоззренческих и др. В этих условиях, пожалуй, как никогда ранее, актуальной становится задача разграничивать русофобию и критическую оптику восприятия нашей страны. Нельзя рассматривать как русофобов всех, кто не согласен с проводимой ею внутренней и внешней политикой или выступают с крити-

ческих позиций по отношению к ней. Ведь «другой» далеко не всегда означает «враг» или «недоброжелатель», он может восприниматься и как партнер, а иногда и как объект для сравнения. «В целом же роль образа «другого» заключается в маркировании и поддержании внешних границ идентичности сообщества».⁶

Русофобия по своей природе деструктивна, критическое восприятие — альтернативно. Многообразие факторов, которые определяют их содержание и признаки, требуют дифференцированного подхода к осмыслению этих явлений. Даже «не модный» сегодня В.И. Ленин, всегда отличавшийся яростной непримиримостью к своим идеологическим и политическим противникам и оппонентам и не выбиравший выражений в их оценке — вплоть до самых уничижительных и оскорбительных, — призывал разграничивать «взгляды и прямых врагов, и прикрытых врагов, и неопределенных, и неопределенно — «сочувствующих» людей...»⁷. Конкретизируя свою мысль, он писал: «Не голое отрицание, не зряшное отрицание, не скептическое отрицание, ...нет, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием *положительного* (выделено мною М.Н.)». Собственно «диалектический момент» требует, по его словам, «указания единства», т.е. связи отрицательного с положительным, нахождения этого отрицательного в положительном».⁸ Антонио Грамши также считал «очевидным, что критическая деятельность должна всегда иметь и положительную направленность».⁹

В адекватной критике России нет базового конфронтационного начала, которое имманентно присуще русофобии. Тем, кто болезненно воспринимает любую критику извне в наш адрес, оценивая ее по инерционной привычке как злостное проявление русофобии, напомним, что критика в одном из исходных значений — искусство разбирать, судить; в другом — анализ с целью

дать оценку; в-третьем — отрицательное суждение, указание недостатков. Но нет никакого указания на противопоставление, отторжение, позиционирование в координатах «анти». Это тем более важно, что «анти» — как регулятор внешней политики — всегда упрощение. Ответная реакция на критику в адрес России не должна превращаться в антизападничество, которое чревато смещением важной оси внешней политики страны. Тем более, что зачастую антизападничество самоутверждается в патриотизме. Уместным представляется в этой связи наблюдение директора Института философии РАН А.Гусейнова о встрече в клубе «Свободное слово» с Александром Зиновьевым, который высказывал резкие суждения о России, русском народе. Ему задали вопрос: «А Вы, похоже, не очень любите русский народ?» Зиновьев с удивлением ответил: «Что? Любить русский народ? Это пусть другие любят его. А я принадлежу к нему. Это и есть нечто более высокое, чем любовь или нелюбовь. Это я сам».¹⁰

Патриотическому самосознанию отнюдь не противоречит понимание того, что рассматривать огульно со знаком «анти» все критически-нелицеприятное, что пишется, заявляется и показывается за рубежом о России, с внешнеполитической точки зрения не продуктивно. Слишком много здесь прямолинейных коннотаций с вторичными пропагандистскими задачами. Почему бы не рассматривать критику в наш адрес в конструктивном ключе, не отвергать ее с порога, а выбирать из нее то рациональное, полезное, что отвечает национально-государственным интересам страны?

Вообще в основе критики и критического мышления лежит стремление прояснить суть проблем и явлений общественной жизни. Обыденное же сознание в западном обществе легко «проглатывает» русофобские версии и интерпретации, абстрагируясь даже от явно несуразных оценочных обобщений,

касающихся нашей страны. Плодотворность критики в том, что она служит ступеньками преодоления прежнего и накопления нового оценочного опыта, способствуя тем самым постепенному отходу от редуцированного, черно-белого восприятия России.

Конечно, надо отличать критику от критиканства — побочного продукта русофобии. Но было бы политически более рационально противопоставлять рефлекторно-спонтанному отторжению любой критики продуманную, стратегически эшелонированную систему адекватных действий, а не мелких ответов на мелкие укусы и уколы извне, которым неоправданно придается чрезмерное значение. В последнее время здесь, похоже, происходят позитивные сдвиги, о чем наглядно свидетельствует, например, тот факт, что руководство страны красноречиво проигнорировало по меньшей мере бестактное, растиражированное по всему миру заявление премьер-министра Канады Стивена Харпера в июне 2013 года накануне саммита G8 в Белфасте, который пренебрежительно охарактеризовал геополитический статус России: «Скажем прямо — это «Большая семерка плюс один. Не думаю, что мы должны обманывать себя».

Противодействие внешней русофобии существенно ослабляют «цветы зла» российской действительности, реальные болевые точки нашей жизни. Главным противовесом русофобии, мегарегулятором противодействия ей может быть только инновационное саморазвитие страны, ее реально значимый геополитический статус, способность адекватно реагировать на новые угрозы и вызовы современности. Пока же есть немало внутренних факторов, которые объективно ослабляют и даже минимизируют в отнюдь не единичных случаях потенциал противодействия антиросийской глобализации. Прежде всего необходимо учитывать то, что Россия пока еще не преодолела кризис адап-

тации к кардинально изменившимся условиям, мгновенной — по историческим меркам — смене геополитической парадигмы. Отсюда великое множество проблем как внешнеполитических, так и внутренних. В сложившейся ситуации в стране с неизбежностью сталкиваются социально-психологические противоположности — мания величия и комплекс неполноценности. В их взрывчатой смеси получают развитие тенденции глобализации негатива по отношению к собственной стране. Так, судя по опросам общественного мнения, проведенного в 2013 году специалистами Института социологии РАН в 20 областях и двух мегаполисах, за «возвращение России статуса великой державы» высказались только 27% респондентов. Весьма показательными оказались и результаты социологического опроса, проведенного Левада-Центром в январе 2011 г. по репрезентативной выборке 1600 россиян в 130 населенных пунктах 45 регионов нашей страны (статистическая погрешность не выше 3,4%). На вопрос «есть ли враги у нашего народа, нашей страны?» 28% опрошенных ответили: «самые опасные наши враги — скрытые, внутренние», а 19%: «зачем искать врагов, когда корень зла — в собственных ошибках». Другие социологические опросы показывают, что значительная часть населения страны строит свои оценки на ожидании одобрения со стороны внешнего мира. Это, по мнению экспертов, своеобразная форма комплекса неполноценности вечно догоняющей страны, ищущей одобрения извне. Между тем издержки традиционного нигилизма в отношении собственной страны со всей очевидностью проявляются в самых различных социальных и профессиональных средах. Уничижительное отношение к своей стране, ставшее после распада СССР внешним обозначением смелого, но уже не опасного свободомыслия, внутренне органично сопряженное с подобострастной оглядкой на Запад, не-

замедлительно воспроизводится там с негативным мультиплицирующим эффектом.

Все больше складывается впечатление (хотел бы ошибиться), что яростная критика и обвинения в адрес либерального интеллектуального меньшинства, а точнее говоря, концептуальных миноритариев, в силу смешения, смещения и концептуального опрошения самого понятия либерализма (далеко ходить не надо, у нас под боком ЛДПР), бьют по ареалу всего «мыслящего тростника» — российской интеллигенции, причем, *независимо* от политических ориентаций и пристрастий. Можно сколь угодно негативно относиться к либеральным идеям, из принципиальных соображений отвергать их, жестко критически оценивать, например, реформы 90-х гг. — оснований для этого предостаточно. Но когда телеведущий одного из центральных каналов в газетном интервью презрительно называет своих идейных оппонентов «либеральным вороньем», посягающим на «наше сакральное пространство», когда по словам писателя, чье имя всегда на слуху, «либеральный моллюск щупальцы распустил», не является ли это оборотной стороной опасно для страны явления, которое способствует мировоззренческому разобщению и расслоению нашего общества, социально-политическим размежеваниям в нем? При отсутствии объединяющей национальной идеи все это объективно ослабляет нашу страну и ее позиции в мире. Впрочем, если не лукавить: так уж ли к сегодняшнему дню недолгая по историческим меркам трансформация нашего общества успела коренным образом изменить мыслительную логику тех, кто, по образному выражению Ю. Тынянова, привык говорить «вчерашним голосом», проникновенно убеждая при этом окружающих и, быть может, в еще большей степени самих себя, будто ценностный переворот в глубинах их собственного «Я», связанный с утверж-

дением нового, постсоветского политического мышления, завершился до того, как у остальных начался?

Опыт западных демократий наглядно показывает, что конкурентное соперничество, борьба различных течений в рамках устоявшейся партийно-политической системы давно стали привычной универсальной нормой политики. Аналитическому сопоставлению западного опыта с российским посвящена редакционная статья «Независимой газеты», которая в обобщенном виде фиксирует его особенности: «Российская политическая культура до сих пор не адаптировала эту норму, предполагающую, что противоположности не уничтожают друг друга, а вместе, в постоянном споре синтезируют общее. В русской культуре, в свою очередь, нормой всегда было подавление оппонировавшей точки зрения».¹¹ Причин тому немало. Сказывается, в частности, своего рода советско-вертикальный тип политической культуры, конформистская привычка следовать указаниям сверху, иными словами «обслуживать» политику, пропаганду, ставившую под предлогом защиты чистоты идеологии задачу обретения не подлинной, но монополярной истины. Мы — дети и внуки ригидной политической культуры, фетишизированного мышления. Его укоренением в условиях «враждебного внешнего окружения» умело занимались «педагоги» сталинской выучки, а в последующем — стражи (и одновременно — рабы) застойного духа. Какими трагическими последствиями обернулось расщепленное сознание, питавшееся обманом и самообманом, говорить не приходится. Это прямо сказывалось на выработке решений в международных отношениях и мировой политике, где зачастую не учитывалась диалектика возможного и действительного, случайного и необходимого.

Полноценная критика, ориентированная на конструктивный диалог, предполагает свободу от инерционной психоло-

гии стереотипов и мифов, жестких идеологических и политических формул на все случаи жизни, готовность примерять истину не только на других, но и на себя, способность к конструктивно-критическому осмыслению того ценного для взаимного обогащения, что содержится в доводах и аргументах оппонентов. Сегодня мы приобретаем новый слух и новое зрение. Мы стали различать нюансы, тона и полутона, корректирующие поиски ответов на нерешенные старые и новые вопросы, которые ставит нам жизнь с ее противоречиями, алогизмами, парадоксами.

Проблемы, которые поднимают концептуальные миноритарии столь серьёзны, что требуют не эмоциональной реакции, не спонтанного выплеска скороспелых суждений, а содержательного разговора и продуманных оценок и решений. Такт и культура диалога востребованы сегодня как никогда. Агрессивно-дискуссионная ершистость тешит только самолюбие, делу не помогая. Здесь особо важен тщательный анализ множественных факторов, соблюдение баланса самых разнообразных интересов и мотиваций. (Хотя, конечно же, надо признать, что люди предлагающие кардинальные нововведения, не всегда конструктивны). «Нужно избавиться от привычки слышать только идейных единомышленников, с порога, со злобой, а то и с ненавистью, отвергая любую точку зрения», — заявил В.Путин на встрече с участниками Валдайского клуба в сентябре 2013 года. «Это значит, — конкретизировал он, — что либералы должны научиться разговаривать с представителями левых взглядов и наоборот. Националисты должны вспомнить, что Россия формировалась именно как многонациональное государство с первых своих шагов. И что, ставя под вопрос нашу многонациональность, начиная эксплуатировать тему русского, татарского, кавказского, сибирского, и какого угодно еще сепаратизма и наци-

онализма, мы встаем на путь уничтожения своего генетического кода, по сути начинаем уничтожать сами себя».¹² Все это имеет тем большее значение, что в нашем обществе стремительно распространяется явление, которое В.В. Розанов, искренне болевший за судьбы России, называл «передовым невежеством». После распада СССР и турбулентной трансформации страны разрушилась приятная для нашего самосознания мифология «Мы самая читающая страна в мире». По данным Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ (май 2012 г.), результаты международного тестирования школьников оказались удручающими для России: мы стабильно ползем вниз, уже из первой десятки перескочили в пятую по восприятию текста. Более того, согласно исследованию ВЦИОМ того же года, 35% российских граждан вообще не читают книг. Весьма характерный пример по итогам собеседования летом 2012 года с абитуриентами одного из лучших вузов России привел председатель Синодального информационного отдела Московского патриархата В. Легойда: ни один из 26 опрошенных не смог назвать высших руководителей страны от Сталина до наших дней.

Снижение общеобразовательного уровня — одна сторона проблемы. Вторая связана с модным поветрием — коллекционированием дипломов высшей школы. Есть и рекордсмен — известный политик С.М. Миронов, биография которого отмечена 5 дипломами о высшем образовании: техническом, экономическом, юридическом, философском, а также в сфере государственного и муниципального управления. Это, конечно же, уникальный случай. Но банализация в целом высшего образования, неизбежно сопряженная со снижением его качественных параметров — стратегически опасная тенденция, исключающая столь необходимую для страны революцию компетенций. Эта тенденция объектив-

но ведет к ослаблению ее ресурсного потенциала в мире, усиливая тем самым геополитические позиции тех, кто относится к России с настороженностью и предубеждением или тяготеет к откровенной русофобии.

Замечательно, что государство уделяет все большее внимание продвижению русского языка и русской культуры за рубежом, как это наглядно показывает, в частности, деятельность Россотрудничества и фонда «Русский мир». Одновременно — жестокий парадокс нашей действительности — до критического уровня низводится преподавание литературы в средней школе. Не здесь ли один из истоков глобализации бескультурья и агрессивного негатива в общественной жизни в целом? Все это настолько серьезно, что в Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года внесено тревожное предупреждение: одной из главных угроз национальной безопасности в сфере культуры является «засилие продукции массовой культуры, ориентированной на духовные потребности маргинальных слоев»¹³. Существует опасность обесценивания — в прямом и переносном смысле — национального духовного — исторического наследия. На аукционе в Москве в июле 2013 г. рукопись романа Нобелевского лауреата Б. Пастернака «Доктор Живаго» не заинтересовала никого, зато быстро был продан автограф Б. Березовского... При всей относительности аналогий напрашивается болезненное сравнение с иным историческим контекстом, в котором, по словам Розанова, «люди досыпали «сон Обломова», сидели «на дне» Максима Горького и, кажется, в «Яме» Куприна... Мечтая о золотой рыбке будущности и исторического величия»¹⁴. Речь идет о жизненном кредо конформистского большинства, основу которого образует патерналистски ориентированная часть общества, которая, по словам И.

Ильина, проникнута чувством «завистливого равенства».

В условиях глобализации бескультурья интеллектуализация всех сфер общественной жизни становится категорическим императивом. Причем, в российской действительности менеджерализация управленческих процессов далеко не всегда совпадает с их интеллектуализацией.

Было бы наивно, а, главное, стратегически недальновидно противопоставлять русофобии, как это нередко происходит, политически пафосный пиар русской цивилизационной особенности, неизбежно сопряженной с самонадеянным мессианством. Возникает естественный вопрос: вправе ли «догоняющая» страна рассчитывать на некие особые мессианские цивилизационные притязания — особенно после обвала всей советско-государственной парадигмы и утраты в одночасье прежних ценностных ориентиров? Конечно, нельзя рассматривать концепцию «мессианского предназначения России» прямолинейно; все обстоит гораздо сложнее, она отражает серьезные социально-психологические проблемы, связанные, среди прочих важных аспектов, с дихотомическими особенностями «расщепленного сознания», претендующего на свои цивилизационные приоритеты, с одной стороны, и подспудно ориентированного на завистливое подражание Западу, с другой. Но, если в нашей стране только выразители известных настроений заводят речь о русском цивилизационном мессианстве, то на геополитической избранности США, «исключительностью американской нации» настаивает само руководство страны, о чем убедительно свидетельствует заявление Б. Обама в обращении к американцам 10 сентября 2013 г. в связи с ситуацией вокруг событий в Сирии. В своей известной статье в Нью-Йорк Таймс В. Путин предупредил об опасности попыток президента США обосновать подобную мессианскую по-

зицию: «Считаю очень опасным закладывать в головы людей идею об их исключительности».

Антироссийские фобии получили в свое время основательную подпитку в ходе резонансного многомиллиардного «бодания» Березовского с Абрамовичем в судебном процессе в Лондоне, где они обнажили тайные пружины и неприглядные факты формирования рыночных отношений в России. А какую волну русофобии вызвала глупейшая по своей трансцендентальной неадекватности история с панк-группой «Poussy-Riot»? Не справедливее было бы суду по объективным основаниям принять решение об административно-принудительном сострадании к ближнему, направив этих девиц, например, на пару недель в хоспис для ухода за умирающими в мучениях раковыми больными? Между тем событийная пустышка — минутный панк-молебен «пуссек» стала антироссийским фактором мировой политики. Тема вышла на уровень президентов и глав правительств. Телекомпания CNN, которая обычно освещает крупные, значимые события, первой из СМИ взяла интервью у одной из панк-девиц после ее условного освобождения. На Западе пошли разговоры о выдвижении «пусси» на премию им. Сахарова, а их адвокатов на Нобелевскую премию мира. А в июле 2013 года президент Франции Франсуа Олланд утвердил главную почтовую марку страны с обновленным национальным символом Марианны — девушки во фригийском колпаке, лицом которой стала скандально известная украинская “Femen” Инна Шевченко, спилившая в знак солидарности с «бешеными кисками» Поклонный крест в Киеве. И, что примечательно, получившая буквально накануне политическое убежище во Франции.

Антироссийские настроения в мире умножают, естественно, резонансные коррупционные скандалы последнего

времени, которые наносят стране огромный имиджевый ущерб.

В этом контексте становится понятным, что имел ввиду писатель В. Пелевин, который саркастически заметил: «Антирусский заговор, безусловно, существует — проблема только в том, что в нем участвует все взрослое население России». (Generation «П»).

В практическом плане наша позиция по отношению к русофобии в геополитике по-прежнему сводится к позиционной тактике, то есть к разрозненным, спорадическим, рефлекторно-спонтанным ответам на отдельные ее проявления. Это в сущности модель инерционного противостояния позиционной защиты национально-государственных интересов, нередко смыкающаяся с моделью имитационной, для которой — при внешней активности — характерны пассивность, осторожная выжидательность и соответственно замедленная реакция на то или иное уже совершившееся событие, а не на его причинно-следственные связи. Между тем новые вызовы XXI века требуют аналитически трудозатратной выработки упреждающей стратегии активного противодействия, продуманной системности в принятии адекватных решений. Базовый рычаг такого противодействия — наращивание самой мощи государства, его конкурентных преимуществ, способность проводить независимую международную стратегию, укреплять свой геополитический статус, с которым нельзя не считаться в мире. Пока эти модели сосуществуют, сбои, ошибки, недоработки дают и будут давать о себе знать. Удивительное дело. Признание нового премьер-министра Грузии Б. Иванишвили того, что именно Саакашвили инициировал военные действия 2008 г., не стало ярким выигрышным информационным поводом для мощной разъяснительной кампании, ориентированной на Запад. Наступил момент внешнеполитической истины, которым масштабно опять не воспользовались.

Но позитивные сдвиги все же происходят. Дальновидную сдержанность проявило российское руководство в и без того сложных отношениях с США, которое не «ухватилось» за слишком очевидную и потому малоэффективную возможность развернуть на официальном уровне широкомасштабную пиар-акцию в связи с разоблачениями беглого сотрудника американских спецслужб Э. Сноудена.

Отработка новых механизмов защиты от современной русофобии, ведущая преимущественно методами проб и ошибок, еще далека от завершения. Она находится в стадии, которую можно назвать промежуточно-поисковой. Геополитическая формула «отрицание отри-

цания» полностью так и не исчезла. Попытки уловить диалектику взаимосвязи старого и нового реализуются с большим трудом: легко быть провидцем не будущего, а прошлого. Дает о себе знать закон убывающей отдачи: все меньшая эффективность распыленных усилий при все больших усилиях на них. Небесполезен, впрочем, и отрицательный опыт, позволяющий избежать прошлые просчеты, ошибки и издержки. Это тем более важно, что вневременные константы русофобии не исчезают, подпитывая умонастроения тех, кто близоруко заглядывает в дали антироссийской глобализации. Круговорот «нечистой» воды в природе геополитики продолжается.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К. Мелтон, Р. Уоллес. Секретная инструкция ЦРУ по технике обманных трюков и введению в заблуждение. М., 2011. с.4
2. В.Д. Соловей. Бренд «Россия». Полис, 2009, № 4. с. 168
3. И.С. Семенов. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности. Полис, 2008, №5. с.16
4. Герхард Шредер. Решения. Моя жизнь в политике. М., 2007. с.174
5. Новые известия, 03.12.2002
6. Е.С. Крестинина. Образ «другого» в структуре современной идентичности российского общества. Полис. 2011, №4. с.117
7. В.И. Ленин. Полн.собр.соч., т.25. с 9
8. Там же, т.29, стр.207,208.
9. А.Граммши. Избранные произведения. М., 1980. с.363
10. Известия 26.05.2009 г.
11. Независимая газета, 20.09.2013.
12. Комсомольская правда, 20.09.2013 г.
13. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, с. 11 — <http://www.kremlin.ru/text/docs/2009/05/216229.shtml>
14. Настоящая магия слова. В.В. Розанов в литературе русского зарубежья. Спб., 2007. с.137

РИМСКИЙ ПАПА КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ

Е. Г. Пономарева

*профессор МГИМО (У) МИД России,
доктор политических наук*

Избрание нового Папы, которым 13 марта 2013 г. стал Франциск I, — событие в мирополитической борьбе знаковое. И дело не столько в роли и значении этого института для миллионов католиков, сколько в самой фигуре бывшего аргентинского кардинала Хорхе Марио Бергольо и стоящих за ним сил.

В статье дан анализ происхождения и орденой принадлежности нового Папы, рассмотрено его отношение к теологии освобождения. Особое внимание уделено финансовым вопросам деятельности Ватикана. По мнению автора, борьба за Св. Престол заключается, во-первых, в стремлении наднациональных структур наиболее эффективным образом встроить католическую церковь в создающуюся систему нового посткризисного порядка. Это уровень глобального управления. Во-вторых, на данном историческом этапе идет процесс переформатирования влияния в Латинской Америке, что невозможно без католической церкви. Это уровень регионального управления.

На основании проведенного анализа автор констатирует, что совокупность произведенных в системе Ватикана перестановок и сопровождавших избрание понтифика событий свидетельствует о начале очередного серьезного этапа трансформации всей мировой системы. Главная битва на том этапе будет разворачиваться в Латинской Америке и вокруг нее.

Ключевые слова: Латинская Америка, Римский Папа, глобальное управление, мировая политика

Ponomareva E. (Elena)

*doctor of political science, professor of Comparative Politics Department of MGIMO,
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.*

THE POPE: A FACTOR IN WORLD SYSTEM TRANSFORMATION

Papal election, with Francis I chosen on 13 March 2013, is a landmark in world political competition. It has to do with the persona of former Argentine cardinal Jorge Mario Bergoglio and powers behind him rather than the role and significance of this institution for millions of Catholics.

The article analyzes the new Pope's origins and order membership, studies his view on liberation theology and focuses on financial issues in Vatican activities. The author argues that competing for the Holy See involves, firstly, supranational structures seeking to most effectively engage the Catholic Church in a system of new post-crisis order in the making. This belongs to global government level. Secondly, the current stage of history is experiencing Latin American influence being transformed, which requires the Catholic Church. This belongs to regional government level.

The analysis carried out helps the author to determine that a number of reshuffles in the system of Vatican and events accompanying the pontiff's election demonstrate the beginning of yet another serious stage of the world system transformation. Latin America and the situation around it are going to be the main battlefield at this stage.

Keywords: Latin America, Pope, global government, world politics

Современная геополитика — огромная фреска,
которую постоянно переписывают.
Это гобелен, и если где-то потянут за ниточку,
то изменится узор на всем мировом ковре.
Иногда эти изменения бывают более серьезными,
чем кажется на первый взгляд.

Максим Шаттам. Лабиринты хаоса.

На фоне продолжающихся сложных и многоходовых геополитических битв (сирийский и иранский кризисы, энергетические и информационные войны и др.) избрание нового Папы, которым

13 марта 2013 г. стал Франциск I, на первый взгляд может показаться не заслуживающим пристального внимания. На самом деле это событие в мирополитической борьбе знаковое. И дело не только

в роли и значении этого института для миллионов католиков — в мире насчитывается 1,2 млрд католиков — сколько в самой фигуре бывшего аргентинского кардинала Хорхе Марио Бергольо и стоящих за ним сил.

Сразу необходимо подчеркнуть, что результаты голосования конклава кардиналов не являются неожиданностью, как бы ни пытались нас убедить в обратном мировые (читай, американские) СМИ. Избрание Франциска стало итогом долгой и многотрудной борьбы за влияние в Ватикане и как следствие этого за контроль над финансовыми потоками этого института. Не лишним будет

напоминание о том, что хотя Бергольо и не был среди фаворитов конклава в 2013 г., на выборах 2005 г. он был вторым после Йозефа Ратцингера, ставшим тогда Бенедиктом XVI. Еще одним формальным подтверждением того, что вопрос о новом Папе был решен заранее, стал рекордно короткий срок работы конклава — всего два дня.

Новый Папа, соединивший в себе несколько важнейших особенностей, без преувеличения может быть оценен как значимый фактор развития мировой системы в ближайшие десятилетия. Остановлюсь лишь на самых значимых из них.

ОСОБЕННОСТЬ ПЕРВАЯ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Хорхе Марио Бергольо (Франциск I) родился 17 декабря 1936 г. в Буэнос-Айресе (Аргентина) в семье итальянских эмигрантов. После учебы в столичной семинарии Вилла Девото 11 марта 1958 г. он вступил в иезуитский монашеский орден, послушником изучал гуманитарные науки в Чили. Затем учился в колледже Св. Иосифа в Буэнос-Айресе, где получил лицензиат по философии и преподавал ее в католических колледжах столицы Аргентины. 13 декабря 1969 г. Бергольо был рукоположен в священники и назначен профессором теологического факультета в столичном колледже Сан-Мигель. С 1973 по 1979 гг. — провинциал Аргентины. С 1980 по 1986 гг. — ректор семинарии Св. Иосифа.

После защиты докторской диссертации в Германии Бергольо служил в Кордовской архиепископии (Аргентина). 20 мая 1992 г. он был назначен епископом, а через шесть лет — архиепископом Буэнос-Айреса. 21 февраля 2001 г. папа Иоанн Павел II возвел Бергольо в кардиналы. В качестве кардинала Бергольо являлся членом Конгрегации (монашеского объединения) по делам духовенства, Конгрегации богослужения и дисциплины таинств, Конгрегации инсти-

тутов посвященной жизни и обществ апостольской жизни, Комиссии по Латинской Америке и Папского Совета по делам семьи¹.

Итак, в фигуре нового Папы соединились Европа, а точнее Италия (по происхождению), Германия (по существующим у нового Папы связям с выходцами из этой страны) и Латинская Америка. На первый взгляд, выбор латиноамериканца, но имеющего итальянские корни, свидетельствует о том, что в условиях резкого упадка значения католицизма в Европе, вес латиноамериканского католичества набирает силу. Сегодня 42% исповедующих католицизм живут в Латинской Америке, и лишь четверть католиков проживает в Европе.

Однако не стоит забывать, что процесс вытеснения христианских ценностей происходит везде, в том числе и на латиноамериканском континенте. В этом плане знаменательно, что Аргентина, в которой провозглашена полная свобода вероисповедания, единственная страна Латинской Америки, где с июля 2010 г. узаконены однополые браки (в Мексике и Бразилии гомосексуализм легализован только в некоторых штатах). В целом же, «по утверждениям хорошо знакомых с

ситуацией священнослужителей, Ватикан сегодня не является авторитетом для католиков в Латинской Америке, доверяют ему мало, а среди латиноамериканской молодежи католическая церковь в настоящее время вообще не пользуется никаким доверием². Так что иллюзий относительно того, что новый Папа способен «оздоровить» католичество, не должно быть.

Кстати, Франциск I свободно говорит лишь на двух языках, причем, это итальянский и немецкий (?). Родившись и прожив 76 лет в Аргентине, папа, которого представляют «народным», не

говорит по-испански! По всей видимости, в семье он говорил по-итальянски, а школу посещал немецкую. Как известно, после Второй мировой войны именно Аргентина приютила самое большое количество выходцев из нацистской Германии, которые, в частности, создали множество школ, где преподавание велось на немецком языке.

Однако пристального внимания заслуживает не только происхождение Бергольо. Очевидно, что новый Папа призван решать особые задачи, которые напрямую связаны с главной его особенностью.

ВТОРАЯ ОСОБЕННОСТЬ: ФРАНЦИСК I — ПЕРВЫЙ ПАПА-ИЕЗУИТ

Впервые главой Ватикана стал член Ордена иезуитов³ — самой могущественной, активной и хорошо структурированной католической организации, *играющей крайне важную роль в формировании и переформатировании сознания элитных групп, способных управлять процессами на региональном и глобальном уровнях*. Миссия Ордена всегда заключалась не только в контроле над Св. Престолом и решениями Папы, но в проникновении, как в организации других религиозных конфессий, так и в правительственные структуры различных стран мира. При этом, пожалуй, главное отличие иезуитов от остальных орденских структур заключается в том, что они незаметно перестраивают католическое учение в соответствии с велениями времени и реализацией конечной цели — формирования *единой мировой религии*⁴.

Свою деятельность Орден сконцентрировал изначально на трех направлениях, которые вот уже на протяжении нескольких столетий определяют его влияние в мире: обучение, миссионерская деятельность и исповедь. Иезуиты прославились и славятся до сих пор как учителя, миссионеры и духовники, выступая одновременно в качестве агентов

Ватикана и спецслужб. Они выработали уникальный метод культурной адаптации и мимикрии, позволяющий проникать в организации любых религиозных конфессий и приспосабливаться к любым социально-политическим условиям.

Именно иезуиты разработали наиболее гибкие методы работы с православием. На этом поприще прославился французский иезуит Михаил д'Эрбиньи, глава Комиссии ProRussia, созданной в 1925 г. при Конгрегации для Восточной церкви с целью подготовки кадров священнослужителей для советской России. Особое значение придавалось криптокатолицизму — тайному католицизму. На патриарший престол в России планировалось возвести епископа, тайно перешедшего в католичество и давшего присягу Папе. Криптокатолицизм удобен тем, что не требует формального разрыва с православной церковью. Священник продолжает служить в православном храме, потихоньку насаждая среди прихожан симпатии к Св. Престолу и католическому учению⁵.

Культурно-нравственная мимикрия послужила основой «знаменитой» иезуитской морали, позволяющей произвольно толковать основные религиозно-нравственные требования, подстра-

иваться под воззрения и нравы людей любого времени и места, оправдывать любой безнравственный поступок. Именно в системе «нравственного богословия» иезуитов, воспитавших целые поколения властных групп, можно найти истоки «двойной морали», «двойных стандартов», которые стали ключевыми принципами западной дипломатии. Кроме того, иезуитам разрешается вести светский образ жизни, не афишировать свою принадлежность к Ордену, пользоваться широкими привилегиями и нести ответственность только перед руководством Ордена. Так что они легко проникают в масонские и другие оккультные структуры, а также в политические и государственные структуры.

Однако ведущей сферой деятельности иезуитов, которые по праву считаются интеллектуальной элитой Ватикана, было и остается образование. Сегодня иезуиты издают более 1100 журналов, возглавляют 195 университетов во всем мире. Понимание значения «мягкой силы» позволяет иезуитам выдвигать своих людей на ключевые посты в государственных структурах Европы и США. Так, иезуитские частные высшие учебные заведения закончили такие знаковые фигуры мировой политики, как бывшие руководители ЦРУ Уильям Кейси (Фордхэмский университет), Джордж Тенет (Джорджтаунский университет), Роберт Гейтс (Джорджтаунский университет), Леон Эдвард Панетта (университет Св. Клары). Выпускником Фордхэмского университета является и новый директор ЦРУ Джон Оуэн Бреннан.

Однако вернемся к Франциску I. То, что, прежде всего, обращает на себя внимание в связи с избранием иезуита — это абсолютное послушание, которому

должен следовать каждый член ордена. Основатель ордена Игнатий Лойола в своих «Духовных упражнениях» наставлял: *«подчиненный должен смотреть на старшего как на самого Христа, он должен повиноваться старшему, как труп, который можно переверачивать во всех направлениях, как палка, которая повинуется всякому движению, как шар из воска, который можно видоизменять и растягивать во всех направлениях»*⁶. Известно, что эта иезуитская методика достижения полного подчинения личности вызвала наибольший интерес у руководителей нацистской Германии. Именно по принципам Ордена иезуитов строил организацию СС Генрих Гиммлер, о котором Гитлер неслучайно говорил: «Я вижу в нем нашего Игнатия Лойолу»⁷.

Кстати, свой первый звонок новый Папа сделал своему давнему другу и коллеге — главе Ордена иезуитов Адольфо Николасу. Причем, звонил он главе Ордена лично, минуя секретаря, а в прессе этот факт преподнесли как свидетельство скромности Франциска, который решил ввести в обиход простое, неформальное общение⁸.

Этот случай высветил жесткую иерархию Ордена. Дело в том, что, с одной стороны, Генерал Ордена или «Черный папа» подчиняется непосредственно понтифику. С другой — став Папой, Бергольо остался членом Ордена и по уставу Ордена должен по-прежнему подчиняться своему Генералу. Возникла весьма двусмысленная ситуация. Очевидно, что самостоятельность нового Папы весьма относительна. В то же время в его лице произошло слияние власти Ордена и власти Церкви. Так что невольно возник вопрос: Кто будет править — «Черный папа» или Папа Римский?

«БЕДНЫЙ» ПАПА И ТЕОЛОГИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Не менее значимой в условиях обострения борьбы за власть, информацию и ресурсы оказывается *третья особен-*

ность нового Папы — его исключительная скромность и подчеркнутая близость к простым людям.

Франциск I, действительно, идеально говорит о «бедной церкви». В ситуации разрастания мирового кризиса, когда бедные беднеют, а богатые богатеют, появление Папы, который отказывается от роскошного лимузина, как нельзя кстати. Однако уже в своей первой проповеди Франциск говорит о смирении, терпении и прощении. «Немного милосердия делает мир менее холодным и более справедливым. Мы должны понять милосердие Господа... Бог никогда не устает прощать. Это мы устаем просить прощения»⁹.

Как уже отмечалось, основой успешной деятельности иезуитов всегда была их приспособленческая мораль, приучающая верующих под видом исполнения нравственного закона, в сущности, нарушать его, возможно, даже не подозревая этого. «Новый стиль поведения понтифика, которым так восхищаются представители СМИ, с его показной скромностью, демократичностью и даже некоторым запанибратством следует воспринимать как составную часть иезуитской методики поведения, предполагающей максимальное погружение в окружающую культурную реальность»¹⁰. Поэтому главное — дьявол кроется в деталях — не в том, что говорит новый понтифик, а в той стратегической задаче, ради выполнения которой он и был назначен. А задача эта — *обеспечить укрепление власти транснационального класса собственников*. Для этого как раз и нужны иллюзии установления справедливой Церкви, иллюзии спасителя бедных. Поэтому установку Папы на создание «бедной церкви» стоит рассматривать как методику усыпления бдительности верующих, пока богатые будут присваивать национальные богатства католических стран — в первую очередь Латинской Америки.

С феноменом «бедного» Папы связана **четвертая особенность** Франциска — его отношение к теологии освобождения (ТО). Бергольо еще в самом начале своей

карьеры дистанцировался от теологии освобождения. Однако прямая переключка с этой доктриной присутствует в его риторике, что привлекает многих латиноамериканских католиков.

Дело в том, что ТО базируется на принципах социальной справедливости, борьбы с бедностью как *общественным грехом*. Для лучшего понимания проблемы назову несколько основных принципов ТО:

- христианское спасение недостижимо без экономического, политического, социального и идеологического освобождения как значимого признака человеческого достоинства;
- необходимо уничтожение эксплуатации, произвола и несправедливости этого мира;
- необходимо гарантировать всем доступное образование и здравоохранение;
- бедность является общественным грехом;
- бедные всегда должны осознавать, что они вовлечены в процесс классовой борьбы;
- сначала необходимо обеспечить человеку достойные условия жизни, и лишь потом приобщать его к вере, если он того желает¹¹.

Итак, теологи данного направления полагают, что бедность является источником общественного греха. Именно поэтому активное развитие ТО в 1960-х гг. в Латинской Америке привело к новому прочтению Библии и признание Христа не только как Утешителя, но и как Освободителя угнетенных. Таким образом, теология освобождения часто понимается как форма христианского социализма. В Латинской Америке христианской миссии была присвоена особая роль защиты справедливости для бедных и угнетенных, особенно через политическую деятельность. Кстати, максимально распространение ТО получила именно сре-

ди иезуитов. В частности, иезуиты учили: «Борьба за веру и борьба за справедливость неотделимы... Вера в бога будет мертвой, если в отношении к слабому, бедному и угнетенному выражать только сочувствие и опекать его. Истинная вера требует солидарности с ним»¹².

Однако влияние ТО в католицизме пошатнулось после того, как Кормас МакКрори издал акт об ее официальном осуждении в 1980-х гг., а теологи освобождения стали преследоваться Иоанном Павлом II, а затем и Бенедиктом XVI. Последний, будучи главой Конгрегации доктрины веры несколько раз вынес осуждение этих течений¹³.

Тем не менее, в пользу ТО высказывался целый ряд видных церковных деятелей, включая архиепископа Сальвадора Оскара Ромеро, разоблачавшего олигархическую диктатуру и убитого правыми боевиками в 1980 году. Мать Тереза во время своего визита на Кубу в 1986 г. следующим образом описала соотношение христианского и социалистического учений: «Я считаю учение Христа глубоко революционным и абсолютно соответствующим делу социализма. Оно не противоречит даже марксизму-ленинизму»¹⁴.

Христиане Латинской Америки находят в теологии освобождения ответы на многие важные вопросы. В частности, «как сделать так, чтобы вера не отчуждала, а освобождала?». Уго Чавес — один из проводников ТО, сформулировал это так: «Иисус Христос, несомненно, был исторической фигурой — он был повстанцем, одним из наших, антиимпериалистом. Он восстал против Римской

империи... Христос был революционером. Он восстал против религиозных иерархий. Он восстал против экономической власти того времени. Он предпочел смерть для защиты своих гуманистических идеалов, и он жаждал перемен. Он был нашим Иисусом Христом»¹⁵.

Очевидно, что подобная революционная направленность не может быть воспринята и одобрена Ватиканом. Однако использование некоторых элементов ТО именно иезуитами с целью проникновения в революционные организации, с целью включения крестьянских масс Латинской Америки в орбиту влияния укладывается в их методiku социальной и культурной мимикрии. Так, мировые СМИ часто цитируют изречения нового Папы, отличающиеся социальной направленностью, но с явным душком примиренчества и неизменности установленного порядка неолиберальной эпохи. Например, «несправедливое распределение благ остается неизменным, создавая ситуацию общественного греха, которая взывает к небесам и ограничивает возможности для полной жизни многим нашим братьям». Или, «давайте работать вместе и идти вместе по пути братства и любви. Давайте помолимся друг за друга, за весь мир, в котором есть великое братство»¹⁶. Папа, вроде бы, и осуждает неравенство, но в то же время констатирует его «неизменность», делая главный вывод — даже в несправедливом мире все равно есть «братство». Тем самым на подсознательном уровне у паствы формируется образ невинных богатых, нивелируются социальные противоречия, воспитывается политическая пассивность.

СИЛЫ И ИНТЕРЕСЫ, СТОЯЩИЕ ЗА «ДОБРОВОЛЬНЫМ» ОТРЕЧЕНИЕМ БЕНЕДИКТА XVI

Пятая особенность нового Папы связана с «добровольным» отречением Бенедикта XVI. Дело в том, что оно произошло после беспрецедентного давления на Бенедикта со стороны наднаци-

ональных финансовых структур, замысливших радикальную перестройку Ватикана. Проблемы, существующие как внутри Церкви, так и вокруг нее, связаны с неспособностью противостоять дех-

ристианизации западного общества — процессу, несущему утрату контроля над сотнями миллионов людей, — что в свою очередь определено серьезным кризисом самого института папской власти. Мировые СМИ преподнесли отречение Папы как банальную отставку, в то время как это для Ватикана и всего католического мира *исключительное, чрезвычайное событие*. Приглушение казуса отречения является еще одним косвенным подтверждением напряженной борьбы вокруг Св. Престола. В этой борьбе можно выделить, как минимум, два основных лагеря.

Представители первого выступают за превращение Церкви в легко управляемый рупор «нового мирового порядка». Представители второго стремятся сохранить за Св. Престолом исключительный характер сакральной власти, такой власти, которой нет ни у одного государства.

Власть в Ватикане как абсолютной теократической монархии замыкается на фигуре Папы, объединяющего в своем лице и римского епископа, и светского монарха, и суверена города-государства. Так что ограничить папский суверенитет формально совсем непросто. Поэтому то, что происходит сегодня в Церкви и вокруг нее следует рассматривать через призму борьбы за власть — суверенитет Папы. А так как в современном мире суверенитет напрямую связан с финансами, то важнейшей целью трансформаторов является Банк Ватикана, а точнее перевод финансов Ватикана под тотальный контроль всемирной банковской системы.

Напомним, что Банк Ватикана (ИРД)¹⁷ — это, во-первых, самая закрытая и неприкасаемая структура Св. Престола. Этот «волшебный банк» не подчиняется ни одному обычному финансовому закону. Его сотрудников не могут допрашивать ни правоохранные органы, ни налоговые учреждения. В этом уникальном банке не говорят аб-

солютно ничего ни о клиентах, ни об их счетах, данные здесь не обрабатываются электронным способом и ни при каких обстоятельствах банк не публикует отчеты¹⁸. Во-вторых, эта структура не является официальным учреждением государства Ватикан, а *банком Папы*. Папа в определенном смысле единственный акционер этого банка и полностью его контролирует с помощью комиссии из пяти кардиналов¹⁹.

Именно поэтому в последние годы на Бенедикта XVI оказывалось беспрецедентное давление, начало которому было положено публикацией в 2009 г. разоблачительной книги Джанлуиджи Нуцци «ООО Ватикан», впервые вскрывшей тайные схемы перевода теневых денег Банком Ватикана. Затем в отношении Банка была впервые применена такая строгая мера, как наложение ареста на часть денежных средств, а в отношении директора Этторе Готти Тедески возбуждено уголовное дело. После этого Св. Престол делает ставку на «финансовую прозрачность», начинает бороться за включение в «белый список» FATF, принимает закон о борьбе с отмыванием средств, полученных незаконным путем. И даже обращается в Moneyval — Экспертную группу Совета Европы по оценке мер борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма — с просьбой признать Банк Ватикана финансовой организацией, соответствующей международным нормам.

Однако давление на ИРД усилилось. В мае 2012 г. выходит еще более разоблачительное исследование Нуцци — «Его Святейшество». Выход этой книги, которую пресс-секретарь Св. Престола Федерико Ломбарди назвал «преступной»²⁰, и разразившейся после этого скандал высветили всю уязвимость Папы перед внешними силами. Однако, что это за силы со 100 % уверенностью сказать никто не берется. Хотя есть версии о сопадении по этому вопросу интересов Ротшильдов и Рокфеллеров, которые

30 мая 2012 г. заключили соглашение об объединении части своих активов.

Известный историк Андрей Фурсов оценил эту сделку, как «концентрацию капитала и власти накануне серьезных потрясений, которые выходят за рамки финансов и экономики». Это «не просто выживание в кризис, как думают некоторые, а властно-экономическая заявка на господство в послекризисном и посткапиталистическом мире. Объединение капиталов Ротшильдов и Рокфеллеров может быть всего лишь верхушкой айсберга, видимой частью тайных договоренностей в борьбе одних закрытых обществ против других»²¹.

Кроме того, за начавшимся в мае 2012 г. скандалом «Ватиликс» стоял руководитель (до августа 2012 г.) Отдела информации и регулируемых вопросов в Белом доме Касс Санстейн, считавшийся главным юридическим советником президента Обамы. «Ватиликс» раскручивался по модели проекта «Викиликс», в реализации которого Санстейн сыграл крайне важную роль²². Тогда, в раскрутке скандала «Ватиликс» главным злоумышленником представили папского камердинера Паоло Габриэле. Хотя реальными организаторами этой операции были специализирующиеся неправительственные организации и СМИ, связанные с Госдепартаментом США.

Самому скандалу предшествовали соответствующие показательные акции. Сначала рокфеллеровский финансовый холдинг J.P. Morgan в Милане закрывает счет ИРД под предлогом отсутствия необходимой информации. Затем Госдепартамент США впервые включает Ватикан в список стран, уязвимых для отмывания денег. В рамках все той же кампании использовали и «гей-скандал» в Ватикане, когда в СМИ распространили информацию о секретном докладе Папе о нетрадиционной сексуальной ориентации представителей высшего католического руководства. Однако о «нравственном облике» «святых отцов»

понтифик и так был хорошо информирован и поразить Бенедикта XVI моральным обликом высшего клира вряд ли было возможно. Однако поднять шум в мировых СМИ понадобилось именно в тот момент. Именно тогда информационная война против Ватикана приняла всеобъемлющий характер и преследовала единственную цель — доказать несостоятельность руководства Св. Престола и убедить паству в необходимости кардинальных перемен в самой Церкви. Одной из причин такого «наката» на ИРД ряд экспертов называют поддержку Ватиканом инициативы БРИКС по реорганизации мировой финансовой системы, которая позволила бы этому блоку создать собственную систему расчетов. Однако думаю, это сильное преувеличение роли и значения БРИКС. С ИРД связаны более глобальные интересы.

В январе 2013 г. началась заключительная стадия борьбы за финансы Ватикана. 1 января ИРД приостановил обработку всех операций по банковским картам и всех электронных платежей на территории Ватикана опять-таки по причине несоблюдения Св. Престолом в полном объеме международных правил борьбы с отмыванием финансовых средств. После этого к операции были подключены ведущие специалисты по переговорным процессам — рыцари Мальтийского ордена²³.

И вот важная деталь. 9 февраля в Соборе Св. Петра в Ватикане открылись торжества в честь 900-летия ордена. Прибыло более тысячи рыцарей и леди для получения благословения Бенедикта XVI. С мальтийцами Папа провел несколько часов, а уже 11 февраля заявил о своем отречении от престола.

Можно предположить, что отставка Бенедикта XVI связана с невозможностью продолжать и дальше курс лавирования. Это становилось уже опасным. Достаточно вспомнить Иоанна Павла I, приступившего к реформированию финансовых структур и умершего че-

рез 33 дня после начала понтификата²⁴. Кстати, на следующий день после заявления об отставке на территории Ватикана операции по банковским картам возобновились.

Необходимо отметить, что 15 февраля (как раз в день рождения ордена) Бенедикт XVI принимает последнее крупное решение: новым директором ИРД был назначен мальтиец, немецкий юрист и финансист Эрнст фон Фрайберг, специалист по слиянию и поглощению финансового бизнеса.

РИМСКИЙ ПРЕСТОЛ КАК ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Таким образом, наложение вышеперечисленных «особенностей», связанных с личностью нового Папы, а также с ситуацией внутри и вокруг Ватикана, свидетельствует о грядущих серьезных изменениях в мировой системе. Причем, один из главных векторов этих изменений — Латинская Америка.

Такое утверждение основано не только на конкретных фактах, зафиксированных в этой статье, но и на исторической аналогии. Напомню, что 16 октября 1978 г. под именем Иоанн Павел II римский престол возглавил поляк Кароль Юзеф Войтыла. Он стал не только первым за последние 455 лет римским Папой неитальянского происхождения и одним из самых молодых понтификов, но был первым в истории Папой славянского происхождения. После его избрания события в Польше и во всем социалистическом лагере развивались стремительно. Причем именно Папа стал для многих поляков (и не только для них) идеологом и символом борьбы с политическим режимом. Но дело не только в символизме, сколько в организации конкретной деятельности. Так, созданное в 1980 г. оппозиционное профсоюзное объединение «Солидарность» получало, практически, всю помощь через костелы. Я уже не говорю о той пропаганде, которая велась во время церковных служб. В результате,

Учитывая значение и роль Мальтийского ордена, назначение фон Фрайберга главой ИРД можно рассматривать как подготовку почвы для перевода финансовой системы Ватикана под прямой контроль мировых финансовых групп. Интересно, что Бенедикт XVI никогда не виделся с новым директором, а сама его кандидатура была предложена известным международным агентством по подбору топ-менеджеров Spencer&Stuart, которое называют «охотниками за головами»²⁵.

летом 1989 г. в социалистической Польше было сформировано первое за 45 лет некоммунистическое правительство, в декабре 1990 г. президентом Польши был избран лидер «Солидарности» — Лех Валенса, а Польская Народная Республика перестала существовать.

Однако вернемся в Южную Америку. Особенно символично, что изменения в Ватикане произошли одновременно с уходом из жизни Уго Чавеса, который олицетворял собой антиглобалистскую Латинскую Америку. Многие эксперты и сам Чавес предполагали, что его онкологическая болезнь была вызвана искусственно, как и у других латиноамериканских политиков-левоцентристов, борющихся за ускорение южноамериканской интеграции в противовес доминированию США. В частности, рак диагностировали у *десяти президентов континента* (!). Двое из них уже умерли — Нестор Киршнер и Уго Чавес.

Информация не только для справки, но для серьезных размышлений и выводов. Карциному щитовидки обнаружили у президента Аргентины Кристины Фернандес де Киршнер, вдовы и преемницы Нестора Киршнера. Сам президент Киршнер, друг Чавеса, умер годом ранее от рака кишечника. Ему было 60 лет. Еще одному близкому другу и соратнику Чавеса, 66-летнему президенту Брази-

лии Лула да Сильва врачи поставили диагноз — рак горла. В 2011 г. Сильву сменила на президентском посту Дилма Руссеф, у которой диагностировали рак груди. У 59-летнего президента Парагвая Фернандо Луго нашли лимфому. У 54-летнего президента Боливии Эво Моралеса — рак носа, у 62-летнего президента Колумбии Хуана Мануэля Сантоса Кальдерона — рак простаты²⁶. Возглавляет печальный список сам Фидель Кастро, предупреждавший друга Чавеса об «онкологической заразе». У Кастро был рак кишечника, затем к нему добавилась злокачественная опухоль простаты.

Все эти факты не позволяют поверить в простые совпадения и свидетельствуют о наличии новейших технологий. Хотя прямых доказательств этому пока нет. Уверена, что *пока* нет.

Что же касается отношений Чавеса с церковью, то они были настолько напряженными, что в будущем не исключался разрыв между Венесуэлой и Ватиканом, поддерживавшим оппозицию команданте. Сам Чавес поддерживал «Реформированную католическую церковь Венесуэлы», симпатизировавшую левому проекту. Ее священниками являются клирики, запрещенные в служении католическими епископами за различные канонические нарушения: они, в частности, выступают против обязательного целибата, не считают грехом гомосексуализм, допускают развод и пр.

Поэтому приход латиноамериканского Папы можно рассматривать, как «закат» эпохи Чавеса и символ передачи эстафеты на континенте от «народных политиков», защищавших бедных, «бедной» Церкви. На самом деле речь идет о возможности «новой» католической церкви перехватить социальные лозунги у национально мыслящих политиков Латинской Америки и придать им содержание, выгодное и безопасное для национальных структур.

Итак, борьба за Св. Престол заключается, во-первых, в стремлении надна-

циональных структур наиболее эффективным образом встроить католическую церковь в создающуюся систему нового посткризисного порядка. Это уровень глобального управления. Во-вторых, речь идет о переформатировании влияния в Латинской Америке, что невозможно без католической церкви. Это уровень регионального управления.

И в том и другом случае необходимо (1) контролировать финансы — отсюда перевод ИРД под контроль мальтийцев; (2) формировать новую мировую религию — это вопрос «новой евангелизации» как основы миссионерской деятельности иезуитов. В данном случае речь идет о сближении разных культур и религий. Причем особое внимание уделяется Востоку. Над этим вопросом многие годы работает нынешний Генерал Ордена испанец Адольфо Николас. В интерпретации иезуитов евангелизация понимается как экуменическая открытость, как межрелигиозный диалог, имеющий целью сформировать единую мировую религию под началом Папы Римского, который сам пребывает под контролем «Большого Брата» — «Черного папы».

В этом плане показательно, что Всемирный еврейский конгресс (ВЕК) особо тепло поприветствовал нового Папу. Его президент — Эдгар Майлс Бронфман²⁷ — заявил, что ВЕК хорошо знает Франциска как человека всегда открытого для диалога, способного навести мосты между католичеством и другими религиями. Более того, ВЕК надеется, что новый понтифик примет меры в отношении тех священнослужителей, которые отрицают существование Холокоста и укрепят связи между Ватиканом и Израилем. Друг Папы Барух Тенембаум отозвался о нем еще теплее: «Это человек очень простой, очень скромный и духовный. Как никто другой он участвовал во всех межрелигиозных встречах. У него множество друзей раввинов, с которыми он публиковал свои книги.

Он посещал много синагог...это человек, вдохновлённый глубоким уважением ко всем личностям, которые имеют право на различия»²⁸.

В конечном итоге можно констатировать, что совокупность вышеперечисленных «особенностей» прихода нового Папы,

а также произведенных в системе Ватикана перестановок и сопровождавших избрание понтифика событиях свидетельствует о начале очередного серьезного этапа трансформации всей мировой системы. Главная битва на том этапе будет разворачиваться в Латинской Америке и вокруг нее.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Pope Francis. Jorge Mario Bergoglio, S.J. <http://www.catholic-hierarchy.org/bishop/bbergj.html>; Папа Римский Франциск.
- 2 Папа. Экспертные оценки. <http://zavtra.ru/content/view/papa>.
- 3 Орден иезуитов был создан в 1534 г., в самый разгар Реформации, фактически, для спасения папской власти. Орден выдвинулся тем, что к обычным трем монашеским обетам добавил обет беспрекословного послушания и верного служения Папе. Его всегда отличала жесточайшая полувоенная дисциплина, отточенная система управления и беспрекословное подчинение начальству. Не случайно генерального настоятеля ордена называют Генералом или «Черным папой» (по цвету сутаны).
- 4 Четверикова О.Н. Новый Папа будет строить единую мировую религию? <http://www.3rm.info/33915-novyy-papa-rimskiy-budet-stroit-edinuyu-mirovuyu-religiyu-olga-chetverikova.html>.
- 5 Бердяев Н.А. О д'Эрбиньи о религиозном образе Москвы в октябре 1925 г. // Путь. Март-апрель 1926. № 3. <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=1935>.
- 6 Лойола И. Духовные упражнения. <http://www.home-edu.ru/user/uatml/00001367/005polit/main/019polit.html>.
- 7 От нацизма к атлантизму: миссия Пия XII. http://www.uhlib.ru/istorija/izmena_v_vatikane_ili_zagovor_par_protiv_hristianstva/p5.php.
- 8 Телефонный оператор Ватикана чуть не «отшил» Папу Римского. <http://www.kp.ru/daily/26048/2961525>.
- 9 Первая проповедь Папы Франциска. <http://www.newsru.com/religy/17mar2013/papaswords.html>.
- 10 Четверикова О.Н. Новый Папа будет строить единую мировую религию? <http://www.3rm.info/33915-novyy-papa-rimskiy-budet-stroit-edinuyu-mirovuyu-religiyu-olga-chetverikova.html>.
- 11 New Dictionary of Theology. Illinois: Downers Grove, 1988. P. 388-389.
- 12 Дерюгин С.В. Месса, оборванная пулей. http://www.krotov.info/libr_min/05_d/der/yugin.htm.
- 13 Земляной С. Теология освобождения. Марксистская ересь или метаморфоза католицизма? <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=6659&issue=186>.
- 14 Цит. по Маргушин П. Христианство и кубинский социализм // Новое русское слово. 31 октября 1986.
- 15 Уго Чавес. http://ru.wikipedia.org/wiki/%D7%E0%E2%E5F1_%D3%E3%E5.
- 16 Папа Франциск: первый понтифик-иезуит http://www.bbc.co.uk/russian/international/2013/03/130313_pope_francis_profile.shtml.
- 17 Банк Ватикана или Институт религиозных дел (ИРД) — дикастерия (ведомство) Римской курии, который выполняет функции банка, основан 27 июня 1942 г. Папой Пием XII. ИРД был создан для взимания платы и управления ресурсами, принадлежащими религиозным агентствам. Согласно уставу, Институт дает возможность корпорациям, созданным для религиозных целей, инвестировать средства, привлеченные на их вклады, конфиденциально и без уплаты налогов. Кроме того, данные о деятельности и финансовом положении ИРД практически не разглашаются.
- 18 Раман Т. Насколько богат Ватикан? <http://inosmi.ru/world/20120410/190258889.html>.
- 19 Тайна Банка Ватикана. <http://www.wbanks.ru/articles-and-interview/secret-of-vatican.html>.
- 20 Бенси Дж. Ватикан сотрясают скандалы. http://www.ng.ru/world/2012-05-29/7_vatikan.html.

- 21 Черных Е. Чем грозит миру союз Ротшильдов-Рокфеллеров? <http://www.kp.ru/daily/25892.4/2852044>.
- 22 Четверикова О.Н. Новый Папа будет строить единую мировую религию? ...
- 23 Мальтийский орден (МО) — государственное образование со своей Конституцией. Это один из наиболее влиятельных католических орденов, тесно связанный с крупнейшими масонскими ложами. Имеет свои представительства в различных сферах: торговле, политике, банковском секторе, спецслужбах, армии, образовании и т.д. Многие рыцари МО являются членами Совета по международным отношениям, Бильдербергского клуба, Аспенской группы, Лиги плюща и других наднациональных теневых структур, активно работающих на новый мировой порядок. Среди мальтийских рыцарей бывший директор ЦРУ У. Кейси и госсекретарь США А. Хэйг.
- 24 Солдатов А., Гулин В. Священная война. <http://www.agentura.ru/dossier/vatican/versia>.
- 25 Новым главой Банка Ватикана назначен немец Эрнст фон Фрейберг. <http://www.rg.ru/2013/02/15/bank-site-anons.html>.
- 26 Черных Е. Смерть Уго Чавеса: Почему неугодных США политиков косит рак? <http://www.kp.ru/daily/26045.3/2958764/?cp=5>.
- 27 Бронфман Э.М. — предприниматель и основатель «Distillers Corporation Limited», сын Сэмюэла Бронфмана — канадского бизнесмена, миллиардера, основателя ликеро-водочной компании «Seagram» (на протяжении многих лет самого крупного производителя спиртных напитков в мире) и богатейшей канадской династии Бронфман. Компании «Seagram» в разное время принадлежали такие торговые бренды, как соки «Tropicana», виски «Chivas Regal», «Crown Royal», «VO», «Calvert», «Dewars», «Seven Crown» и ром «Captain Morgan».
- 28 Цит. по Четверикова О.Н. Новый Папа будет строить единую мировую религию?...

ПРОБЛЕМЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

АБСОЛЮТНОЕ ЕДИНОВЛАСТИЕ СТАЛИНА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ.

О. А. Галустьян

*доктор юридических наук, профессор,
генерал-майор*

В статье рассказывается о предпосылках начала войны 1941 г. Дана оценка действий И. В. Сталина. Говорится о промахах и ошибках советского руководства, которое стоило жизни миллионам русских, украинцев, белорусов, армян, грузин, азербайджанцев и других народов СССР, видевших в нем мудрого и предусмотрительного государственного руководителя, умеющего разоблачать все происки врага. Потребовались новые огромные жертвы советских народов, чтобы исправить трагические просчеты своего руководства и довести войну до Великой Победы.

Ключевые слова: война, И.В. Сталин, военная разведка, Гитлер, бомбовые удары, стратегия вооруженной борьбы, диктаторы, рейх.

Начало лета 1941 года. Москва. Кремль. В кабинет вождя советских народов Иосифа Виссарионовича Сталина вошел шеф военной разведки, генерал Ф.И. Голиков для доклада о сообщениях зарубежной агентуры. На стол легла красная сафьяновая папка с изготовленными в одном экземпляре текстом шифровок. Последние месяцы агентурные источники из Германии, Англии, Швейцарии, Японии, Чехословакии, как говорится, в один голос сообщали: Гитлер решил напасть на СССР летом 1941 года. И.В. Сталин красным карандашом написал: «Накажите этого провокатора!» Указания вождя исполнялись неукоснительно. В органах госбезопасности по линии внешней разведки было заведено специальное досье — серая папка — для сообщений «провокационного характера». В ней оказалась и шифровка Рамзая (Героя Советского Союза Рихарда Зорге) от 1 июня 1941 года, предупреждавшая Центр о скором начале войны.

Поражает почти маниакальная настойчивость, с которой И.В. Сталин отвергал более чем достоверную инфор-

мацию о приближающемся нападении фашисткой Германии на СССР.

Маршал Г.К. Жуков вспоминает о первом дне войны:

В 4 часа 30 минут утра мы с С.К. Тимошенко приехали в Кремль. Все вызванные члены Политбюро были уже в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет. И.В. Сталин был очень бледен и сидел за столом, держа в руках не набитую табаком трубку. Мы доложили обстановку И.В. Сталин недоумевающе сказал: — **Не провокация ли это немецких генералов?** — Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же это провокация?.. — ответил С.К. Тимошенко. — Если нужно организовать провокацию, — сказал И.В. Сталин, — **то немецкие генералы бомбят и свои города...** — И, подумав немного, продолжал: — **Гитлер наверняка не знает об этом...** Звоните в германское посольство, — обратился он к В.М. Молотову. В посольстве ответили, что посол граф фон Шуленбург просит принять его для срочного сообщения.

Принять посла было поручено В.М. Молотову ... Через некоторое время в кабинет быстро вошел В.М. Молотов и сказал: Германское правительство объявило нам войну И. В. Сталин молча опустил на стул и глубоко задумался. Наступила длительная, тягостная пауза.¹

Даже после сообщения о том, что вражеские самолеты нанесли бомбовые удары по аэродромам, военно-морским базам, узлам и линиям связи, железно-дорожным станциям, военным городкам и другим военным объектам, а сухопутные войска вторглись на советскую территорию от Финского залива до Черного моря, И.В. Сталин не мог осознать, что речь идет не о провокации, а о начале тотальной войны. Сейчас кажется странным, что он допускал возможность неосведомленности Гитлера о начале военных действий, предполагал возможность «бомбежки своих городов» гитлеровскими генералами.

В одном из выступлений по вопросам борьбы с оппозицией И.В. Сталин утверждал, что «трудно обмануть товарища Сталина» (он любил говорить о себе в третьем лице). Получается, что последние годы перед началом Великой Отечественной войны вождь советских народов занимался введением в заблуждение самого себя. По данной проблеме изданы во многих странах мира сотни научных трудов и исследований, пытающихся раскрыть тайну этого необычного феномена. Действительно, как могло случиться, что государственный деятель, имевший огромный опыт руководства страной, наделенный большой проницательностью, которую не отрицал даже его личный враг Л.Д. Троцкий, мог так жестоко ошибаться в оценке международной обстановки. Наиболее часто тиражируется утверждение, что:

Все это произошло главным образом вследствие допущенного Сталиным просчета в оценке военно-полити-

ческой обстановки, считавшего, что наличие пакта о ненападении гарантирует нас на ближайшее время от войны с Германией. В результате этого не были своевременно приняты все необходимые меры по усилению обороны страны и, особенно, по приведению войск приграничных округов в боевую готовность.²

Это утверждение не соответствует действительности. И.В. Сталин прекрасно понимал истинную цену договора, заключенного в 1939 году с фашистской Германией, который преследовал цель получения выигрыша во времени. После того как Гитлер превратил в клочок бумаги мюнхенские соглашения ни у кого не осталось сомнения, что любой пакт может быть им односторонне расторгнут, если в нем отпадет необходимость. Сводить вопрос ошибок И.В. Сталина только к переоценке им договора о ненападении с Германией, значит исказить правду истории.

Нельзя сказать, что И.В. Сталин не готовился к войне с Германией. 14-17 апреля 1940 года на расширенном совещании Главного военного совета он говорил о том, что необходимо воспитывать у командного состава Красной Армии сознание необходимости ведения активной обороны, «включающей в себя наступление». Идея наступательного характера будущей войны настойчиво внедрялась в сознание советских людей. Песня «Если завтра война, если завтра в поход — будь сегодня к походу готов» неслась из репродукторов по всей стране. Слова «будем бить врага на его территории» были аксиомой, не требующей доказательства. Это помнят советские люди старшего поколения.

Опубликованные недавно секретные материалы свидетельствуют о том, что концепция наступательного характера боевых действий с Германией была реализована в конкретных документах Генерального штаба Красной Армии. Они

назывались «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками». Согласно этим документам, предполагалось наступление на Германию силами половины советских сухопутных войск, находившихся в распоряжении руководства СССР. Остальная часть предназначалась для обороны. Документы были подготовлены 6-15 мая 1941 года.

5 мая 1941 года И.В. Сталин выступил с большими докладами в Большом театре и Кремлевском дворце перед выпускниками военных академий, в которых проанализировал международную обстановку и указал на Германию, как на страну, начавшую Вторую мировую войну. Подчеркнул, что необходимо готовить народ и армию «ко всяким случайностям и неожиданностям», причем стратегия вооруженной борьбы должна учитывать необходимость перехода от обороны «к военной политике наступательных действий». На приеме в честь выпускников академии И.В. Сталин неллицеприятно отозвался о правителях Франции, которые в силу своего «самодовольства» проиграли войну Германии. Через 48 дней сам И.В. Сталин окажется в числе незадачливых правителей, прозевавших мощный удар гитлеровского вермахта.

Намного позднее, 21 декабря 1959 года, в Лондоне, в палате общин, выступил премьер министр Великобритании сэр Уинстон Черчилль. В день 80-летия покойного вождя советского народа он произнес в присутствии ему блестящем стиле речь памяти полководца, вместе с которым британцам удалось победить гитлеровскую Германию. В числе черт личности И.В. Сталина Черчилль отметил то, что он **«никогда не поддавался иллюзиям»**. Тем более озадачивает, что такой мудрый вождь оказался так жестоко обманутым. Он, один из лучших аналитиков своего времени, обладавший редким по остроте умом, буквально

налету «схватывавший» информацию, поражавший глубиной и логичностью своих выводов, не смог осознать степени близости военной опасности.

Между тем до настоящего времени нет обстоятельных исследований, объясняющих психологические **причины**, вследствие которых И.В. Сталин так заблуждался относительно возможности нападения Гитлера на СССР. Поскольку исторический анализ в любой сфере социальной жизни содержит не только познавательные аспекты, но и является средством воспитания новых поколений, попытаемся понять систему доводов, которыми И.В. Сталин мог объяснять самому себе свои действия, какие психологические барьеры выдвигал против потока информации о неминуемом приближении смертельной схватки с фашизмом летом 1941 года. Конечно, мои суждения носят предположительный характер, учитывая многогранность мышления такой крупной исторической личности, как И.В. Сталин, и сложности международной обстановки на европейском континенте тех лет.

Испокон веков известно, что угроза агрессии начинается с концентрации вооруженных сил потенциального противника на государственной границе той страны, которая может стать объектом нападения. Данных о том, что гитлеровская Германия в 1940-1941 гг. наращивала свою военную группировку у границ СССР, было более чем достаточно. Размещение на западных рубежах Советского Союза 190 пехотных, танковых и моторизованных дивизий общей численностью свыше 5,5 млн. человек было той реальностью, которая фиксировалась многочисленными источниками получения оперативной информации. Немецкие войска появились в соседней Финляндии, а также на территории ее других стран — сателлитов.

14 июня 1941 года в советских центральных газетах было опубликовано сообщение ТАСС, в котором отрица-

лось возможность нападения Германии на Советский Союз. В нем, в частности, указывалось: «...происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связано, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательств к советско-германским отношениям...» Из факта опубликования этого сообщения, которое дали, разумеется, по инициативе И.В. Сталина, следует, что он был осведомлен о концентрации немецких вооруженных сил на границах Советского Союза. В связи с тем, что средства массовой информации Германии не перепечатали этого сообщения ТАСС, нетрудно казалось бы предположить, что германская сторона уклоняется от поддержки высказанной в нем позиции. Проведенное ранее зондирование в виде личной переписки И.В. Сталина с Гитлером показало явную надуманность тех объяснений, которые последний давал своему советскому коллеге. В соответствии с разработанным планом дезинформационных мероприятий германские власти объясняли концентрацию своих войск у границ СССР тем что они, якобы «спасаются» от английских бомбардировок. Однако это сомнительное объяснение было принято И.В. Сталиным за истину.

Находившийся в то время в центре политической жизни Советского Союза А.И. Микоян, подробно рассказывая в своих мемуарах об угрозах, исходивших от гитлеровской Германии, писал:

Просчет Сталина в оценке военно-политической обстановки, сложившейся перед началом войны, **необъясним**. Ведь ему было известно, что у нашей западной границы сосредоточивается огромное число гитлеровских войск... Уже это одно обстоятельство говорило о необходимости немедленно привести Красную Армию в боевую готовность... Однако Сталин упорно продолжал счи-

тать, что войны именно тогда не будет. Советские войска переезжали в летние лагеря, проводили полевые учения, а многие офицеры находились в отпусках. **Сталину не хотелось войны, и это свое нежелание, эту свою концепцию он возводил в факт, в который верил и которого неуклонно придерживался, не смотря на то, что этот факт шел вразрез с реальной обстановкой.** Мы пытались переубедить его, но это было невозможно.³

Итоги первых трех недель войны известны. 28 советских дивизий были окружены и разбиты. Значительное количество личного состава этих дивизий пленено. Многие пропали без вести. Почти 70 дивизий понесли тяжелые потери в живой силе и техники. Оказалась потерянной почти вся авиация, которая базировалась в пограничной полосе. Маршал Г.К. Жуков констатирует:

Советские Вооруженные Силы, и особенно войска Западного фронта, понесли крупные потери, что серьезно отразилось на последующем ходе событий. Соотношение сил и средств на советско-германском фронте еще более изменилось в пользу врага. Противник продвинулся в глубь страны на 500 — 600 километров и овладел важными экономическими районами и стратегическими объектами. Все это явилось большой неожиданностью для советского народа и наших войск, которые в психологическом отношении не были подготовлены к таким тяжким испытаниям.⁴

Ответственность за неподготовленность к войне в значительной степени лежит на И.В. Сталине, допустившем грубый просчет в оценке оперативной обстановки. В нашем анализе попытаемся рассмотреть те аргументы, которые он мог выдвигать в защиту своего ошибочного мнения о том, что война не может начаться летом 1941 года. На наш взгляд, в основе такой убежденности Сталина

лежали итоги Первой мировой войны. Как знаток истории, в том числе военной, он знал о том обстоятельном разборе причин поражения Германии в этой войне, проведенном немецкими военными теоретиками и военачальниками. Главный вывод этих исследований состоял в том, что кайзеровская Германия отступила от требований разработанного генерал-фельдмаршалом фон Шлиффеном (1833-1913 гг.), так называемого «Шлиффен плана 1905». В этом плане были сформулированы основные положения стратегии войны Германии на европейском театре военных действий. Предполагалось сначала нанести решительный удар по Франции, а после ее разгрома переключиться на восточный фронт и начать войну против Российской империи. Однако этой очередности не получилось. Германия ввязалась в войну на два фронта и это завершилось ее капитуляцией. Видимо, И.В. Сталин полагал, что пока Гитлер «не разобрался» на Западе с Великобританией, воевать с СССР он не будет. Между тем, после того как была разбита Франция сухопутные войска Германии имели возможность передислоцироваться на Восток. Таким образом, просчет кайзера Вильгельма II гитлеровские генералы постарались «исправить». Кроме того, знаковым событием было прекращение в мае 1941 года массовых бомбежек Лондона и других британских городов.

В 1935 году один из руководителей боевых действий на русском фронте в Первую мировую войну генерал-фельдмаршал фон Людендорф, с которым Гитлер проводил свой путч 1920 года в Баварии, издал книгу «Тотальная война». Обосновывая идеи «блицкрига», Людендорф рекомендовал сконцентрировать усилия на одном направлении театра военных действий с тем, чтобы масса войск была построена в один атакующий эшелон. Достаточно было взглянуть на разведывательную карту дислокации немецких войск на западной границе СССР, кото-

рая имелась в Генштабе Красной Армии, чтобы понять, что Гитлер решил превратить идею своего военного наставника в жизнь.

По свидетельству современников, И.В. Сталин часто высказывал мысль о том, что Гитлер осознавал разницу между военной мощью западных держав и экономическим, техническим, военным потенциалом СССР. Возможно, это убеждение основывалось на книге немецкого исследователя Макса Вернера «Военная мощь держав», изданной в 1938 году в Германии и на следующий год в Лондоне⁵, (на русский язык эта книга до сих пор не переведена и находилась в спецхране). Конечно, И.В. Сталин, знал ее содержание. В книге приведены обширные данные по экономике, технической оснащенности, военной подготовке армии многих стран. Дается «полный расклад» данных о военной мощи СССР, Германии, Франции, Англии, США, Японии и других стран мира. Автор утверждал, что в тридцатые годы прошлого века армия СССР была сильнее вермахта Германии. Советский Союз он ставил на первое место по своим военным возможностям. По-видимому, это обстоятельство и успокаивало И.В. Сталина поскольку, конечно, он был уверен, что и Гитлеру известно эта публикация немецкого аналитика.

Известно, что Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года с вооруженной провокации. Немцы ложно обвинили Польшу в нападении на приграничную радиостанцию. Когда около 4 часов утра 22 июня 1941 года гитлеровские войска по кодовому оповещению «Дортмунд» вторглись в пределы СССР, советское командование никак не могло отделаться от навязчивой идеи провокации. В первой директиве, направленной в войска, это слово употребляется дважды. Похоже, что руководство страны во главе с И.В. Сталиным связывало начало войны с некими формальными поводами, дипломатическими демаршами,

обменами, протестами и нотами, позволявшими выиграть время, и, в крайнем случае, пойти на уступки, компромисс. Слово о «вероломстве» нападения Германии, прозвучавшей в речи В.М. Молотова в первый день войны, как раз и отражало эту иллюзорную надежду. Между тем времена «цивилизованного» объявления войны давно миновали.

Однако чаще всего в качестве причин заблуждения И.В. Сталина называют его болезненную подозрительность, стремление во всех видеть врагов и провокаторов, плетущих паутину заговоров. Этот личностный фактор сыграл свою роковую роль в тех просчетах, которые допустил советский лидер, упорно закрывая глаза на очевидные факты энергичной подготовки гитлеровской Германии к ширококомасштабной войне на Востоке.

Революционное прошлое И.В. Сталина, вступившего в пятнадцатилетнем возрасте на большевистский путь борьбы с царизмом, оставило неизгладимый след в его психике. Подававший надежды юный поэт, стихи которого печатались в антологии грузинской поэзии, в результате долгих лет подполья, ссылки, каторги, побегов превратился в болезненно настороженного, недоверчивого, подозрительного человека. Эта деформация психики привела к развязанному им массовому террору в стране, гибели десятков тысяч талантливых военачальников, которые должны были сказать свое слово в надвигавшейся войне. Понятия «провокация», «провокация» доминировали в его сознании.

Приведем некоторые примеры того, как эти черты личности И.В. Сталина не позволили верно оценить ситуацию в предвоенные годы.

5 мая 1941 года в Москве произошло событие, весьма редкое в мировой истории и дипломатической практики. Чрезвычайный и Полномочный посол Германии граф Фридрих Вернер фон Шуленбург (1875-1944 гг.), представи-

тель одной из древнейших немецких аристократических фамилий, пригласил на обед своего коллегу — советского посла в Берлине В.Г. Деканозова и заведующего Центральным — европейским отделом Наркомата иностранных дел В.Н. Павлова.

В беседе посол Германии по существу открытым текстом сообщил, что Гитлер решил напасть на Советский Союз. Выбор собеседников был не случайным. В.Г. Деканозов был ближайшим сподвижником Л.П. Берия, а В.Н. Павлов — любимым переводчиком И.В. Сталина и В.М. Молотова. Посол полагал, что его особо важная информация таким путем скорее всего дойдет до советских руководителей и они примут надлежащие меры.

По этому вопросу состоялись еще две встречи — 9 и 12 мая 1941 года.⁶ Но граф, рисквавший собственной жизнью, ошибся. И.В. Сталин расценил подвиг посла, как очередную провокацию со стороны Германии. В дальнейшем фон Шуленбург ненавидевший, как все истинные немецкие аристократы, «богемского ефрейтора» Гитлера, стал участником не удавшегося заговора против фюрера и был казнен. При объективном анализе нетрудно было вычислить, что никакой провокации со стороны посла Германии не было. Он на свой страх и риск стремился уберечь Россию от вероломного нападения фашистов. По вине И.В. Сталина его призыв к бдительности оказался «гласом вопиющего в пустыне».

Особо тяжкие впечатления оставляют многочисленные документы, подтверждающие безответственное игнорирование И.В. Сталиным сообщений внешней разведки. Советская довоенная закордонная разведка была, пожалуй, лучшей в мире, превосходя знаменитый «интеллидженс сервис» британцев. В те годы сочувствие идеям социализма и коммунизма, ненависть к нацизму приводила в ряды советской разведки многих талантливых бескорыстных людей, стремившихся из высоких побуждений

помочь стране «победившего социализма». Они находили доступ к строжайше засекреченной информации, общались с «носителями» государственных тайн, высоко поставленными чиновниками иностранных государств, получая из первых рук ценнейшие данные. Сейчас в героической эпопее деятельности советских разведчиков открываются все новые и новые страницы. Но тогда на многих их донесениях, как мы уже говорили, красный карандаш И.В. Сталина ставил убийственный вердикт: «провокация».

В строжайшем секрете гитлеровское командование хранило утвержденный 18 декабря 1940 года «план Барбаросса» (Barbarossa Fall). Вместе с «Директивой по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск главного командования сухопутных войск» от 31 января 1941 года он составлял основополагающие документы, которые определяли задачи войны против СССР. Из опубликованной недавно карты развертывания войск⁷ видно, что стрелы ударов направлены на Петербург, Москву, Киев, осуществляемые группировками «Север», «Центр», «Юг».

20 марта 1941 года, менее чем через два месяца, на столе И.В. Сталина лежал доклад внешней разведки. Читаем у маршала Г.К. Жукова:

В этом документе излагались варианты возможных направлений ударов немецко-фашистских войск при нападении на Советский Союз. Как потом выяснилось, они последовательно отражали разработку гитлеровским командованием плана «Барбаросса», а в одном из вариантов, по существу, отражена суть этого плана. В докладе говорилось: «Из наиболее вероятных военных действий, намечаемых против СССР, заслуживают внимания следующие: Вариант № 3, по данным... на февраль 1941 года: «...для наступления

на СССР, написано в сообщении, создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бока наносит удар в направлении Петрограда; 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта — в направлении Москвы и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееба — в направлении Киева. Начало наступления на СССР — ориентировочно на 20 мая».⁸

В сообщении разведки была одна неточность: Рундштедт командовал группой «Юг», а Лееб — «Севером». Дату наступления Гитлер перенес. Однако и это ценнейшее донесение было отнесено к разряду «провокационных». Так крупнейшее достижение советской внешней разведки было перечеркнуто.

После войны, по словам Н.С. Хрущева, в доверительной беседе И.В. Сталин как-то сказал ему: «Конченный я человек — себе не верю». **Такое «туннельное видение» абсолютно противопоказано государственным деятелям, отвечающим за национальную безопасность народов.**

Диктаторы во все времена и у всех народов никогда ни отличались мягкосердечием. В их числе был и И.В. Сталин — один из самых жестоких правителей. Стоя на мавзолее, на Красной площади, во время Парада Победы, когда к его ногам бросали знамена поверженного «тысячелетнего рейха», он все же, наверное, с раскаянием вспомнил позорные, полные невосполнимых потерь первые недели войны.

А.И. Микоян вспоминает:

Приехали на дачу к Сталину. Застали его в малой столовой сидящим в кресле. Увидев нас, он как бы вжался в кресло и вопросительно посмотрел на нас. Потом спросил: «Зачем пришли?» Вид у него был настороженный, какой-то странный, не менее стран-

ным был и заданный им вопрос. Ведь по сути дела он сам должен был нас созвать. У меня не было сомнений: **он решил, что мы приехали его арестовать.**⁹

Это значит, И.В. Сталин понял, что совершил не ошибку, а преступление, которое стоило жизни миллионам русских, украинцев, белорусов, армян, грузин, азербайджанцев и других народов СССР, видевших в нем мудрого и предусмотрительного государственного руководителя, умеющего разоблачать все происки врага. Потребовались новые огромные жертвы советских народов, чтобы исправить трагические просчеты своего руководства и довести войну до Великой Победы. На приеме в Кремле в честь победителей И.В. Сталин, правда, в завуалированной форме, покаялся в содеянном...

Покаяние в содеянном конечно крайне важно. Сталин это прекрасно понимал, как в прошлом воспитанник духовной семинарии. Однако он покаялся в завуалированной форме, поскольку открытое покаяние в содеянном свидетельствовало бы о признании им своих преступных ошибок, чего он не хотел делать. Это явилось бы для него самоубийством.

В случае признания в содеянном во время войны потребовало бы признания в содеянном и в 30-е годы, связанные с репрессированием миллионов людей, раскулачиванием крестьян, их варварским уничтожением. О которых с болью в сердце пишет известный русский писатель Александр Арцибашев в своей книге «По Ивдельской дорожке». «Страшное было время! Поистине геноцид против своего народа. История Руси, пожалуй, не помнит такого варварства! Свирепые уральские стужи, голод, болезни косили людей тысячами...»

«Как — то, возвращались с охоты, зашли мы с отцом в спецпоселок Каменку. Отец решил зайти в один из барачков.

И вот, как сейчас, перед глазами: Нары, а на них — разлагающиеся трупы людей... И похоронить — то, бедных, было некому...»¹⁰

Без содрогания невозможно читать эти строки!

Думается, если бы Россия развивалась естественным, эволюционным, прогрессивным путем, предначертанным Петром Великим, Екатериной Второй, Александром Вторым и многими другими лучшими представителями русского народа, по иному сложилась бы ее судьба! Внутренние противоречия не привели бы огромную страну к катастрофе, революции 1917 года. Не пришли бы к власти такие личности как Сталин, с неограниченной единоличной властью, и не было бы столько жертв, о которых идет речь.

Тем не менее, как мне кажется, нам требуется душевное покаяние, на государственном уровне во всем содеянном. Думаю, этого ждут «души» безвинно погибших на войнах и в тяжелых спецпоселках, на лесоповалах, в тюрьмах, психиатричках и т.д. Эти «души» не успокоятся, пока не будет покаяния перед ними. Кто знает, возможно, наши сегодняшние беды — войны, военные конфликты, кризисы, неудачи, техногенные катастрофы и природные катаклизмы с ужасными человеческими жертвами связаны с нашими грехами перед людьми, их «душами»...?

Кроме того, как мне кажется, покаяние в содеянном в прошлом прежде всего лидерами России, как правопреемницы СССР — это гарантия в неповторении впредь подобных злодеяний. Поскольку покаяние — это и обращение к Богу с просьбой о прощении за грехи. А это серьезно!

Уверен, исторические пути и уроки России впрок нам пойдут, обязательно...! И она вновь станет главной, экономически развитой, цивилизованной державой мира!

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Георгий Жуков: Сборник. М., Новатор, 1998. С. 71-72.
- 2 Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны (22 июня — середина июля 1941 года): военно-исторический очерк. М., Воениздат, 1962. С. 203.
- 3 Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., Вагриус, 1999. С. 381.
- 4 Георгий Жуков: Сборник. М., Новатор, 1998. С. 75.
- 5 Max Verner The military strength of the power. L. 1939
- 6 Документы внешней политики. Т. XXIII, кн. 2, ч. 2. М., 1998. С. 654-657, 664-667, 675-679.
- 7 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart 1983. Band 4.
- 8 Георгий Жуков: Сборник. М., Новатор, 1998. С. 117.
- 9 Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., Вагриус, 1999. С. 391
- 10 Арцибашев А.Н. По Ивдельской дорожке. Повести, рассказы, очерки. — М.: Голос — Пресс, 2007. 178 — 179.